ЛѢТОПИСЬ

ПРОИСХОДЯЩИХЪ ВЪ РАСКОЛѢ СОБЫТІЙ

ЗА 1896 ГОДЪ.

ИЗДАЛЪ

Н. Субботинъ.

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа.
Воздвиженка Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера
1897.

Отъ Московскаго Духовно цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва, января 9-го дня 1896 года.

Цензоръ протоіерей *Іоаннъ Петропавловскій*

Отдѣльный оттискъ изъ №№ 1—20 журнала «*Братское Слово*»
за 1896 годъ.

Лѣтопись происходящихъ въ расколѣ событій.

1. Арестъ лжепопа Мельникова и побѣгъ его сыновей. — Письмо бѣглопоповца объ этомъ событіи.

Новую «Лѣтопись» приходится начать сказаніемъ объ одномъ прошлогоднемъ событіи, весьма огорчившемъ ревнителей австрійскаго лжесвященства и дѣйствительно прискорбномъ для нихъ, — не только прискорбномъ, но и позорномъ, притомъ еще угрожающемъ большими непріятностями и потерями для австрійщины, такъ высоко поднявшей голову въ послѣднее время.

Кому изъ нашихъ читателей не извѣстно имя раскольническаго, по австрійщинѣ, попа въ Новозыбковѣ Еѳима Мельникова и двухъ сыновей его, знаменитыхъ «героевъ» раскола, составившихъ себѣ славу въ раскольническомъ мірѣ неслыханною даже среди фанатиковъ раскола дерзостью и наглостью въ ругательствахъ на православную церковь и на защитниковъ церкви? О подвигахъ этихъ двухъ «юныхъ героевъ», о возмутительныхъ поступкахъ ихъ на публичныхъ бесѣдахъ съ миссіонерами и въ Стародубьѣ, и въ Бессарабіи, и наконецъ въ Москвѣ,—словомъ вездѣ, гдѣ ни появлялись они, приходилось намъ говорить уже много разъ, равно какъ и о томъ, съ какимъ восторгомъ смотрѣли и смотрятъ раскольники австрійскаго согласія на эти неимовѣрныя наглости братьевъ Мельниковыхъ, какими превозносили и превозносятъ ихъ похвалами, почитая ихъ непобѣдимыми защитниками австрійскаго раскола.

И вотъ получилось извѣстіе, что родитель сихъ «героевъ», тоже превозносимый раскольниками, и даже за одно рожденіе такихъ «героевъ», самъ Еѳимъ Мельниковъ 29 ноября прошлаго года арестованъ и посаженъ въ тюрьму, а сыновья его, знаменитые-то герои, позорнѣйшимъ образомъ бѣжали, скрываясь отъ правительства, — младшій, Ѳедоръ, убѣжалъ изъ Новозыбкова съ однимъ изъ раскольниковъ, небезъизвѣстнымъ для нашихъ читателей, нѣкіимъ Ѳедюшинымъ, въ которомъ мы и прежде подозрѣвали именно пріятеля и сподвижника Мельниковыхъ [1]), а старшій, Василій, изъ Нижегородской губерніи, гдѣ пребывалъ у знаменитаго же въ своемъ родѣ Онисима Швецова для вящшаго наученія раскольнической премудрости...

При этомъ извѣстіи у каждаго невольно родится мысль, что Мельниковъ отецъ взятъ за преданность «старой вѣрѣ» и горячую ревность объ ея распространеніи, а сыновья, не смотря на все ихъ геройство, убоялись страдать за ту же вѣру, которую защищали съ такою неслыханною дерзостью. Православные съ радостью подумаютъ, что наконецъ-то и само гражданское правительство подвиглось на защиту православной вѣры, такъ нагло и дерзко поносимой Мельниковыми, и рѣшилось положить предѣлъ ихъ клеветамъ и дерзостямъ на ту церковь, къ которой принадлежитъ, какъ первый сынъ ея и державный покровитель, самъ богодарованный Государь нашъ. А раскольники, поскорбѣвъ о гоненіяхъ, постигающихъ въ лицѣ Мельникова ихъ мнимое древлеправославіе, по всей вѣроятности, тоже возрадуются, что явился у нихъ новый страдалецъ за вѣру, который, по освобожденіи, увѣнчанный мученическимъ вѣнцомъ, еще съ большею ревностью и съ большимъ успѣхомъ выступитъ на защиту «древлеправославія», и только посѣтуютъ на «юныхъ героевъ», зачѣмъ они такъ постыдно бѣжали отъ воспріятія та-

[1]) Письма къ намъ этого Ѳедюшина и наши замѣчанія на нихъ напечатаны въ „Брат. Сл.“ 1895 г. (т II, стр. 71 и 293).

кихъ же вѣнцовъ. Но и тѣ и другіе, и православные и раскольники, на сей разъ горько ошибутся. Нѣтъ сомнѣнія, и мы глубоко убѣждены, что кара, постигшая стараго Мельникова, и позоръ, павшій на голову его сыновей, посланы на нихъ Богомъ за ихъ вражду къ православной церкви, за поношенія и клеветы на нее, за все зло, какое причинили ей. Земная власть была орудіемъ Божія гнѣва на этихъ враговъ и ругателей церкви; но сама она, эта власть, вооружилась противъ Мельникова совсѣмъ не за вражду ихъ и брань на церковь, не за проповѣдь и распространеніе раскола. И развѣ за такія вины кто-нибудь подвергается у насъ серіозной отвѣтственности, хотя бы и вчинались подобнаго рода дѣла? Развѣ сама судебная власть, не говоря уже о наемной адвокатурѣ, не выступаетъ теперь защитницей раскола? Всѣмъ памятенъ знаменитый судъ надъ Швецовымъ: несмотря на то, что при немъ найдено множество враждебныхъ церкви его собственныхъ изданій, напечатанныхъ за границей и въ русскихъ подпольныхъ раскольническихъ типографіяхъ, онъ вышелъ изъ суда вполнѣ оправданный, съ высоко поднятой головой, при ликованіяхъ раскольниковъ. Если бы Еѳима Мельникова арестовали за пропаганду раскола, за враждебныя дѣйствія противъ церкви, онъ нимало не смутился бы и не огорчился бы вовсе, зная напередъ, что выйдетъ изъ суда оправданнымъ, какъ и Швецовъ, еще съ ореоломъ страдальца за вѣру. И сыновья его не бѣжали бы отъ полученія этихъ вѣнцовъ, которыхъ они, напротивъ, добивались, нагло вызывая православныхъ собесѣдниковъ предать ихъ суду, — примѣръ ихъ учителя Швецова постоянно увлекалъ ихъ. Нѣтъ, — не за вѣру, не за преданность глаголемому старообрячеству, не за его защиту и распространеніе, не за брань и клеветы на церковь арестованъ Еѳимъ Мельниковъ, а просто за поддѣлку фальшивыхъ документовъ; не отъ страдальческихъ вѣнцовъ за вѣру бѣжали и его дѣти, а спасаясь отъ законной кары за участіе въ мошенническихъ дѣлахъ отца и за содѣйствіе

этимъ дѣламъ. Преслѣдуются они, какъ обыкновенные преступники, за мошенничества и подлоги; и все же намъ видится здѣсь рука Провидѣнія, карающая ихъ за ихъ вражду противъ церкви Христовой, за ихъ брань и клевету на нее.

Но въ чемъ же дѣло?

Мы всегда питали, и даже печатно выражали, сомнѣніе въ томъ, чтобы Мельниковы, и отецъ и дѣти, были искренно преданы старообрядчеству и чтобы религія вообще составляла основу ихъ жизни и дѣятельности. Они вовсе не изъ того разряда весьма рѣдкихъ теперь старообрядцевъ, къ которому принадлежалъ въ недавнее время Ксеносъ,— не изъ числа старообрядцевъ искреннихъ, пекущихся только о спасеніи души и изъ страха лишиться спасенія крѣпко держащихся ученій раскола; они даже не походятъ и на тѣхъ раскольниковъ, типическимъ представителемъ которыхъ служитъ теперь Швецовъ, а прежде былъ Павелъ Бѣлокриницкій, — фанатически преданныхъ расколу, измышляющихъ всякую ложь въ его защиту, при увѣренности, будто защищаютъ истину. Для Мельниковыхъ ни православіе, ни расколъ не имѣютъ цѣны сами по себѣ,— они готовы съ одиноковою ревностью служить тому, или другому, смотря по тому, что выгоднѣе и доходнѣе. И такъ какъ служеніе расколу, посредствомъ наглой брани на церковь, гораздо прибыльнѣе, удобно доставляетъ и славу въ расколѣ и, что̀ еще важнѣе, большія матеріальныя выгоды, то они и занялись пропагандой раскола съ неслыханной доселѣ дерзостью, и пропагандой именно австрійскаго раскола, къ которому принадлежатъ самые видные богачи-раскольники, и въ Стародубьѣ, и въ Москвѣ; это карьеристы и оппортунисты раскола, — типъ раскольниковъ, недавно явившійся, представителями котораго, кромѣ Мельниковыхъ, служатъ еще всѣ эти Бриліантовы и прочіе «братчики». Старый Мельниковъ давно извѣстенъ съ этой стороны; было время, когда онъ изъявлялъ желаніе даже перейти въ единовѣріе, потомъ очень хлопо-

талъ сдѣлаться попомъ на Рогожскомъ Кладбищѣ, — и все въ видахъ лучшаго обезпеченія своего матеріальнаго положенія. Въ Стародубьѣ онъ основался окончательно послѣ того, какъ успѣлъ присосаться къ золотому мѣшку извѣстнаго тамъ милліонера—Шведова; жена этого Шведова сдѣлалась даже воспріемницей его дѣтей. Старики Шведовы были большіе скупцы; но Мельниковъ умѣлъ вытягивать отъ нихъ порядочныя суммы, а всего болѣе разсчитывалъ на полученіе большого состоянія по ихъ завѣщанію. Эта надежда однако не вполнѣ оправдалась, и раздосадованный Мельниковъ, по смерти стариковъ Шведовыхъ, началъ даже интриги противъ законныхъ ихъ наслѣдниковъ и участвовалъ въ громкомъ судебномъ дѣлѣ о шведовскихъ капиталахъ. Послѣ этого, сильно скомпрометированный, онъ и замыслилъ извѣстную поѣздку свою на Востокъ для разысканій объ Амвросіи, желая выступить передъ старообрядцами ревнителемъ австрійскаго лжесвященства и привлечь къ себѣ расположеніе наиболѣе горячихъ его сторонниковъ, каковъ особенно другой стародубскій милліонеръ Гусевъ, который дѣйствительно и дѣлается съ этого времени великимъ его благотворителемъ. Здѣсь сотрудниками Мельникова являются уже и сыновья его, все болѣе и болѣе расширяющіе потомъ свою дѣятельность въ защиту раскола и, наконецъ, дѣлающіеся раскольническими «львами» и «героями». И слава, и почести, и деньги, — всего было уже, казалось бы, достаточно; но Мельникова не переставали соблазнять и досадовать шведовскіе милліоны, которыми не успѣлъ онъ попользоваться въ желаемыхъ размѣрахъ. И вотъ онъ задумалъ вознаградить себя, — предъявилъ ко взысканію векселъ въ 25.000 р., будто бы выданный одною изъ наслѣдницъ Шведовыхъ сыну его Василью. Г-жа Шведова не признала векселъ и представила доказательства его подложности; дѣло приняло уголовный характеръ и Еѳима Мельникова арестовали...

Тогда же возникло дѣло и по другому уголовному преступленію Мельниковыхъ. Надобно сказать, что наши рас-

кольники, всегда выставляющіе на видъ, гдѣ нужно, свои вѣрноподанническія якобы доблести, едва ли уступятъ жидамъ въ измышленіи разныхъ способовъ къ освобожденію отъ воинской повинности своихъ сыновей и внуковъ. Объ этихъ ихъ продѣлкахъ мы поговоримъ когда-нибудь. Мельниковъ, разумѣется, не отсталъ отъ другихъ. У него, какъ извѣстно, два сына, и первый, Василій, только однимъ годомъ старше другого, Ѳедора. Пришло время для Василья отбывать воинскую повинность. Какъ освободить отъ этой бѣды «героя», готоваго сражаться только противъ святой церкви, а не противъ враговъ отечества? Мельниковъ рѣшился воспользоваться для этого обычнымъ у раскольниковъ способомъ: онъ убавилъ на цѣлыя пять лѣтъ возрастъ младшаго сына и такимъ образомъ старшій, при призывѣ, разумѣется, съ помощью злата и сребра, признанъ льготнымъ и освобожденъ отъ воинской повинности. Это было въ 1893 году, когда Василью было 20 лѣтъ, а Ѳедоръ, имѣвшій отъ роду 19 лѣтъ, объявленъ только 14-ти-лѣтнимъ. И вотъ этому съ подбритой бородкой «герою» теперь будто бы только еще шестнадцать лѣтъ! При слѣдствіи о фальшивомъ векселѣ обнаружился и этотъ подлогъ, это уменьшеніе лѣтъ меньшому сыну съ злостной цѣлію — освободить старшаго отъ исполненія воинской повинности. Предстоитъ судъ и по этому обвиненію.

Ефимъ Мельниковъ, по распоряженію судебнаго слѣдователя, былъ арестованъ, какъ мы сказали, 29 ноября и заключенъ въ тюрьму, — длинные волосы, которыя по вольности раскола носилъ онъ въ качествѣ «старообрядческаго священника», острижены по-арестантски, и вмѣсто ряски облекли его въ арестантскій халатъ. Въ этомъ видѣ его и проводятъ по Новозыбкову изъ тюрьмы для допросовъ въ квартиру судебнаго слѣдователя, къ великому огорченію мѣстныхъ раскольниковъ. Такъ какъ въ обоихъ дѣлахъ, и въ составленіи фальшиваго векселя и въ уклоненіи отъ воинской повинности, замѣшаны и оба сына Ефима Мельникова, то они и поспѣшили скрыться отъ предстоявшаго

имъ арестованія: Василій куда-то бѣжалъ, какъ сказано выше, изъ Нижегородской губерніи, а Ѳедоръ изъ Новозыбкова. Почему съ этимъ послѣднимъ скрылся и Ѳедюшинъ? — Объ нихъ обоихъ еще ранѣе возникло дѣло по обвиненію ихъ въ оскорбленіи православной церкви. Въ іюнѣ прошлаго 1895 г. пришли они въ книжную лавку въ Новозыбковѣ и здѣсь, въ присутствіи православныхъ и раскольниковъ, по обычаю, ругали самымъ дерзкимъ образомъ православныхъ и церковь православную. Книготорговецъ, прихожанинъ единовѣрческой церкви, подалъ за это жалобу на нихъ судебному слѣдователю. Это дѣло также пріобщено къ новымъ, — и Ѳедюшинъ призналъ безопаснѣйшимъ для себя бѣжать вмѣстѣ съ своимъ другомъ — Ѳедоромъ Мельниковымъ... Есть слухъ, что они бѣжали заграницу, при помощи измаильскаго раскольническаго епископа Анастасія.

Въ первые два дня по арестѣ Еѳима Мельникова раскольники въ Новозыбковѣ не знали еще, за что̀ онъ арестованъ, и даже горько сожалѣли объ немъ, такъ какъ его приближенные и друзья пустили молву, что «отецъ Евѳимій» страждетъ за своихъ дѣтей, а дѣти преслѣдуются за ихъ смѣлую защиту «древлеправославія» на бесѣдахъ съ никоніанскими миссіонерами. Въ такомъ смыслѣ были разосланы объ арестѣ Мельникова однимъ изъ его друзей телеграммы въ разныя мѣста къ вліятельнѣйшимъ въ австрійскомъ расколѣ лицамъ, и разумѣется въ Москву. Эти главари австрійской секты воспрянули въ гнѣвѣ и негодованіи: къ 1-му декабря съѣхалось немалое ихъ количество въ Новозыбковъ для совѣщанія, какъ помочь дѣлу, какъ выручить Мельникова, страдающаго якобы за древлеправославіе, — пріѣхали даже изъ Москвы двое самыхъ именитыхъ и самыхъ вліятельныхъ членовъ московской австрійской общины, — одинъ изъ нихъ, разумѣется, былъ тотъ самый фабрикантъ, о возмутительныхъ дѣйствіяхъ котораго противъ православнаго священника на его фа-

брикѣ недавно писалось въ газетахъ[1]). Къ тому времени уже выяснилась дѣйствительная причина ареста, сдѣлалось извѣстно всѣмъ, что Мельниковъ взятъ вовсе не за ревность о «древлеправославіи», а за поддѣлку векселя и за утайку настоящихъ лѣтъ младшему сыну съ злостнымъ намѣреніемъ получить льготу для старшаго въ отбываніи воинской повинности: узнавъ это, даже раскольники австрійскаго согласія, и безъ того не уважавшіе Мельникова за его корыстолюбіе, теперь совсѣмъ отвернулись отъ него и перестали жалѣть о немъ; только Гусевъ, да упомянутый московскій фабрикантъ съ нѣсколькими подобными же ревнителями раскола, положили непремѣнно хлопотать объ освобожденіи Мельникова по крайней мѣрѣ на поруки, считая необходимымъ добиться этого даже въ интересахъ австрійскаго священства, такъ опозореннаго въ лицѣ Мельникова. Съ этою цѣлію они дѣйствительно послали депутацію, съ Гусевымъ во главѣ, къ засѣдавшимъ тогда въ Новозыбковѣ членамъ Стародубскаго окружнаго суда, которые, какъ слышно, были и не прочь исполнить ихъ просьбу объ отдачѣ Мельникова на поруки, но не могли этого сдѣлать за отсутствіемъ судебнаго слѣдователя, который находился тогда въ Стародубѣ. Гусевъ съ прочей депутаціей отправился въ Стародубъ — просить г-на слѣдователя; но тотъ, къ великому ихъ прискорбію, не внялъ никакимъ просьбамъ, не согласился отпустить Еѳима Мельникова на поруки,— и доселѣ этотъ послѣдній содержится въ тюремномъ замкѣ какъ арестантъ, подлежащій уголовному суду.

Если и сами раскольники австрійскаго согласія въ Стародубьѣ не горюютъ объ арестѣ Мельникова и побѣгѣ его азартныхъ сыновей, то стародубскіе раскольники другихъ толковъ, безпоповцы, противуокружники, бѣглопоповцы, всегда враждебно смотрѣвшіе на Мельниковыхъ, даже ли-

[1]) См. объ этомъ, перепечатанную изъ *Московскихъ Вѣдомостей*, статью въ *Братск. Сл.* 1895 г. (т. 2-й, стр. 439).

куютъ по сему случаю. Особенно радуются бѣглопоповцы, составляющіе доселѣ самую значительную половину раскольническаго населенія въ Стародубьѣ, — бѣглопоповцы, противъ которыхъ Мельниковы, послѣ своей поѣздки на Востокъ, ратовали съ особеннымъ усердіемъ, желая во чтобы то ни стало переманить ихъ въ австрійщину. Намъ доставлена копія письма, которое хозяинъ новозыбковской бѣглопоповщинской часовни писалъ къ курскимъ бѣглопоповцамъ, извѣщая ихъ о позорѣ, постигшемъ Мельниковыхъ. Въ письмѣ этомъ какъ нельзя лучше отразилась вся вражда бѣглопоповцевъ къ австрійскому лжесвященству и вѣрно рисуется характеръ такихъ защитниковъ этого лжесвященства, какъ Мельниковы, отецъ и сыновья: поэтому мы приводимъ далѣе письмо бѣглопоповца вполнѣ, и рекомендуемъ его вниманію читателей.

Скажутъ, — особенно старообрядцы австрійскаго согласія: подобные случаи, какъ мошенничество и арестъ австрійскаго попа, мошенничество и побѣгъ его сыновей, могутъ быть и во всякомъ обществѣ, — зачѣмъ же придавать имъ особое значеніе, зачѣмъ видѣть въ нихъ что-то позорящее цѣлое общество старообрядцевъ, «пріемлющихъ» австрійское священство, и все это священство? Конечно могутъ; и все-таки дѣянія Мельниковыхъ позоръ для всего общества раскольниковъ австрійскаго согласія и всего ихъ лжесвященства, — позоръ именно потому, что Мельниковы въ послѣднее время стояли какъ бы во главѣ этого общества и этого лжесвященства, были самыми ярыми ихъ защитниками, и за такихъ выдавались самими старообрядцами, которые повсюду превозносили ихъ, какъ своихъ «героевъ», гордились ими, писали и подносили имъ благодарственные и хвалебные адресы. Какъ же не позоръ для этого общества, когда его «герои», его краса и опора, оказались просто поддѣлывателями фальшивыхъ документовъ, уголовными преступниками? И развѣ сами раскольники не такъ именно смотрятъ на ихъ дѣло? Зачѣмъ же иначе ихъ милліонеры, Гусевъ и подмосковный фабрикантъ,

такъ хлопочутъ объ освобожденіи Мельникова? Ужели онъ лично такъ дорогъ имъ? Нѣтъ, — дѣло не въ Мельниковыхъ, а въ самомъ расколѣ и австрійскомъ лжесвященствѣ, — видятъ и хотятъ отразить позоръ для этого послѣдняго. И не позоръ только даетъ имъ дѣло Мельниковыхъ, — а что̀ гораздо важнѣе, — указаніе грознаго гнѣва Божія за вражду къ православной церкви, за брань и клеветы на нее. Особенно долженъ бы подумать объ этомъ и вразумиться примѣромъ Мельниковыхъ, пораженныхъ гнѣвомъ Божіимъ за вражду къ церкви, этотъ фабрикантъ, преслѣдующій православнаго священника за вѣрность своимъ священническимъ обязанностямъ, не гнушающійся клеветать на него даже предъ министрами и другими высокопоставленными лицами, къ которымъ имѣетъ свободный доступъ, и между тѣмъ готовый прикрыть и защитить уголовнаго преступника, только за то, что онъ его собственный, раскольническій попъ! Да, нужно бы подумать и ему, что есть Божій судъ и что, по Апостолу, *страшно есть, еже впасти въ руцѣ Бога живаго*. Отъ Его гнѣва не спасешься и въ министерскихъ кабинетахъ...

---

2. Еще о Мельниковѣ. — Нѣкоторыя новости у неокружниковъ и окружниковъ. — Еще подпольная раскольническая книга, неимовѣрно дерзкая.

Едва успѣли мы сообщить нашимъ читателямъ, что арестованный за поддѣлку векселя и другія противозаконныя дѣянія раскольническій попъ въ Новозыбковѣ Ефимъ Мельниковъ, несмотря на хлопоты стародубскаго богача-раскольника Гусева, поддержаннаго московскимъ богачомъ-раскольникомъ, оставленъ содержаться въ тюремномъ замкѣ, какъ получили извѣстіе, что «золотая политика» раскольниковъ и на сей разъ, по обычаю, восторжествовала: Мельниковъ отданъ г-ну Гусеву на поруки со взносомъ за сохраненіе въ цѣлости его драгоцѣнной особы 50.000 руб. сер. Вотъ какъ дорого раскольники цѣнятъ своихъ поповъ, подобныхъ Мельникову! Итакъ, остается

ожидать, чѣмъ кончится уголовный судъ надъ живущимъ теперь на свободѣ поддѣлывателемъ фальшивыхъ документовъ, за котораго раскольники готовы жертвовать съ такимъ усердіемъ десятками тысячъ рублей. Ужели и тутъ, какъ въ судахъ за пропаганду раскола и оскорбленіе православной церкви, раскольническій попъ, поддержанный богачами-раскольниками выйдетъ оправданнымъ, чтобы продолжать свои беззаконныя дѣла? Всего можно ожидать. Любопытно также будетъ узнать, чѣмъ кончится побѣгъ «юныхъ героевъ», сыновей Мельникова. По всей вѣроятности и они возвратятся подъ мощный кровъ разныхъ Гусевыхъ, Морозовыхъ и прочихъ силачей раскола, чтобы попрежнему на публичныхъ собраніяхъ прославлять расколъ и поносить православную церковь, вмѣсто того, чтобы нести воинскую повинность, исполненіе которой, очевидно, предоставляютъ однимъ только добрымъ и честнымъ гражданамъ русской земли, среди которыхъ, и дѣйствительно, нѣтъ имъ мѣста...

Но предоставимъ раскольническаго попа, составляющаго фальшивые документы, и сыновей его, занимающихся тѣми же дѣлами, суду Божію и суду власти земной; посмотримъ что творится въ высшихъ сферахъ той же раскольнической іерархіи, блестящимъ представителемъ которой сами раскольники считаютъ этого поддѣлывателя фальшивыхъ документовъ.

Въ прошломъ году наиболѣе крупное событіе въ средѣ австрійскаго лжесвященства составляли предпринятые Савватіемъ (то-есть двигателями этой куклы — Морозовымъ, Брилліантовымъ и прочими) попытки къ примиренію съ противуокружниками. На нихъ, какъ уже извѣстно, противуокружническіе епископы отвѣтили предложеніемъ такихъ условій примиренія, какихъ окружники, при всей своей уступчивости, даже при явной враждѣ къ Окружному Посланію, принять не могли,— и примиреніе не состоялось, да и не можетъ никогда состояться въ этой, обреченной на раздоры и взаимныя проклятія, фальшивой іерархіи, пере-

саженной изъ австрійскаго гнѣзда. А между тѣмъ, въ связи ли съ этими попытками со стороны окружниковъ, и именно въ противовѣсъ имъ, или, быть можетъ, независимо отъ нихъ, едва не состоялось иримиреніе между самими неокружниками партій Іова и Іосифа. Объ этомъ заключеніи мира хлопотали особенно бессарабскіе противуокружники обѣихъ партій предъ своими владыками и достигли того, что новозыбковскій именуемый епископъ Михаилъ, партіи Іова, и бессарабскій Симеонъ, партіи Іосифа, дѣйствительно составили и подписали мирный договоръ, съ условіемъ, чтобы каждый изъ нихъ епископствовалъ у всѣхъ противуокружниковъ своей епархіи. Согласно этому договору, въ стародубскихъ слободахъ, какъ напр. въ Воронкѣ, противуокружники обѣихъ партій стали собираться вмѣстѣ на службы. Оставалось только, чтобы сами виновники раздѣленія, стоящіе во главѣ обѣихъ партій — Іовъ и Іосифъ, утвердили мирный договоръ Михаила и Сильвестра, а главное — и сами заключили между собою миръ, забывъ всѣ пререканія и взаимныя оскорбленія. Но тутъ-то и встрѣтилось затрудненіе: ни Іовъ, ни Іосифъ и слышать не хотятъ о примиреніи. Іосифъ ни за что не соглашается простить Іова, который имъ самимъ былъ поставленъ въ мнимые епископы и его же, своего рукоположителя, подвергъ потомъ извержению: за эту вину Іосифъ не признаетъ Іова и въ епископскомъ санѣ. А тотъ въ свою очередь считаетъ законнымъ изверженіе Іосифа и точно такъ же за епископа его не признаетъ. Примиренія между ними такимъ образомъ не послѣдовало. Сами же противуокружники очень желаютъ прекратить вражду въ своемъ обществѣ, особенно между своими владыками и попами, — съ этою цѣлію предположено ими даже составить въ Москвѣ соборъ, и такъ какъ главнымъ противникомъ желаемаго примиренія считается у нихъ Іовъ, человѣкъ съ характеромъ, то предполагаютъ даже, въ случаѣ его несогласія на миръ, удалить его съ московскаго престола. И это можетъ случиться тѣмъ удобнѣе, что самъ Іовъ, какъ слышно,

очень тяготится своимъ положеніемъ въ званіи московскаго епископа, — и тяготится собственно тѣмъ, что считаетъ себя за дѣйствительнаго епископа, а значится и въ случаѣ надобности долженъ называться и подписываться крестьяниномъ, или мѣщаниномъ, притомъ же по милости окружниковъ, не можетъ и жительствовать въ своемъ епархіальномъ градѣ — Москвѣ. Все это онъ считаетъ противнымъ долгу и совѣсти епископа, а потому намѣренъ, какъ слышно, отказаться отъ мнимаго епископства и удалиться въ келью, чтобы жить тамъ на покоѣ, инокомъ. Если не будетъ Іова, то примиреніе въ средѣ окружниковъ, быть можетъ, и состоится; а тогда они еще крѣпче возстанутъ противъ мнимыхъ окружниковъ, въ которыхъ справедливо видятъ нарушителей ученія предковъ, заповѣдавшихъ раскольникамъ признавать *Іисуса* инымъ богомъ, крестъ четвероконечный и троеперстіе — печатію антихриста. Вражда и раздѣленіе въ австрійской лже-іерархіи не только не ослабѣютъ послѣ этого, а и окрѣпнутъ еще болѣе. Мнимымъ окружникамъ будетъ еще труднѣе бороться съ неокружниками, или соблазнить ихъ къ примиренію разными лукавыми рѣчами.

Упомянутый выше неокружническій лжеепископъ Симеонъ, вскорѣ же по подписаніи мирной грамоты съ Михаиломъ, умеръ въ Куреневскомъ монастырѣ, гдѣ имѣлъ онъ жительство. На его мѣсто поставленъ уже, въ обезпеченіе дальнѣйшаго существованія противуокружнической іерархіи, новый лжеепископъ, нѣкій Петръ (въ мірѣ Платонъ). Съ тою же цѣлію поставленъ неокружниками новый лжеепископъ за границу, для Формоса, нѣкто Георгій (въ мірѣ Григорій). Такимъ образомъ представитель противуокружнической іерархіи въ санѣ епископа имѣется теперь и за границей, гдѣ у раскольниковъ были только мнимо-окружническіе архіереи. Опять и это обстоятельство придаетъ новую силу противуокружнической іерархіи и дѣлаетъ еще затруднительнѣе борьбу съ ней окружниковъ, а взаимное примиреніе — еще сомнительнѣе. Для

окружниковъ, чтобы возстановить желаемый ими миръ въ австрійщинѣ, остается одно — самимъ сдѣлаться противуокружниками и отдаться на полную ихъ волю. Большинство изъ нихъ, конечно, и готовы на это.

Мнимые епископы противуокружниковъ, разумѣется, до послѣдней степени невѣжественны и полное ничтожество; но и мнимые епископы окружниковъ нисколько не лучше ихъ, а быть можетъ и хуже. Глава ихъ, жалкій Савватій, носящій громкое имя московскаго архіепископа и пользующійся въ Москвѣ полнѣйшею свободою — служить и дѣлать что̀ ему угодно, находится въ полномъ презрѣніи у самихъ окружниковъ. Паисій саратовскій, почти постоянно живущій въ Москвѣ и пресмыкающійся предъ раскольническими главарями въ видахъ полученія московской каѳедры, когда не станетъ, или когда прогонятъ Савватія, этимъ самымъ тоже уронилъ себя и въ глазахъ раскольниковъ. Сильвестръ балтскій позоритъ себя связями съ опозореннымъ теперь Мельниковымъ. Анастасій измаильскій также запятналъ себя пособничествомъ молодымъ Мельниковымъ бѣжать за границу. Объ остальныхъ раскольническихъ «владыкахъ» и говорить нечего, — всѣ они образъ и подобіе Савватія. Не въ своихъ ничтожныхъ архіереяхъ видятъ и поставляютъ мнимые окружники свою силу, а въ томъ, что на ихъ сторонѣ великіе капиталисты, ворочающіе милліонами и, благодаря своимъ милліонамъ, всюду имѣющіе доступъ и вліяніе, всегда могущіе поэтому защищать расколъ и способствовать его распространенію, — что, благодаря тѣмъ же милліонерамъ, они обладаютъ знаменитымъ Рогожскимъ Кладбищемъ и имѣютъ здѣсь, въ противность, даже въ посмѣяніе Верховной Власти, цѣлый штатъ незаконно введенныхъ сюда своихъ австрійскихъ поповъ и дьяконовъ, открыто и торжественно отправляющихъ въ обширныхъ кладбищенскихъ часовняхъ разныя церковныя службы, на прославленіе раскола. Вотъ теперь, когда мы пишемъ это, «свадебный сезонъ», и на всю Москву гремятъ раскольничьи свадьбы, вѣнчаемыя на

Рогожскомъ Кладбищѣ австрійскими лжепопами, при огромномъ стеченіи и раскольниковъ и православныхъ,—вся блистающая огнями часовня устлана краснымъ сукномъ и дорогими коврами, мужики (большею частію съ фабрики Морозова, или его ставленники), именующіе себя попами, одѣты въ блестящія ризы, на присутствующихъ фраки и бѣлыя перчатки и галстуки, роскошные туалеты и масса брильянтовъ (это у «древлеправославныхъ»-то, обязанныхъ являться на моленіе въ кафтанчикахъ и платочкахъ!), слышатся громкія въ коммерческомъ мірѣ фамиліи Морозовыхъ, Шебаевыхъ, Шелапутиныхъ, Миловановыхъ, Рябушинскихъ и пр. и пр.,—весь обширный дворъ Кладбища заставленъ каретами и чистокровными рысаками... Какъ же не кичиться окружникамъ? какъ не считать себя силой? И это тотъ самый расколъ, о которомъ плачутся его радѣтели, особенно изъ либеральныхъ газетчиковъ, что будто бы онъ въ варварской Россіи лишенъ всякихъ правъ на существованіе, безпощадно преслѣдуется и уничтожается! Кстати о Рогожскомъ Кладбищѣ. По какому праву владѣютъ имъ и даже ввели въ него своихъ лжепоповъ окружники австрійской секты, когда Кладбище это есть учрежденіе бѣглопоповцевъ, которые съ австрійщиной не имѣютъ ничего общаго и которыхъ сами австрійцы не считаютъ своими единовѣрцами? Надобно удивляться, что доселѣ бѣглопоповцы не возбудятъ противъ австрійцевъ, даже юридическимъ порядкомъ, дѣла о незаконномъ завладѣніи имъ, бѣглопоповцамъ, принадлежащаго общественнаго учрежденія. Должно быть велика сила нынѣшнихъ владѣтелей Рогожскаго Кладбища, если страшно возбудить противъ нихъ и законное дѣло...

Подъ защитой и покровомъ этой могучей силы раскольническихъ милліоновъ окружники, т.-е. ихъ учителя и проповѣдники, смѣло пропагандируютъ австрійскій расколъ, выступая его защитниками и ругателями церкви на публичныхъ бесѣдахъ съ миссіонерами, въ чемъ по преимуществу подвизались братья Мельниковы, и особенно не-

чатая на подпольныхъ станкахъ и гектографахъ сочиненія, наполненныя клеветами на церковь, и повсюду ихъ распространяя, чѣмъ занимаются, главнымъ, образомъ московскіе братчики, съ Брилліантовымъ во главѣ. Дѣятельность этихъ послѣднихъ по изданію и распространенію подпольныхъ сочиненій особенно преступна и вредна. О томъ, какую тяжкую вину предъ Богомъ и Его церковію, предъ православнымъ Царемъ и православнымъ русскимъ народомъ беретъ на себя власть, не обращающая вниманія на эту преступную, все болѣе и болѣе расширяющуюся печатную раскольническую литературу, мы уже столько разъ говорили и такъ безплодно, понапрасну бія воздухъ, что рѣшились болѣе и не говорить; будемъ только сообщать нашимъ читателямъ о появляющихся вновь раскольническихъ изданіяхъ этого рода. Вотъ не такъ давно, въ концѣ прошлаго года, выпущена раскольническими братчиками большая оттиснутая на гектографѣ книга (124 листа въ обыкновенную четвертку) подъ заглавіемъ: «Броня правды». Это есть, какъ видно по всему, сочиненіе извѣстнаго раскольническаго риѳмоплета Брилліантова, успѣвшаго занять у раскольниковъ такое видное положеніе послѣ того, какъ перебѣжалъ къ нимъ изъ православной церкви, къ которой прежде принадлежалъ, — написана она въ томъ же шутовскомъ тонѣ, какъ пресловутый «Раекъ» этого риѳмоплета, и наполнена такою дерзкою бранью на православную церковь, на Святѣйшій Синодъ, на православныхъ архипастырей, даже такихъ, какъ святитель ростовскій Димитрій, какой не встрѣчалось и въ изданіяхъ жида Карловича, съ которымъ Брилліантовъ видимо соперничаетъ въ измышленіи ругательствъ, глумленій и клеветъ на святую церковь. Чтобы дать читателямъ нѣкоторое понятіе о тонѣ и характерѣ этой «Брони», или точнѣе «бра́ни» раскольнической, достаточно привести ея предисловіе.

Утверждая, что будто бы православные миссіонеры на бесѣдахъ съ раскольниками основываются «исключительно» на книгахъ, «имѣющихъ свидѣтельство русской цензуры»

и «силятся этимъ ядомъ (?) выбить изъ рукъ противника его оружіе (?), къ крайнему сожалѣнію, по обстоятельствамъ, отъ него не зависящимъ, не носящее на себѣ печати цензуры русской духовной касты», — сочинитель продолжаетъ:

«Кто пожелаетъ провѣрить высказанную нами истину (!), кто хочетъ убѣдиться въ балаганности (!) пріемовъ миссіонеровъ, тотъ, взявъ любую книгу старообрядческихъ апологетовъ (Карловича, Швецова, Перетрухина, Механикова?), пусть придетъ на бесѣду и прочитаетъ два-три слова изъ оной въ свое оправданіе — и достаточно. Мы увѣрены, что не замрутъ еще послѣдніе звуки въ воздухѣ защитника истины, какъ посыплются на него вопросы миссіонеровъ: какая это книга? гдѣ печатана? И горе будетъ, когда миссіонеръ увидитъ, что на книгѣ *нѣтъ числа — шестьсотъ шестьдесятъ шесть — нѣтъ духовной цензуры!* Какъ только замѣтитъ (?) миссіонеръ отсутствіе на книгѣ свидѣтельства русской цензуры, то-есть свидѣтельство и знакъ символа непогрѣшимости книги, то начнетъ напѣвать какъ курскій соловей: «вотъ-де какой книгой защищается мой собесѣдникъ: заграничной печати! безъ цензурнаго дозволенія, такъ сказать безпаспортной!» И затѣмъ, скорчивъ кислую гримасу на своей физіономіи, добавитъ: «нѣтъ, миленькій, мы такимъ книгамъ не вѣримъ»! и аминь. Значитъ, пѣсенка спѣта, значитъ, убирай свою книгу защитникъ *гонимаго на Руси, на своей родной землѣ, безвиннаго старообрядчества!* Убирай, пока тотъ же миссіонеръ не конфисковалъ твою, хотя *во всѣхъ отношеніяхъ справедливую* (!), но безцензурную книгу, и защищайся, такъ сказать, *наобумъ, не имѣя подъ собой никакой почвы*».

Примѣчательно это невольно сорвавшееся съ языка признаніе раскольническаго витіи, что безъ заграничныхъ и подпольныхъ изданій жида-Карловича, Швецова и др. защитники раскола при собесѣдованіяхъ съ православными, остаются, «не имѣя подъ собой *никакой* почвы» и должны защищаться «наобумъ». Итакъ «почва», на которой утверждается и хочетъ утверждаться расколъ въ своихъ уче-

ніяхъ, по сознанію самихъ раскольниковъ, есть не слово Божіе, не священное и святоотеческое писанія, даже не старопечатныя наши книги, къ которымъ Швецовъ и его ученики относятся дѣйствительно съ полнымъ пренебреженіемъ, а собственныя измышленія самихъ раскольническихъ апологетовъ, и именно нынѣшнихъ, печатающихъ свои сочиненія въ заграничныхъ и здѣшнихъ подпольныхъ типографіяхъ, — т.-е. измышленія Швецовыхъ, Перетрухиныхъ, Механиковыхъ!.. Понятно, что за этими подпольными изданіями новѣйшихъ раскольническихъ писателей, притомъ наполненными всякихъ лжеученій, православные собесѣдники совсѣмъ не признаютъ значенія «почвы», на которой могло бы утверждаться какое-либо религіозное ученіе и общество, и не дозволяютъ ссылаться на нихъ, какъ на основаніе раскола, а требуютъ отвѣтовъ и доказательствъ въ защиту раскола изъ священнаго писанія, изъ твореній святоотеческихъ и старопечатныхъ книгъ. Своими жалобами на то, что миссіонеры на бесѣдахъ недозволяютъ читать подпольныя изданія Швецова и Брилліантова, этотъ послѣдній, самъ не понимая того, обличаетъ только совершенную слабость раскола и его защитниковъ. А жалоба, что эти изданія даже конфискуются миссіонерами, есть наглая ложь. Изданія эти раскольники распространяютъ десятками тысячъ, и никто не конфискуетъ ихъ. Былъ случай, когда нашли большой запасъ ихъ при арестѣ Швецова и подвергли конфискаціи, но и этотъ случай кончился торжествомъ поставщика и распространителя ругательныхъ раскольническихъ сочиненій на церковь. А г. Брилліантовъ въ своей «Бронѣ» жалуется: «убирай, пока миссіонеръ не конфисковалъ твою безцензурную книгу»! Хорошу также рекомендацію даетъ онъ защитникамъ раскола на публичныхъ бесѣдахъ: если отнять у нихъ книжонку Швецова, Перетрухина, Механикова, — они уже остались безпомощны, — должны «защищаться наобумъ»; хотя бы предлагали имъ для защиты полное собраніе древлепечатныхъ изданій священныхъ и святоотеческихъ книгъ,

какъ обыкновенно и бываетъ на бесѣдахъ, они не могутъ защищаться этими книгами, имъ нужны для защиты лживыя Швецовскія и Перетрухинскія писанія! Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ г. Брилліантовъ, авторитетный раскольническій писатель и дѣятель. О православныхъ же собесѣдникахъ онъ говоритъ совершенную ложь, утверждая, будто они укрываются только подъ защиту цензуры, защищаются и требуютъ защищаться только цензурными изданіями. Напротивъ,—требуя, чтобы раскольники утверждались въ своихъ отвѣтилъ собственно на священномъ и святоотеческихъ писаніяхъ, они и сами защищаютъ церковь исключительно этими писаніями и большею частію притомъ по древлерусскимъ переводамъ, а подъ защиту цензуры, съ увѣренностію можемъ сказать, никогда и никто изъ нихъ не прибѣгалъ. Все, что̀ пустословилъ Брилліантовъ о цензурѣ, есть только свойственное ему «балаганное шутовство». И вотъ что̀ забавно. На двухъ стахъ страницахъ обвиняя цензуру въ «подлогахъ», «поддѣлкахъ» и «обманахъ», сдѣланныхъ для поддержанія «никоніанства», г. Брилліантовъ въ обличеніе, или свидѣтельство этихъ «подлоговъ», «поддѣлокъ» и «обмановъ» приводитъ выписки изъ сочиненій Карамзина, Срезневскаго, Мельникова, Лѣскова и проч., цензурою же одобренныхъ. Это, скажутъ раскольники, свѣтская цензура,—у Брилліантова рѣчь не не объ ней, а о цензурѣ духовной. Пусть такъ; но съ тою же цѣлію онъ приводитъ еще болѣе выписокъ изъ сочиненій м. Макарія, гг. Голубинскаго, Каптерева, Бѣлокурова и др., которыя одобрены уже именно духовною цензурою. Выходитъ такимъ образомъ, что цензура допускаетъ подлоги, и цензура же ихъ обличаетъ. За что̀ же нападаетъ на нее г. Брилліантовъ? И какое послѣ этого имѣлъ онъ право говорить въ заключеніе своей «Брони»: «Такимъ образомъ, какъ доказано въ нашемъ трудѣ, нѣтъ твердаго основанія доподлинно вѣрить ни словамъ наемнаго (!) миссіонерства, ни книгамъ со свидѣтельствомъ русскаго (значитъ и свѣтскаго), въ особенности (только

въ особенности) духовнаго цензурнаго комитета, красующагося въ видѣ вывѣски на каждой печатной книгѣ»? Какое гоненіе на «русскій цензурный комитетъ»,—именно русскій, — отъ европейца Брилліантова, вѣрующаго только въ безцензурныя изданія!

Излагать содержаніе Брилліантовской «Брони» и разбирать ее здѣсь было бы, разумѣется, не у мѣста. Мы хотѣли только приведенной выпиской показать читателямъ образчикъ новой «балаганной» брани раскольниковъ-окружниковъ на православную церковь и ея духовенство. А въ показаніе того, какіе злонамѣренные якобы подлоги для оправданія «никоніанства» находитъ у православныхъ высокоученый г. Брилліантовъ, достаточно сказать, что къ числу такихъ подлоговъ онъ относитъ,—что бы вы думали?—Остромирово Евангеліе, изданное Востоковымъ, такъ какъ въ этомъ Евангеліи часто употребляется начертаніе **ніс** и на него указываютъ православные въ подтвержденіе правильности и древности у насъ, на Руси, этого начертанія имени Христа Спасителя. Обличая столь ужасный никоніанскій подлогъ г. Брилліантовъ являетъ себя во всеоружіи научныхъ знаній. Авторитету такого ученаго, какъ Востоковъ, и всѣхъ нашихъ археологовъ, никогда не сомнѣвавшихся въ подлинности Остромирова Евангелія, онъ противопоставляетъ авторитетъ «рѣдкостнѣйшаго въ свое время извѣстнаго знатока по археологіи (и, прибавимъ, мастера поддѣлывать древности), московскаго книгопродавца, покойнаго Тихона Ѳедоровича Большакова», который находилъ что Остромирово Евангеліе не можетъ быть отнесено къ одиннадцатому вѣку,—а особенно авторитетъ раскольническаго сочиненія: «Отвѣты старообрядцевъ Леонтію Алейнову», изъ котораго и приводитъ длинную выписку. Здѣсь, въ этихъ «отвѣтахъ», съ учеными денисовскими пріемами излагаются «Омышленія» относительно подлинности Остромирова Евангелія, довольно любопытныя, хотя, разумѣется, совсѣмъ неосновательныя (въ другомъ мѣстѣ мы ихъ разсмотримъ). А

въ заключеніе всего г. Брилліантовъ съ важностью великаго ученаго, заявляетъ: «мы тоже разсматривали (!) указанное Евангеліе и тоже сомнѣваемся (!) въ подлинномъ его происхожденіи». Сомнѣвается г. Брилліантовъ именно потому, что начертаніе **нїс** несогласно съ славянской грамматикой г. Водовозова, по которой «ї десятеричное употребляется не послѣ гласной буквы, какъ въ Остромировомъ Евангеліи, но исключительно предъ буквой гласной». Какъ жаль, что дьяконъ Григорій, писавшій Евангеліе для Остромира, не зналъ грамматики Водовозова и тѣмъ далъ поводъ раскольническому ученому, г-ну Брилліантову, обвинять даже всю «господствующую въ Россіи» церковь въ «пошломъ (!) дѣйствіи подлоговъ, съ помощію которыхъ достигалось (будто бы) уничтоженіе древности и утвержденіе новшествъ!..» И далѣе этотъ ругатель съ негодованіемъ вопрошаетъ: «можетъ ли быть святая наша (т.-е. раскольническая) церковь на сторонѣ фабрикаціи подлоговъ, сфабрикованныхъ пастырями господствующей церкви въ Россіи и выпущенныхъ въ свѣтъ со свидѣтельствомъ всероссійскаго Синода, какъ представителя русской господствующей церкви»?

Такими и еще худшими и злѣйшими бра́нями на православную церковь, ея пастырей и защитниковъ испещрена вся брилліантовская «Броня». И раскольники знаютъ, что̀ дѣлаютъ, сочиняя и распространяя такія ругательныя на церковь сочиненія: въ своихъ единовѣрцахъ, съ полнымъ довѣріемъ принимающихъ эту ложь, они укрѣпляютъ и усиливаютъ ихъ отчужденіе отъ церкви, а также легко могутъ соблазнить недальновиднаго, довѣрчиваго читателя и изъ православныхъ. Любопытно, что Брилліантовская «Броня» въ прошломъ году была уже очень распространена среди раскольниковъ приволжскихъ и даже сибирскихъ, а была довольно рѣдкимъ явленіемъ въ Москвѣ; теперь же и здѣсь свободно и широко распространяется. Это обстоятельство показываетъ, что̀ хотя книга и сочинена несомнѣнно въ Москвѣ, въ здѣшнемъ раскольническомъ братствѣ

но печаталась не въ Москвѣ и распространяется главнымъ образомъ оттуда, гдѣ печаталась. Эта печатня, какъ мы имѣемъ твердое основаніе утверждать, находится въ Нижегородской губерніи и состоитъ въ вѣдѣніи проживающаго тамъ Онисима Швецова. На сихъ дняхъ мы получили отъ одного лица изъ Пермской губерніи извѣстіе, что отъ Швецова прислано ему большое количество подпольныхъ изданій, и въ томъ числѣ «Броня правды».

---

3. Въ дополненіе къ извѣстіямъ о Мельниковыхъ. — Новая раскольническая газета. — Неокружники и окружники.

Намъ сообщены новыя свѣдѣнія о Мельниковѣ и сыновьяхъ его, коими частію исправляются прежнія. Такъ именно оказалось, что заключенному въ острогъ лжепопу Еѳиму не были острижены его длинные волосы. О томъ, что острижены, ходили только упорные слухи, и смотритель острога дѣйствительно хотѣлъ это сдѣлать, какъ и слѣдовало поступить съ Мельниковымъ, не только послѣ ареста, но и ранѣе, какъ съ лицомъ, незаконно являющимся повсюду въ видѣ священника. Понятно, что для Мельникова было бы большой непріятностью и позоромъ это лишеніе власовъ, которыми онъ такъ дорожилъ и тщеславился, безбоязненно показывая себя якобы дѣйствительнымъ священникомъ; большимъ огорченіемъ было бы это и для его покровителей. Поэтому Еѳимъ Мельниковъ и употребилъ всѣ средства, чтобы воспрепятствовать смотрителю острога исполнить то, что требовалось сдѣлать по закону, — онъ заявилъ, что имѣетъ письменное дозволеніе отъ правительства носить длинные волосы, какъ будто бы признанный закономъ старообрядческій священникъ. Смотритель потребовалъ представить это письменное дозволеніе; но вмѣсто небывалаго документа были представлены другіе, объ которые, — прибавляетъ нашъ корреспондентъ, — иступились острожныя ножницы, такъ что не могли и отстричь волосъ у Мельникова. Такимъ

образомъ онъ вышелъ изъ острога на поруки съ неповрежденными и непоруганными «еретической» рукой власами. И самое пребываніе его въ острогѣ было весьма не продолжительно. Гусевъ, очевидно, не жалѣвшій денегъ, потому особенно хлопоталъ о скорѣйшемъ его освобожденіи, что по случаю предписаннаго правительствомъ закрытія Новозыбковскаго острога вслѣдствіе его ветхости, предстояло переведеніе арестантовъ въ Черниговскій тюремный замокъ, гдѣ свиданіе съ Мельниковымъ было бы труднѣе, а также и самое его освобожденіе. Судебный слѣдователь, какъ намъ сообщаютъ, остался при своемъ мнѣніи и не далъ согласія на освобожденіе Мельникова изъ острога, какъ лица, обвиняемаго въ уголовномъ преступленіи, что̀ дѣлаетъ ему большую честь; освобожденіе даровано по настоятельному требованію предсѣдателя стародубскаго окружнаго суда: такимъ образомъ судъ остался вѣренъ своей задачѣ — покровительствовать расколу, имѣющему такихъ представителей, какъ Гусевы, Морозовы и проч., и проч. Освобожденіе послѣдовало наканунѣ праздника Рождества Христова; а въ самый праздникъ освобожденный арестантъ, поддѣлыватель векселей, даже служилъ литургію въ своей моленной, но былъ до того растерянъ и смущенъ, что когда послѣ службы вышелъ къ народу со крестомъ, то отъ стыда и страха даже выронилъ крестъ изъ рукъ. И не напрасно было его смущеніе· прихожане почти вслухъ говорили, что онъ недостоинъ болѣе священствовать и не пошли ко кресту. Вообще, уваженіе у старообрядцевъ даже австрійскаго согласія онъ потерялъ; только Сильвестръ Балтскій, Гусевъ, да московскіе главари австрійскаго раскола всячески стоятъ за него, чтобы съ нимъ вмѣстѣ спасти отъ позора свою ложную іерархію.

Какъ только старый Мельниковъ получилъ свободу, явился въ Новозыковъ и одинъ изъ бѣглыхъ сыновей его — Василій. Святки онъ прожилъ дома, а потомъ отправился хлопотать въ посадскія и волостныя правленія объ уничтоженіи тѣхъ ложныхъ документовъ, на основаніи которыхъ

получилъ льготу по отправленію воинской повинности. Надобно полагать, что цѣли своей онъ достигнетъ: документы окажутся утраченными... Но вѣдь дѣйствительные годы втораго брата нельзя ни уничтожить, ни скрыть: кто же будетъ виноватъ въ неправильномъ зачисленіи Василія Мельникова въ разрядъ льготныхъ по отправленію воинской повинности? Надобно полагать, воинскій начальникъ, производившій пріемъ и дозволившій обмануть себя ложными документами. А Мельниковы ужели и здѣсь выйдутъ сухи и невредимы?

О другомъ братѣ, Ѳедорѣ, другія вѣсти. Слышно, что онъ находится, дѣйствительно, за-границей, именно въ Румыніи, куда, несомнѣнно, помогъ ему пробраться Анастасій Измаильскій. Этотъ слухъ достоинъ полнаго вѣроятія; присутствіе Ѳедора Мельникова въ Румыніи, и именно въ Браилѣ, довольно ясно обнаружилось: тамъ появилась новая раскольническая газета, въ которой, несомнѣнно, принимаетъ онъ участіе или въ качествѣ негласнаго редактора, или какъ главный сотрудникъ. Вышедшій *1-го января 1896 г.* первый №, несомнѣнно, наполненъ его произведеніями.

Стоитъ поговорить объ этой новой газетѣ.

Извѣстенъ заграничный раскольническій газетчикъ Никола Чернышевъ, издававшій сначала „старообрядца“, потомъ „Древнюю Русь“, печально кончившія свое существованіе, при воплях злополучнаго газетчика на равнодушіе къ его газетѣ со стороны раскольническихъ духовныхъ властей и раскольническихъ богачей, на которыхъ онъ именно разсчитывалъ. Можно было полагать, что тотъ же Никола Чернышевъ выступаетъ въ третій разъ на поприще газетчика; но имени его въ новой газетѣ не имѣется и на его изданія эта газета не походитъ. Изъ его изданій взятъ только эпиграфъ, — извѣстныя слова Спасителя, сказанныя по извѣстному случаю: *аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ; аще ли добрѣ, что мя біеши?* — слова, кощунственно обращенныя отъ имени раскола къ

православію. Что расколъ *злъ* мыслитъ и *глаголетъ*, развѣ объ этомъ не *свидѣтельствуютъ* ему цѣлыя два столѣтія? И развѣ *бьютъ* расколъ даже за злые глаголы его, когда онъ тамъ смѣло и открыто повсюду является и дѣйствуетъ? Итакъ, кромѣ этого евангельскаго изреченія, такъ кощунственно употребленнаго въ видѣ эпиграфа, новая раскольническая газета не представляетъ ничего почти общаго съ прежней газетой Николы Чернышева. Не трудно догадаться, что она замышлена въ Москвѣ, и именно въ противодѣйствіе „Братскому Слову“. Есть довольно прозрачные намеки на это въ самомъ даже заглавіи газеты, — она именуется также „Словомъ“ — „Слово правды“. „Братское Слово“ есть „журналъ, *посвященный* изученію раскола“: и раскольническое „Слово правды“ названо „газетой, *посвященной* защитѣ староабрядчества“. „Братское Слово“ издается при Братствѣ св. Петра митрополита (почему и называется „братскимъ“): и раскольническое „Слово правды“ издается при какомъ-то новоустановленномъ раскольническомъ „Братствѣ П. П. Б-цы“. Трудно объяснять случайностью такое сходство. Не лишено значенія и то обстоятельство, что редакторъ заграничной газеты не названъ, тогда какъ Никола Чернышевъ открыто подписывался на каждомъ нумерѣ своей газеты: видно, что новый редакторъ и за границей находитъ неудобнымъ назвать себя, чтобы не лишиться права на жительство въ Россіи, и это очень походитъ на Мельникова. Означено лишь то, къ кому обращаться за полученіемъ газеты: „Адресъ: К. К. Стуловскому. Цѣна подписки: въ Россію на годъ 4 р., на полгода 2 р.“ При такой цѣнѣ газета однакоже „выходитъ *разъ въ мѣсяцъ*“, и притомъ въ объемѣ одного печатнаго листа. Таковъ по крайней мѣрѣ объемъ перваго нумера, о которомъ мы будемъ говорить. Напечатанъ онъ хорошимъ, четкимъ гражданскимъ шрифтомъ, очень опрятно, и опечатокъ немного (все это большое преимущество предъ газетками Чернышева); но типографія не означена, что опять нѣсколько подозрительно.

Теперь о содержаніи перваго нумера раскольнической газеты.

Начинается она, какъ и подобаетъ газетѣ, передовой статьей, озаглавленной: *Брашла 1 января.* Статья имѣетъ характеръ болѣе политическій, нежели церковный, и состоитъ конечно въ восхваленіяхъ вѣрности старообрядцевъ Царю и отечеству и въ жалобахъ на претерпѣваемыя ими, при такой-то вѣрности, гоненія. Вотъ болѣе характерное въ этомъ отношеніи мѣсто въ этой, весьма краткой, впрочемъ статьѣ:

„Во время оно, когда происходила *повальная ломка древности,* когда Никонъ заражалъ своимъ (?) новшествомъ, какъ эпидемическою болѣзнію, освящаемыя вѣками древнія церковныя преданія, тогда старообрядчество, *служа Престолу и Государю, крѣпко возстало противъ реформаторства Никона* и своею кровію запечатлѣло вѣру отцовъ. *И съ тѣхъ поръ,* когда воздымался къ небу дымъ отъ пылающихъ на Руси костровъ, на которыхъ жарясь предавали души свои страдальцы за старую вѣру, *съ тѣхъ поръ,* какъ красовались висѣлицы и плахи на московской знаменитой Красной площади и отправляли ратоборцевъ за содержаніе отеческаго, чисто-русскаго православія, къ праотцамъ, — *это сословіе (?) старообрядчества гонится,* преслѣдуется и уничтожается во всѣхъ отрасляхъ его существованія — гражданскаго и въ особенности духовнаго".

Есть ли хоть одно слово правды въ этихъ словахъ раскольническаго „Слова правды"? Описаніе казней, положимъ, живописно, и казни расколоучителей, хотя вовсе не повальныя, дѣйствительно были (а больше сожигались, иногда сотнями, сами раскольники, добровольно, спасаясь отъ воцарившагося якобы антихриста, о чемъ громко проповѣдывали имъ ихъ учители); но не должно забывать, что въ то суровое время предавались казнямъ и не за расколъ, а висѣлицы на Красной площади, о которыхъ такъ краснорѣчиво говоритъ газета, были поставлены совсѣмъ не для раскольниковъ. Пора бы вообще нашимъ старообрядцамъ понять, что казни

были печальнымъ явленіемъ своего времени и у насъ, на Руси, и въ свое время на Западѣ, въ Европѣ; пора бы не вопіять объ нихъ, какъ о чемъ-то измышленномъ исключительно для нихъ — старообрядцевъ. Такія вопіянія лишены правды. Говорится далѣе, что „старообрядчество, служа Престолу и отечеству, возстало противъ реформатства Никона". Это уже явная ложь. Раскольники оказали упорное сопротивленіе царю Алексѣю Михаиловичу, приглашавшему ихъ подчиниться православной церкви, какъ и доселѣ оказываютъ такое сопротивленіе державнымъ его преемникамъ, — даже поносили его дерзкими ругательствами, предавали проклятію (припомните Аввакума!), мало того, въ Соловецкомъ монастырѣ первые открыли стрѣльбу по царскому войску, въ Грановитой палатѣ буйствовали въ присутствіи царской власти, — и все это дѣлали, по увѣренію газеты, „служа Престолу и отечеству"! Наконецъ, не явная ли также неправда, что будто бы и доселѣ „сословіе старообрядчества гонится, преслѣдуется и унижается во всѣхъ отрасляхъ его существованія — гражданскаго и особенно духовнаго"? Даже и въ этой „особенно духовной отрасли", ужели расколъ дѣйствительно „гонится и преслѣдуется" у насъ, когда Савватій открыто и привольно живетъ и служитъ въ Москвѣ, когда на Рогожскомъ Кладбищѣ цѣлый штатъ раскольническихъ поповъ и дьяконовъ торжественно отправляетъ свои службы? Тутъ не только не гоненіе на расколъ, а даже явное нарушеніе закона и пренебреженіе царскимъ словомъ въ пользу и потворство расколу! А въ „отрасли гражданской"? — тутъ гдѣ гоненіе? Развѣ дѣтямъ раскольниковъ загражденъ доступъ въ учебныя заведенія, даже высшія, гдѣ они могутъ пріобрѣтать всѣ права по образованію? Развѣ не раскольники-интеллигенты стоятъ во главѣ разныхъ комитетовъ и учрежденій коммерческихъ, благотворительныхъ и всякихъ другихъ? Развѣ не принимаются они съ особеннымъ вниманіемъ даже самыми высокопоставленными лицами? А въ разныхъ канцеляріяхъ, и особенно у иныхъ правителей канцелярій,

развѣ они не самыя желанныя персоны? И это называется гоненіемъ... Такъ мало правды въ первыхъ же строкахъ раскольническаго „Слова правды“!

Затѣмъ, упомянувъ о гуманномъ отношеніи къ расколу двухъ императоровъ — Александра II (по повелѣнію котораго именно и закрыты алтари на Рогожскомъ Кладбищѣ) и Александра III, также о мнимомъ противодѣйствіи ихъ гуманнымъ начинаніямъ со стороны „представительства духовной власти“, противъ которой по сему случаю и высказано нѣсколько обычныхъ раскольникамъ бранныхъ замѣчаній, раскольническій газетчикъ съ удивительной дерзостью позволяетъ дѣлать внушенія нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, въ которыхъ, надобно полагать, и заключается вся суть перевой статьи:

Желательно знать, что дастъ новое царствованіе старообрядчеству, и пріятно слышать, какъ молодой русскій Императоръ, по высокой своей гуманности, отнесется къ двадцатимилліонному (?!) населенію русскаго старообрядчества. *Но слѣдовало бы* (!) Его Величеству обратить свое милостивое вниманіе на этотъ русскій обездоленный (!) народъ, который служитъ честью русскому престолу и русскому Государю“ и т. д.

Съ наступленіемъ новаго царствованія, и особенно въ виду предстоящаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, раскольники, разумѣется, преисполнены надеждъ на разныя льготы и привилегіи расколу, — и именно раскольники австрійскаго согласія, лукаво именующіе себя „пріемлющими священство“ (безъ упоминанія какое), — главная мечта, которую лелеютъ они и осуществленія которой надѣются достигнуть во время предстоящихъ торжествъ — это открытіе алтарей въ рогожскихъ часовняхъ и если не признаніе правительствомъ ихъ австрійскаго священства, то по крайней мѣрѣ законное дозволеніе открытаго его существованія (каковымъ фактически, но беззаконно, пользуются и теперь). Съ этою цѣлью готовятся, конечно, раз-

ные адресы и всеподданѣйшія прошенія, идутъ хлопоты въ разныхъ канцеляріяхъ у благодѣтелей, и особенно у благодѣтеля. Все это въ порядкѣ вещей у раскольниковъ, все это бывало и прежде; но такой дерзости, чтобы посредствомъ своего заграничнаго органа печатно давать совѣты и наставленія Государю Императору, нельзя было ожидать и отъ раскольниковъ... Наглость ихъ переходитъ всякія границы... Здѣсь повторяется, для бо́льшей внушительности совѣта, сказка о двадцати милліонахъ раскольниковъ. Не станемъ говорить о томъ, что дѣйствительная цифра увеличена здѣсь по крайней мѣрѣ въ четыре раза; замѣтимъ только, что вѣдь въ общемъ количествѣ раскольниковъ пріемлющіе австрійское священство составляютъ не болѣе трети: что же? — развѣ газета требуетъ одинаковыхъ правъ и австрійскому окружническому священству, и противуокружникамъ, и бѣглопоповцамъ, и безпоповцамъ всѣхъ толковъ, не исключая бѣгуновъ? Полагаемъ, что нѣтъ. Такъ зачѣмъ же было и говорить о „двадцатимилліонномъ старообрядчествѣ“? Еще поставляется на видъ „честное служеніе“ старообрядцевъ „русскому престолу и русскому Государю“. Ужь не тѣмъ ли, г-нъ Мельниковъ, доказывается это честное служеніе раскольниковъ престолу и Государю, что они фальшиво показываютъ годы своимъ дѣтямъ для освобожденія ихъ отъ воинской повинности, бѣгаютъ за границу и издаютъ тамъ газеты и книги противъ православной церкви, первый сынъ которой есть именно Государь Императоръ?...

Таково содержаніе передовой статьи въ новой раскольнической газетѣ, съ большимъ тщаніемъ составленной и не похожей на безграмотныя раскольническія писанія, наполнявшія газету Чернышева. Затѣмъ въ первомъ нумерѣ имѣются только двѣ статьи: 1) «Его Высокопреосвященству Высокопреосвященному Сергію митрополиту Московскому старообрядцевъ, скорбящихъ о раздѣленіи господствующей церкви со старообрядцами, покорнѣйшее прошеніе», и 2) «О святыхъ мощахъ».

Печатное «Покорнѣйшее прошеніе» состоитъ собственно изъ вопросовъ, на которые желаютъ печатнаго же отвѣта. Въ первомъ нумерѣ помѣщено XXIX вопросовъ; но это еще не всѣ, — сказано, что «окончаніе слѣдуетъ». Напечатанные теперь 29 вопросовъ удобно могутъ быть сокращены въ два, или даже одинъ вопросъ — объ извѣстной распрѣ между болгарскою и греческою церквами и объ отношеніи къ этой распрѣ православной россійской церкви. Надобно полагать, что на ту же тему явятся и еще десятка три вопросовъ въ слѣдующемъ выпускѣ именуемаго «Слова правды», — раскольники любятъ похвалиться количествомъ вопросовъ, пишутъ ихъ сотнями, не обращая вниманія на то, что повторяютъ въ нихъ одно и то же. Но для насъ любопытно не содержаніе вопросовъ, а то, что раскольники обращаются съ ними къ одному изъ архипастырей православной церкви чрезъ посредство своей заграничной газеты, а не непосредственно, какъ бы слѣдовало, если это имъ желательно. Впрочемъ, можно ли требовать отъ раскольниковъ деликатности и приличія?...

Но самою интересною или, вѣрнѣе, самою характерною статьей въ первомъ выпускѣ новой раскольнической газеты, и именно такою, гдѣ особенно ясно сказалось участіе Мельникова, служитъ статья «О святыхъ мощахъ». Дѣло идетъ, разумѣется, о мнимыхъ мощахъ, которыя распространены у раскольниковъ австрійскаго согласія подъ названіемъ мощей мучениковъ Дады, Гаведдая и Каздои, — объ нихъ не мало говорилось въ послѣднее время, когда обнародовано было письмо Анастасія Измаильскаго къ Силуану Кавказскому, обличающее ихъ фальшивость. Московскіе заправители австрійскаго раскола были особенно заняты этими толками, крайне для нихъ непріятными, и положили во что̀ бы то ни стало — опровергнуть ихъ. Посылали нарочныхъ депутатовъ на Кавказъ для осмотра той пещеры, откуда взяты мнимыя мощи, оказавшіяся трупами какихъ-то черкесовъ, сдѣлали фотографическіе снимки и пещеры и какой-то будто бы

персидской надписи на стѣнѣ ея. До насъ доходили слухи, что на основаніи этихъ изысканій будутъ составлены и явятся статьи, въ которыхъ вмѣстѣ съ московскими «братчиками» примутъ участіе Мельниковы. И вотъ, дѣйствительно въ первомъ выпускѣ первой заграничной раскольнической газеты мы находимъ начало этихъ статей. Сначала, съ обычнымъ Мельникову озлобленіемъ, поносятся православные за то, что «находящіяся у старообрядцевъ нетлѣнныя мощи св. мучениковъ: Дады, Гаведдая, Каздои и Гаргала подверглись съ ихъ стороны «самому кощунственному издѣвательству и осмѣянію», и затѣмъ говорится:

«Для опроверженія клеветы на св. мощи намъ доставлена *цѣлая груда матеріала,* который, по мѣрѣ возможности, будемъ помѣщать на страницахъ нашей газеты, и на сей разъ предлагаемъ письмо Силуана, епископа Кавказскаго, которымъ *энергично доказывается* нетлѣнность, святость и чудотвореніе мощей св. мучениковъ».

Прежде чѣмъ жаловаться на православныхъ, раскольническій газетчикъ долженъ бы вспомнить, что фальшивость мнимыхъ мощей первый разоблачилъ раскольническій же епископъ Анастасій въ письмѣ къ своему собрату Силуану, а православные начали говорить о нихъ уже на основаніи и по поводу этого письма. Почему же онъ обличаетъ за мнимыя клевету и кощунство не Анастасія, а православныхъ писателей,— мало того, даже не упоминаетъ объ Анастасіи и его письмѣ? Гдѣ же тутъ «слово правды»? И не лучше ли было бы начать рядъ документовъ, подтверждающихъ мнимую подлинность мощей, какимъ-нибудь вытребованнымъ отъ Анастасія объясненіемъ, почему онъ написалъ о мощахъ общеизвѣстное теперь письмо къ Силуану, а не письмомъ этого послѣдняго, въ свою очередь также ни единымъ словомъ не упоминающаго объ Анастасіи? Притомъ самое это письмо никакъ нельзя признать собственнымъ произведеніемъ малограмотнаго Си-

луана,— по всему видно, что оно есть сочиненіе Мельникова, или общая работа его и московскихъ братчиковъ, а Силуанъ только подписалъ его, если подписалъ. Впрочемъ письмо это такъ любопытно и такъ ясно обличаетъ лживость и недобросовѣстность раскола, что его стоитъ разсмотрѣть подробно,— и мы сдѣлаемъ это слѣдующій разъ. А теперь довольно о раскольнической газетѣ. Скажемъ еще нѣсколько словъ о дѣлахъ въ высшей раскольнической іерархіи.

Прошлый разъ мы упоминали, что противуокружники, въ видахъ возстановленія мира въ ихъ обществѣ, хлопочутъ особенно о личномъ примиреніи Іова и Іосифа, что Іову угрожаетъ даже полное удаленіе съ его каѳедры. Теперь извѣщаютъ насъ, что недавно, въ минувшемъ январѣ, былъ дѣйствительно съѣздъ въ Москвѣ противуокружническихъ епископовъ, — пріѣзжалъ даже пребывающій на покоѣ Макарій, — и по ихъ суду кара постигла не Іова, а Іосифа, который за развратную жизнь изверженъ изъ сана, оставленъ простымъ инокомъ. Трудно допустить, чтобы Іосифъ покорился этому рѣшенію и чтобы не нашлось у него сторонниковъ: значитъ, и полнаго мира въ обществѣ противуокружниковъ тружно ожидать. Между тѣмъ и окружники что-то затѣваютъ, и у нихъ готовится давно не бывалый соборъ, ждутъ пріѣзда въ Москву всѣхъ мнимоокружническихъ лжеепископовъ. Ихъ руководители находятъ, должно быть, настоящее время особенно благопріятнымъ для своихъ затѣй...

4. Письмо лже-епископа Силуана о мнимыхъ мощахъ. — Новое появленіе Карловича.

Мы не кончили прошлый разъ нашу рѣчь о новой раскольнической заграничной газетѣ, — обѣщали поговорить о напечатанномъ въ ней письмѣ Силуана, которое носитъ ясные слѣды происхожденія не отъ малограмотнаго раскольническаго лже-епископа, а отъ всей компаніи нынѣшнихъ раскольническихъ литераторовъ, съ Бриліантовымъ и Мельниковымъ во главѣ. Въ письмѣ этомъ употребляются такіе литературные пріемы и обороты, о какихъ Силуанъ, конечно, и понятія не имѣетъ, дѣлаются ссылки на такія книги, какихъ онъ, разумѣется, и не читывалъ. Письмо почему-то писано къ «господину Алимпію, епископу Тульчинскому», тогда какъ всего приличнѣе и нужнѣе было бы обратиться съ нимъ къ Анастасію Измаильскому, который именно писалъ къ Силуану обличительное посланіе за потворство распространенію татарскихъ труповъ подъ именемъ мощей св. мучениковъ. А между тѣмъ объ Анастасіи и его посланіи Силуанъ хранитъ полное молчаніе...

Впрочемъ письмо Силуана такъ любопытно, что мы не прочь привести его вполнѣ. Начинается оно такимъ сказаніемъ:

«Получивъ свѣдѣніе отъ одного моего знакомаго москвича, что одна изъ столичныхъ газетъ, антихристіански (!) относясь къ святымъ мощамъ мучениковъ, обрѣтенныхъ на Кавказѣ въ архіепископство блаженныя памяти архіепископа Антонія Московскаго, напечатала глубокооскорбляющую христіанское чувство статью. Статья эта, какъ пишетъ мнѣ мой знакомый москвичъ, не только упрекаетъ старообрядчество въ ошибкѣ обрѣтенія упомянутыхъ св. мощей мучениковъ, пострадавшихъ за Христа, подобно тому, какъ напримѣръ, сама господствующая церковь по ошибкѣ почитала, поклонялась и лобызала слоновую кость вмѣсто главы св. мученика Христофора (читай указъ Сѵнода отъ 25 января 1723 г., напечатанный въ приложеніи книги Н. Каптерева: «Характеръ отношенія Россіи къ православ-

ному востоку» № 12)[1]), но кощунственно обвиняетъ его въ завѣдомо ложномъ принятіи ихъ. Понимая цѣль уличной газеты, и понимая то возмущеніе, которое могло появиться у людей мало знакомыхъ съ дѣломъ обрѣтенія св. мощей мучениковъ, празднество которымъ установлено церковію 29-го сентября (смотри житіе ихъ въ Прологѣ) я рѣшился описать все то, что̀ мнѣ извѣстно по этому дѣлу и этимъ самымъ подѣлиться и съ вашимъ преосвященствомъ».

Таково предисловіе принадлежащаго будто бы Силуану литературнаго произведенія. Поводомъ къ его составленію показано не письмо Анастасія, по обнародованіи его вызвавшее повсюду толки о мощахъ, а какая-то «уличная газета», повторившая эти толки. О какой газетѣ рѣчь? — мы не знаемъ; но для насъ любопытно, что одинъ московскій богачъ-раскольникъ, въ своихъ жалобахъ высокопоставленнымъ лицамъ на православнаго священника, который будто бы возмущалъ рабочихъ на его фабрикѣ упоминаніемъ въ проповѣди о мнимыхъ мощахъ, распространяемыхъ раскольническими лжеепископами, точно такъ же говорилъ, что будто бы эти извѣстія о мнимыхъ мощахъ заимствованы священникомъ изъ уличной газеты[2]). Такая солидарность московскаго фабриканта-раскольника и раскольническаго епископа Силуана въ данномъ случаѣ не лишена значенія. Любопытно и упоминаніе о главѣ мученика Христофора, съ ссылкою на книгу г. Каптерева. Мы уже имѣли случай замѣтить, что Антонія Шутова можно извинить за его излишнюю довѣрчивость къ извѣстному въ расколѣ проходимцу, который привозилъ къ нему и продавалъ мнимыя мощи, такъ какъ жертвою подобныхъ обмановъ бывали и не раскольническіе епископы; но не извинительно то, что послѣ сдѣланнаго однимъ изъ са-

[1]) Это «*смотри* въ кн. Н. Каптерева» очень забавно. Ну гдѣ же Алимпію въ Тульчѣ смотрѣть эту книгу? Очевидно, письмо писано для печати и ссылка сдѣлана для знакомыхъ съ кн. Н. Каптерева.

[2]) См. статью: «Положеніе православнаго священника на фабрикѣ богача-раскольника». *Брат. Сл.* 1895 г. т. II, стр. 450.

михъ же раскольническихъ епископовъ обличенія подложности мощей, Савватій со всѣми своими собратіями и совѣтниками не только не заботится объ отобраніи мнимыхъ мощей отовсюду, куда они были разосланы раскольникамъ, но и тщится сохранять и распространять ихъ,— это есть уже явное кощунство. И вотъ сочинители Силуанова письма, ссылаясь на изданный г. Каптеревымъ указъ Святѣйшаго Синода 1723 г., какъ бы въ подтвержденіе нашихъ словъ, указываютъ, что «сама господствующая церковь *по ошибкѣ* почитала, покланялась и лобызала слоновую кость вмѣсто главы св. мученика Христофора». Изъ указа видно, дѣйствительно, что «ошибка» была, при чемъ однако говорится, что не извѣстно, когда она послѣдовала, когда и кѣмъ слоновая кость выдана за главу мученика, — это случилось, быть можетъ, и ранѣе Никонова патріаршества, такъ что не одна «господствующая», а и «древлеправославная» россійская церковь «по ошибкѣ почитала» недѣйствительныя мощи. Притомъ же эта мнимая глава и не была у православныхъ въ общемъ церковномъ почитаніи (какъ у раскольниковъ мнимыя мощи, вездѣ ими распространяемыя), а находилась въ «серебряномъ ковчегѣ» у частнаго лица, монастырскаго приказу секретаря Бѣляева. Значитъ сравненія этой главы съ фальшивыми мощами, распространенными у раскольниковъ ихъ лже-епископами, быть не можетъ. Но сила указа и не въ томъ, что были открыты подложныя мощи, а въ томъ, какую заботу прилагаетъ Святѣйшій Синодъ объ отобраніи ихъ и какую вообще предписываетъ осторожность на подобные случаи. Итакъ, если составители Силуанова письма придаютъ значеніе указу Святѣйшаго Синода, на который сослались, то должны бы, по примѣру «господствующей церкви», принять всѣ мѣры къ изъятію мнимыхъ мощей, распространенныхъ въ расколѣ, изъ употребленія и почитанія. А они поступаютъ какъ разъ наоборотъ, — отъ имени Силуана пространно доказываютъ далѣе, что будто бы это дѣйствительныя мощи

и даже будто бы источали исцѣленія и чудеса. Доказательства эти нельзя читать безъ удивленія и сожалѣнія о крайнемъ легкомысліи раскольниковъ, на довѣріе которыхъ они разсчитаны, и о крайнемъ лукавствѣ сочинителей письма, такъ злоупотребляющихъ довѣріемъ старообрядцевъ. Вотъ что̀ пишется отъ имени Силуана:

«Принявъ Кавказскую епархію подъ свое вѣдѣніе, я счелъ своею обязанностію объѣхать всѣ приходы епархіи, въ томъ числѣ, конечно, прибылъ и въ станицу Карбулакскую, близъ которой находится то зданіе и тотъ склепъ (?), въ которомъ покоились св. мощи мучениковъ. Познакомившись съ однимъ урядникомъ Карбулакской станицы, служившимъ когда-то въ казачьей батареѣ, я полюбопытствовалъ у него за видѣнное мною зданіе на горѣ (ибо я не зналъ, что въ этомъ склепѣ обрѣтены св. мощи, потому что это (?) происходило до моего еще завѣдыванія Кавказской епархіею). Этотъ урядникъ, оказавшійся по имени Ѳома Григорьевичъ Ягодкинъ, разсказалъ мнѣ слѣдующую весьма любопытную повѣсть: «Зданіе подъ склепомъ построено до нашихъ памятей, гдѣ на днѣ пола (?) на небольшомъ возвышеніи *лежало четыре тѣла нетлѣнныхъ мощей*. Когда я служилъ въ батареѣ, то не однажды видѣлъ, какъ батарейный командиръ посѣщалъ эти св. мощи мучениковъ въ склепѣ, и видѣлъ даже, какъ его больная жена (у нея болѣла грудь) сходила въ склепъ и помолилась мученикамъ и получила исцѣленіе своей болѣзни. Командиръ нашей батареи за такое чудо, послѣдовавшее отъ св. мощей, покрылъ хорошимъ матеріемъ. Покрывалъ онъ такимъ матеріемъ не одинъ разъ, что я лично видывалъ. Видывалъ и другихъ лицъ, мужчинъ и женщинъ, которые также получили исцѣленіе отъ этихъ св. мощей мучениковъ. Въ головахъ (?) у мучениковъ лежали камни съ надписію, которую съ большимъ трудомъ могли перевести на русскій языкъ, и то тогда только перевели, когда нашли персіянина, умѣющаго хорошо по-персидски. Имена эти суть слѣдующія: Дада, Гаведдай, Каздоя и Гаргалъ». Затѣмъ Ягодкинъ указалъ мнѣ, что и наши господа Баскаковы тоже получали исцѣленіе отъ этихъ мощей св. мучениковъ. Пораженный такимъ любопытнымъ сообщеніемъ Ягодкина про чудеса, бывшія отъ св. мощей мучениковъ, я поспѣшилъ къ Ба-

скаковымъ въ станицу Ахалъ-Юртовскую, въ домъ маіора Ивана Викуловича Баскакова и брата его (полковника). Жена Ивана Викуловича Баскакова — Марѳа Ивановна разсказала мнѣ про то чудо и исцѣленіе отъ св. мощей мучениковъ, которымъ она свидѣтельница. «Болѣлъ у меня палецъ, — разсказывала она, — и настолько сильно, что эта болѣзнь безпокоила мнѣ всю руку. Медицинскія пособія оказались безполезными. Жена Георгія Викуловича, моя невѣстка (при моемъ допросѣ она была уже померши), Иванъ Викуловичъ, мужъ мой, и Георгій Викуловичъ убѣдили меня поѣхать къ св. мощамъ мучениковъ и просить ихъ ходатайства предъ Богомъ объ исцѣленіи моей болѣзни. Прибывши къ св. мощамъ мучениковъ, я не рѣшилась спуститься въ склепъ, а когда еще увидала въ отверстіе тѣла мучениковъ, то я не могла и смотрѣть на нихъ: отошла въ сторону, потому что видъ покойниковъ весьма непріятно вліяетъ на мои чувства. Спутники мои, помолившись и приложившись къ нимъ, вышли и стали направляться домой, но у меня настолько усилилась боль, что я не могла терпѣть ея дѣйствія, такъ рѣшилась возвратиться и спуститься въ склепъ, оплакивая предъ ними свое невѣріе. Когда я приложилась къ тѣлу, имѣющему женскіе волосы, приложила къ нему и палецъ больной, тотчасъ же и почувствовала укрощеніе моей боли, и тутъ же могла свободно обметать больною рукою отъ св. мощей землю, которая соприкасалась къ нимъ. Въ знакъ такого чуднаго исцѣленія моей болѣзни, я имѣла у себя одинъ палецъ отъ св. мощей, который хранился у меня въ домѣ, въ шкатулкѣ, вдвигавшейся въ иконостасъ у св. иконъ. Въ одно время у насъ случился пожаръ, и мы, конечно, вытаскивали свое имущество, въ томъ числѣ и шкатулку со св. мощами. По минованіи пожара, я, ставя шкатулку на мѣсто, заглянула въ нее, гдѣ, къ удивленію моему, пальца не оказалось. Мы произвели тщательный розыскъ пальца и, не найдя его, произвели допросъ прислуги, думая, не она ли похитила пальчикъ отъ св. мощей мучениковъ, но прислуга категорически[1]) заявила, что не брала пальчика и не знаетъ, гдѣ дѣвался. Когда же при обычномъ моемъ посѣщеніи св. мощей я первымъ долгомъ обратила свое вниманіе на ту руку св. мощей, отъ кото-

[1]) Это «категорически» особенно интересно въ письмѣ полуграмотнаго Силуана.

рой былъ отнятъ пальчикъ, и что же? о, чудо! — пальчикъ оказался на своемъ мѣстѣ и на своемъ суставѣ въ первоначальномъ своемъ положеніи, т.-е. *приросшимъ*. Это видѣли всѣ присутствующіе со мною, въ томъ числѣ священникъ Власій и Ѳома Григорьевичъ Ягодкинъ. Это показаніе Маѳы Ивановны подтвердили Иванъ Викуловичъ и Георгій Викуловичъ Баскаковы, *нынѣ они полковники*. Кромѣ того, покойный архіепископъ Антоній увѣрялъ, что когда въ Великій четвертокъ происходило омовеніе этихъ св. мощей мучениковъ, то вода съ нихъ сбѣжала розовая, и *мочившимъ ей свои болѣзни* и пившимъ оную *слѣдовало во множествѣ исцѣленіе*». Да я и самъ знаю двоихъ у насъ, въ Обвалахъ, которые свидѣтельствовали, что они при прикосновеніи къ мощамъ тотчасъ же освободились тѣхъ болѣзней, коими страдали. Вотъ *всѣ эти бывшія чудеса* отъ мощей святыхъ мучениковъ даютъ полное основаніе вѣрить, что это самыя тѣлеса мучениковъ, которыхъ имена оказались на камняхъ и которыхъ св. церковь признаетъ святыми и празднуетъ имъ 29 сентября. Но *болѣе всего* меня поражаетъ и удостовѣряетъ въ святости этихъ тѣлъ то *великое чудо,* когда отъятый палецъ отъ св. мощей мучениковъ (мученицы?) оказался на своемъ мѣстѣ, гдѣ былъ. А газетной болтовнѣ я нисколько не вѣрю» и т. д.

Читатели простятъ намъ эту длинную выписку изъ раскольнической газеты ради интереса, какой представляетъ она для характеристики раскола и его беззастѣнчивыхъ защитниковъ и распространителей. Эти послѣдніе знаютъ, что̀ дѣлаютъ, сочиняя и печатая такія сказки: слишкомъ довѣрчивый къ писаніямъ своихъ апологетовъ, темный старообрядческій людъ даже придетъ въ умиленіе, слыша и читая о такихъ „великихъ чудесахъ“, что якобы отломленный отъ мнимыхъ мощей пальчикъ скрылся изъ шкатулки, невидимо перелетѣлъ нѣсколько верстъ и „приросъ“ на прежнемъ мѣстѣ, — умилится и вознегодуетъ на „никоніянъ“, смѣющихъ не вѣрить въ подлинность, святость и чудодѣйственность мнимыхъ мощей, распространенныхъ Антоніемъ и другими раскольническими архіереями. Какъ не умилиться простодушнымъ старообрядцамъ, читая ска-

заніе о такомъ чудѣ, когда и самъ ихъ „владыка“ Силуянъ свидѣтельствуетъ, что „болѣе всего“ поразили и удостовѣрили его въ святости мощей эти приключенія „отнятаго“ пальчика? Интеллигентные старообрядцы, издающіе переводы ученыхъ иностранныхъ книгъ, содержащихъ послѣднее слово науки, изъясняющіеся по-французски, тронутые современнымъ свободомыслiемъ, разумѣется, покачали головой, прочитавъ письмо Силуана въ своей заграничной газетѣ и, быть-можетъ, поначалили за него тѣхъ, кого слѣдовало. По всей вѣроятности и нѣкоторые лжесвященники, въ родѣ Механикова, знакомаго съ сочиненіями Льюиса, не очень довольны письмомъ Силуана; да и сами г-да Бриліантовы и Мельниковы, надобно полагать, посмѣивались, сочиняя его. Но не въ нихъ дѣло,— не въ этихъ интеллигентахъ, лжепопахъ и литераторахъ раскольническихъ, а въ истыхъ старообрядцахъ, которыхъ собственно и нужно этимъ лжепопамъ и литераторамъ убѣдить, ради пользы раскола, что толки о фальшивости мощей, распространенныхъ въ ихъ средѣ, якобы несправедливы, что смущаться ими не слѣдуетъ, ибо отъ мощей сихъ были вотъ какія „великія чудеса“, — и довѣрчивые даже къ самымъ нелѣпымъ ихъ сказаніямъ старообрядцы убѣдятся, цѣль будетъ достигнута...

Однако, скажутъ намъ, вѣдь Силуанъ ссылается на свидѣтелей чудесъ, — на живыхъ свидѣтелей, да еще состоящихъ теперь въ полковничьихъ чинахъ? Дѣйствительно ли эти свидѣтели говорили то, что̀ передаетъ Силуанъ, мы провѣрить не можемъ; а если говорили, то не вѣрить такимъ свидѣтелямъ, какъ г-да полковники, конечно, не менѣе Силуана ревнующіе о пользѣ раскола (такихъ г-дъ офицеровъ не мало на Кавказѣ), — не вѣрить имъ, мы, конечно, не имѣемъ права[1]); но мы имѣемъ право, какъ и

[1]) Въ то время, когда писалась эта лѣтопись, посѣтилъ насъ одинъ бывшій раскольническій, а нынѣ единовѣрческій, священникъ на Кавказѣ, близко знающій Силуана и всѣ его безобразія. Разумѣется, мы спросили его: правда ли то, что̀ пишется въ газетѣ о мнимыхъ

всякій читатель, указать внутреннія несообразности въ основанномъ на ихъ свидѣтельствѣ (если таковое было) сказаніи Силуана, подрывающія довѣріе къ этому сказанію. Укажемъ нѣкоторыя изъ такихъ несообразностей.

Говорится въ письмѣ Силуана, что „обрѣтеніе на Кавказѣ“ мощей послѣдовало „въ архіепископство“ Антонія Шутова. А урядникъ Ягодкинъ, на свидѣтельство котораго ссылается Силуанъ, разсказываетъ, что раньше этого „командиръ батареи“, въ которой онъ служилъ (православный былъ этотъ командиръ, или старообрядецъ? — изъ разсказа не видно), зналъ уже о мощахъ, не одинъ разъ покрывалъ ихъ „хорошимъ матеріемъ“, и жена его даже получила исцѣленіе отъ нихъ. Значитъ, о мощахъ извѣстно было на Кавказѣ еще до „архіепископства“ Антоніева. Зачѣмъ же говорится, что мощи „обрѣтены“ въ архіепископство Антонія? Можно говорить только, что трупы изъ кавказской пещеры увезены въ „архіепископство“ Антонія и проданы этому послѣднему. И потомъ, если о мощахъ было извѣстно на Кавказѣ, то, конечно, не одному „командиру батареи“, не однимъ старообрядцамъ, но и православнымъ; а въ такомъ случаѣ не могло быть не извѣстнымъ объ нихъ и православному духовному правительству, которое не преминуло бы позаботиться объ ихъ охраненіи и достойномъ почитаніи. Но ничего такого не было: потому и разсказъ Ягодкина о „командирѣ батареи“, объ исцѣленной женѣ его, очень сомнителенъ.

Говорится, что „четыре *тѣла* нетлѣнныхъ *мощей* лежали на небольшомъ возвышеніи“, и что „въ главахъ“(?) у нихъ лежали камни съ надписью по-персидски: Дада, Гаведдай, Коздоя и Гаргалъ“. Надписи (если онѣ были или

мощахъ? Онъ отвѣтилъ, что на Кавказѣ никто не вѣритъ Силановымъ сказкамъ объ нихъ; а свидѣтели, на которыхъ онъ ссылается, говорятъ съ его словъ. Изъ полковниковъ же одинъ совсѣмъ не вѣритъ мощамъ и въ спорѣ съ братомъ, сторонникомъ Силуана, даже сказалъ однажды, что такихъ мощей на Кавказскихъ горахъ, по ущельямъ, можно отыскать не одну сотню...

есть)[1]), конечно, заслуживаютъ вниманія, и не даромъ въ Москвѣ у раскольниковъ ходилъ слухъ, что раскольническая депутація, ѣздившая на Кавказъ для изслѣдованія о мнимыхъ мощахъ на самомъ мѣстѣ ихъ „обрѣтенія“, привезла фотографическіе снимки какихъ-то надписей. Но вотъ что̀ сомнительно: Ягодкинъ разсказываетъ, что надписи „съ большимъ трудомъ могли перевести на русскій языкъ, и то *тогда только* перевели, когда нашли персіянина, знающаго хорошо персидскій языкъ“. Это было еще до „обрѣтенія“ мнимыхъ мощей Антоніемъ. Спрашивается: кто же это такъ хлопоталъ о переводѣ надписей? кто нашелъ наконецъ персіянина, къ удивленію, хорошо знающаго персидскій языкъ? Вѣдь Ягодкинъ говорилъ о времени, когда трупы лежали еще въ пещерѣ. И какъ г-да Бриліантовъ и Мельниковъ, сочиняя письмо отъ имени Силуана, не сообразили, что требовалось не перевести надпись „на русскій языкъ“, а просто разобрать и прочитать ее, если она была и содержала лишь имена: Дада, Гаведдай и проч., имена совсѣмъ не требующія перевода на русскій языкъ.

Еще больше несообразностей въ разсказѣ объ исцѣленіи Маріы Ивановны Баскаковой. Говорится, что сначала не могла она смотрѣть на „тѣла мучениковъ“, а потомъ возымѣла такую смѣлость, что даже отломила палецъ у „тѣла, имѣющаго женскіе волосы“, и это „въ знакъ чудеснаго исцѣленія болѣзни“![2]) А похожденія отломленнаго пальца? Помимо всего, спросимъ только: для чего они потребовались? Вѣдь шкатулка, въ которой палецъ, хранился осталась въ цѣлости, значитъ, онъ не подвергался никакой опасности, и въ чудесномъ перемѣщеніи его не предстояло надобности. Нужно было бы сочинить для боль-

[1]) По словамъ посѣтившаго насъ кавказца, никакихъ надписей не было.

[2]) Посѣтившій насъ кавказецъ говорилъ, что г-жа Баскакова не спускалась въ пещеру, и не могла спуститься, такъ какъ проходъ туда очень тѣсенъ и труденъ.

шей поразительности чуда, что шкатулка сгорѣла, а находившійся въ ней палецъ оказался въ цѣлости, приросшимъ къ своему мѣсту. Тогда и Силуанъ съ большой основательностью могъ бы сказать: „болѣе всего меня поражаетъ то великое чудо“... что „палецъ оказался на своемъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ“. И еще говорится, что г-жа Баскакова исцѣленной рукой „обметала отъ св. мощей землю, которая соприкасалась къ нимъ“; а выше сказано, что тѣла лежали на „возвышеніи“ и „не одинъ разъ были покрываемы хорошимъ матеріемъ“... Вообще, несмотря на свидѣтельство г-дъ полковниковъ, все это сказаніе представляетъ много несообразнаго, а потому и довѣрія внушить не можетъ.

Далѣе свидѣтелемъ чудесъ выставляется и самъ „покойный архіепископъ Антоній“. Онъ увѣрялъ, что при омовеніи мощей, доставленныхъ ему съ Кавказа, „вода сбѣжала розовая и мочившимъ ей свои болѣзни и пившимъ оную слѣдовало во множествѣ исцѣленіе“. Что Антоній могъ утверждать, будто „мочившіе свои болѣзни“ такой водой получали исцѣленіе, этому можно повѣрить, такъ какъ и о себѣ онъ говорилъ, будто дверемъ затвореннымъ, и даже запертымъ, вошелъ келью Павла Бѣлокриницкаго, когда бѣжалъ къ нему изъ безпоповства за полученіемъ архіерейской шапки. Но какъ понимать это сказаніе, что вода съ мнимыхъ мощей „бѣжала розовая? Розовая по цвѣту, или по благоуханію? Должно быть по благоуханію. И это понятно, потому что Антоній обильно смачивалъ мнимыя мощи всякими благовоніями. Жившіе въ его кельѣ разсказываютъ, что когда увѣщевали его не обманывать народъ мнимыми мощами (которыя, кстати сказать, прятались гдѣ-то подъ кроватью), онъ отвѣчалъ, что онѣ хорошо пахнутъ [1])...

[1]) И въ концѣ письма Силуанъ пишетъ: „Я вѣрую имъ (мнимымъ мощамъ) по свидѣтельству блаженныя памяти архіепископа Антонія Московскаго: ибо этотъ святитель былъ достоинъ вѣролтія по жизни его и вѣрѣ,—словомъ сказать *это былъ звѣзда святой Христовой*

Но главное не во всѣхъ этихъ внутреннихъ несообразностяхъ сказаній, изложенныхъ въ письмѣ Силуана для доказательства подлинности и святости мнимыхъ мощей, почитаемыхъ раскольниками за дѣйствительныя и святыя, — главное въ томъ, что сказанія эти противорѣчатъ историческимъ извѣстіямъ, какія сохранились о мученикахъ Гаведдаѣ, Каздоѣ и пр. Несомнѣнно, что сіи мученики пострадали въ половинѣ 4-го столѣтія, слѣдовательно полторы тысячи лѣтъ тому назадъ. Такъ ужели, въ самомъ дѣлѣ, нетлѣнныя ихъ мощи лежали 1500 лѣтъ въ кавказской пещерѣ, никому невѣдомыя, до „архіепископства“ Антонія, которому будто бы и суждено было обрѣсти ихъ для прославленія раскола и раскольнической лжеіерархіи? Святая церковь въ теченіе тринадцати столѣтій до патр. Никона, когда и по признанію самихъ раскольниковъ была несомнѣнно православною, оставалась будто бы недостойна обладать такою святынею, — а расколъ и раскольническій епископъ удостоились того!

Что еще извѣстно о мученикахъ Гаведдаѣ, Каздоѣ, Дадѣ и Гаргалѣ? — гдѣ находятся извѣстія объ нихъ? Сами сочинители Силуанова письма повелѣваютъ намъ читать „Житіе ихъ въ Прологѣ“ подъ 29 сентября. Послушаемъ ихъ приказанія, — посмотримъ, что говорится въ Прологѣ, и возмемъ именно Прологъ, напечатанный „въ первое лѣто патріарха Іосифа“ (1642 г.), значитъ требующій вящшаго уваженія отъ старообрядцевъ. Здѣсь повѣствуется, что мучитель (Гаргалъ), подвергнувъ Гаведдая многоразличнымъ истязаніямъ, „тростіе поостривъ, *напери все тѣло его.* Святый же, на многи часы сбодаемъ тростіемъ и Богу моляся, предаде духъ свой въ руцѣ Господеви. Гаргалъ же повелѣ *сѣщи натрое тѣло мученика* и *разметати е.* Еже вземше со многою честію Дадій же и Авдій, священ-

---

церкви“. Въ расколѣ Антоній былъ дѣйствительно звѣздой своего рода, особенно по сравненію съ Савватіемъ; но называть его „звѣздой Христовой церкви“, какое кощунство!

ницы суще, и Арзаматъ діаконъ, и принесоша въ домы своя, и *благоуханіемъ и вонями обвивше положиша и,* прилежно славяще Бога. Святаго же и славнаго Даду, сродника царева, егоже и первіе много мучивше, *съсѣкоша на уды.* И тако и той скончася о Господѣ. *Нѣцыи* же боголюбіи, вземше тѣло его и честнѣ спрятавше, *положиша въ нарочитѣ мѣстѣ*". Потомъ мученикъ Гаведдай явился упомянутымъ священникамъ, и велѣлъ Дадію идти въ царскій домъ помазать мѵромъ и причастить святыхъ таинъ Каздою, сестру его. „И сотвори Дадій по глаголу святаго, и крести ю, и даде ей тѣло Господне, глаголя: спи, сестро, даже до пришествія Господня. И се ангелъ поятъ душу ея и взыде на небо. Пришедши же мати ея и обрѣте ю умершею, и вниде къ царю, и рече ему: се, царю, яко безчеловѣченъ и каменосердеченъ, не пощадѣ дѣти своя... Пріимши сама ароматы многоцѣнны, и покади святое тѣло дщерино и *царскою багряницею повивше, положи съ сыномъ своимъ Гаведдаемъ*".

Если бы сочинители Силуанова письма со вниманіемъ прочли это въ Прологѣ, къ которому такъ настойчиво отсылаютъ своихъ читателей («смотри въ Прологѣ»!), они и сами поняли бы, конечно, что кавказскія тѣла, валявшіяся въ пещерѣ безъ призора, покрытыя землею, никакъ не могутъ быть признаны мощами свв. мучениковъ Дады, Гаведдая и Гаргала. Мученикъ Гаведдай, тѣло котораго все изъязвлено было остріями, послѣ мученической кончины *разсѣченъ* былъ *на три части.* Мученикъ же Дада былъ даже *разсѣченъ на уды,* на многія части. А четыре кавказскіе трупа всѣ лежали цѣлыми, по свидѣтельству достовѣрныхъ раскольническихъ свидѣтелей даже полновѣсческаго чина. Разсѣченныя и разметанныя части мощей св. Гаведдая были собраны священниками, обвиты благовоніями и честно погребены; вмѣстѣ съ нимъ потомъ положены и мощи св. Каздои, повитыя царскою багряницею; а разсѣченныя на уды мощи мученика Дады были собраны какими-то боголюбивыми христіанами и погре-

бены, очевидно, въ другомъ «нарочитомъ мѣстѣ». Ясно, что мощи святыхъ мучениковъ Дады, Гаведдая, Каздоя и Гаргала не могли лежать вмѣстѣ въ какой-то пещерѣ «на небольшомъ возвышеніи», какъ лежали, по описанію указанныхъ свидѣтелей, кавказскіе трупы, выдаваемые за мощи сихъ мучениковъ. И какъ могли они, «честно похороненные», лежать столько столѣтій въ такомъ небреженіи?

Много кощунствуютъ раскольники, выдавая какіе-то невѣдомые трупы за мощи свв. мучениковъ; еще болѣе нечествуютъ разные ихъ Силуаны, или стоящіе за плечами Силуановъ разные Бриліантовы и Мельниковы, усиливаясь доказывать мнимую святость и чудодѣйственность этихъ труповъ странными сказаніями о невѣроятныхъ чудесахъ. Мы не стали бы, конечно, и распространяться объ этихъ сказаніяхъ, не стали бы указывать ихъ нелѣпость, очевидную для всякаго разумнаго человѣка, если бы не были убѣждены, что онѣ съ довѣріемъ могутъ быть приняты многими простодушными старообрядцами, на которыхъ собственно и разсчитаны. Авось наши слова вразумятъ кого-нибудь изъ нихъ.

А между тѣмъ сочинители Силуанова письма, такъ упорно и нагло защищая ложь, такими сказками стараясь доказать мнимую святость и чудодѣйственность какихъ-то труповъ, выдаваемыхъ за мощи святыхъ мучениковъ, въ концѣ письма, по своему обычаю, разражаются вотъ какою бранью на православную церковь:

«У насъ на Руси (это значитъ: не такъ какъ у васъ, владыка Алимпій, — не такъ, какъ въ Румыніи, гдѣ издается теперь лживая раскольническая газета), — у насъ на Руси не только пишутъ неправду уличныя газеты, *но ей биткомъ набиты, какъ сельдей въ бочкѣ,* и полемическія противъ старообрядчества книги. Развѣ правду писалъ съ благословенія(?) Сѵнода Питиримъ въ Пращицѣ, что соборъ въ Кіевѣ на Мартина еретика былъ? Развѣ правду сообщалъ онъ же, что митрополитъ Ѳеогностъ скрѣплялъ своею подписью по всѣмъ листамъ якобы принадлежавшій ему Требникъ? Вѣдь *всему міру* извѣстно, что это ложь! Но вѣдь эта

ложь написана, напечатана въ Пращицѣ *съ благословенія* Русскаго Сунода, иначе сказать всей ихъ (?) церкви».

Никогда Святѣйшій Синодъ не «благословлялъ» печатать ложь. Если въ «Пращицѣ», напечатанной по благословенію Синода, говорилось о соборномъ дѣяніи на Мартина, то Синодъ разрѣшилъ печатать о немъ потому, что считалъ это дѣяніе дѣйствительно бывшимъ: значитъ, благословлялъ печатать не ложь, а то, что̀ считалъ за правду. Когда же учеными была доказана, или лучше указана неподлинность дѣянія, на него православные писатели, знающіе это мнѣніе ученыхъ, уже не ссылаются въ полемическихъ сочиненіяхъ противъ раскола, въ томъ числѣ сами члены Синода, какъ напр., митрополиты Филаретъ и Григорій. И здѣсь Святѣйшій Синодъ поступаетъ такъ же, какъ поступилъ при обнаруженіи неподлинности мощей мученика Христофора: неправда обнаружена, и принимаются заботы объ ея уничтоженіи. Сочинителямъ Силуанова письма все это извѣстно; и однакоже они не только молчатъ объ этомъ, но и продолжаютъ обвинять православную церковь въ мнимыхъ подлогахъ и лжахъ. Если бы они имѣли хоть немного добросовѣстности, то должны были бы изъ примѣра православной церкви научиться такъ же немедленно и искренно обличать и отвергать всякую обращающуюся у нихъ и обличенную уже неправду, а именно въ данномъ случаѣ откровенно признаться, что Антоній вовлеченъ былъ въ обманъ извѣстнымъ въ расколѣ шарлатаномъ, привезшимъ съ Кавказа и продавшимъ ему какіе-то черкесскіе трупы, выдавъ ихъ за мощи свв. мучениковъ, — сознаться въ этомъ и позаботиться объ изъятіи мнимыхъ мощей изъ употребленія въ ихъ храмахъ и почитанія. Но такой добросовѣстности, правдивости и искренности никогда мы не дождемся отъ Савватіевъ и Силуановъ, Бриліантовыхъ и Мельниковыхъ, какъ еще разъ показала намъ это новая раскольническая газета.

Теперь наши читатели могутъ имѣть понятіе объ раскольническомъ „Словѣ правды“ и могутъ видѣть, есть ли въ немъ правда. А между тѣмъ свою лживую газету (1-й №) раскольническіе дѣятели разсылаютъ повсюду, и знакомымъ и незнакомымъ, въ обыкновенныхъ пакетахъ. Нѣсколько лицъ, даже не принадлежащія къ расколу, изъ разныхъ мѣстъ, между прочимъ изъ Баланды (Саратов. губ.) и изъ Кунгура (Перм. губ.), извѣщаютъ насъ о полученіи газеты и предлагаютъ намъ посмотрѣть ее, если не имѣемъ. Любопытно, что въ Кунгуръ она прислана по адресу, указанному Швецовымъ, который, по недоразумѣнію, считаетъ адресата приверженцемъ раскола и снабжаетъ его собственными подпольными изданіями: ясно, что въ дѣлѣ объ изданіи заграничной газеты принимаетъ участіе и сей другъ и наставникъ Мельникова — пресловутый Онисимъ Швецовъ; ясно, что изданіе газеты есть общее дѣло всѣхъ главныхъ ревнителей и распространителей раскола.

Говорятъ, что въ дѣлѣ этомъ принимаетъ участіе Карловичъ. Пока этого участія не видно,— Карловичъ малограмотенъ и пробавлялся всегда чужими трудами, всего болѣе сочиненіями о. Верховскаго, потомъ, передъ кончиной, оплакавшаго свои, столько вреда св. церкви причинившія и столь радовавшія раскольниковъ, дѣла и писанія. Но выдаютъ за несомнѣнное, что Карловичъ, какъ извѣстно высланный изъ Россіи за свои ругательныя на церковь сочиненія, минувшей осенью пріѣзжалъ въ Россію, жилъ въ Москвѣ, велъ сношенія съ здѣшними заправителями раскольническихъ дѣлъ, былъ „принятъ“ самимъ „владыкой Савватіемъ“ и успѣлъ получить отъ сего послѣдняго значительную сумму (ради чего, разумѣется, и пріѣзжалъ) на изданіе сочиненной имъ Апологіи этого лжевладыки раскольниковъ, представляющей, какъ мы слышали, цѣлое „житіе“ его, можетъ быть, съ разными чудесами. Теперь сія „Апологія“ уже напечатана и украшена портретомъ Саватѣя, разумѣется, въ святительскомъ об-

лаченіи. А между тѣмъ, знаютъ ли раскольники, что этотъ жизнеописатель и панегиристъ ихъ „владыки“, презираемаго и ими самими за его слабоуміе и слабохарактерность, — этотъ продажный жидъ Карловичъ, въ то самое время, какъ обиралъ деньги съ раскольниковъ на изданіе сочиненій въ защиту и прославленіе раскола, хлопоталъ предъ высшимъ россійскимъ правительствомъ о великодушномъ прощеніи его за службу раскольникамъ, изъявлялъ сожалѣніе, что поносилъ православную церковь и ея пастырей, просилъ разрѣшенія возвратиться въ Россію и обѣщалъ посвятить свои силы и таланты на защиту православія противъ враговъ его, и прежде всего, разумѣется, противъ раскольниковъ? Предложенія такого защитника церкви, понятно, отвергнуты съ негодованіемъ. Догадливый жидъ могъ это предвидѣть, и потому въ одно и то же время велъ сношенія съ московскими раскольниками и ихъ „владыкой“, слабоумнымъ, но очень тщеславнымъ Савватіемъ. Расчетъ на раскольниковъ, особенно на такого, какъ Савватій, былъ, конечно, вѣрнѣе, и жидъ Карловичъ уѣхалъ съ хорошимъ гешефтомъ... Нечего и дивиться на него, — онъ вѣренъ своей натурѣ; но вы-то, г-да старообрядцы, столь громко проповѣдующіе, между прочимъ и въ своей газетѣ, о своей вѣрноподданнической преданности Престолу и отечеству, — вы съ своимъ „владыкой“ не позорите ли себя предъ лицомъ всѣхъ вѣрноподданныхъ россіянъ, принимая у себя людей, которымъ правительство воспретило въѣздъ въ Россію, ведя съ ними сношенія и участвуя съ ними въ ихъ преступныхъ дѣлахъ за границей? И ваша заграничная газета, и ваши подпольныя изданія, съ секретными типографіями въ разныхъ уголкахъ Россіи, и ваши сношенія съ Карловичами, — все это можетъ внушить только сомнѣнія относительно вашей неизмѣнной вѣрности Престолу и отечеству, о которой вы такъ любите говорить гдѣ и когда вамъ понадобится...

5. Чѣмъ кончилась исторія Еѳима Мельникова — О сынѣ его, заграничномъ агитаторѣ. — Новое произведеніе заграничной раскольнической литературы.

Исторія раскольническаго лжепопа въ Новозыбковѣ Еѳима Мельникова получила конецъ совершенно неожиданный, какъ будто для вразумленія намъ, что въ дѣлахъ раскола можно всего ожидать у насъ, даже и того, что̀ кажется совершенно невозможнымъ. Былъ предъявленъ законнымъ порядкомъ фальшивый вексель, составленный Мельниковымъ; Мельниковъ по обвиненію въ составленіи этого векселя взятъ судебною властію, посаженъ въ тюрьму; началось дѣло по этому обвиненію его въ уголовномъ преступленіи, съ него берутся показанія; — и вдругъ все это уничтожается, всего этого какъ будто и не бывало, Мельниковъ освобождается отъ всякаго суда, дѣло прекращается и онъ на полной свободѣ! Мы говорили уже, что изъ острога онъ взятъ былъ на поруки богачомъ-Гусевымъ, главою и опорой стародубскаго австрійскаго раскола, внесшимъ за сохранность своего лжепопа огромную сумму. Послѣ этого, съ помощію нанятаго адвоката, немедленно начинаются хлопоты о соглашеніи со Шведовой, предъявившей суду составленный Мельниковымъ фальшивый вексель на ея имя. Шведова — раскольница, духовная дочь Еѳима Мельникова: и сей достойный духовный отецъ ея, а съ ней Гусевъ и другіе вліятельные раскольники начали убѣждать ее, ради блага и чести „древлеправославія“ прекратить столь соблазнительное и позорное для него дѣло; адвокатъ въ свою очередь изыскивалъ и указывалъ способы, какъ это сдѣлать: и вотъ состоялось соглашеніе раскольническаго попа съ его духовной дочерью-раскольницей, — онъ предложилъ уничтожить вексель, отказался отъ 25.000 руб., которые желалъ получить съ нея по этому векселю, напротивъ предложилъ съ своей стороны заплатить ей 2,000 р., если согласится на такую сдѣлку, а достойная духовная дщерь такого духовнаго отца изъявила

на то свое согласіе, ради вящшей славы „древлеправославія“ и пресловутой австрійской іерархіи. Остальное докончилъ адвокатъ, снабженный отъ Мельникова также обильными на сей предметъ средствами: дѣло прекращено; Мельниковъ опять на полной свободѣ. Но какъ же прекращено? — спросятъ читатели. Вѣдь фальшивый вексель былъ уже въ рукахъ судебной власти, и виновный въ составленіи его, самъ владѣлецъ векселя, указанъ? Слѣдовало только, законнымъ порядкомъ, установить дѣйствительность преступленія, чтобы подвергнуть виновнаго наказанію по силѣ закона объ уголовныхъ преступленіяхъ, и судебное слѣдствіе уже начато? — дѣло могло имѣть только два исхода: вексель могъ быть признанъ дѣйствительнымъ, и тогда Мельниковъ долженъ получить не только свободу, но и деньги по векселю, а Шведова подвергнуться суду за неправильное обвиненіе его въ уголовномъ преступленіи, или же могъ быть признанъ фальшивымъ, и тогда Мельниковъ долженъ понести тяжкую кару за уголовное преступленіе? А между тѣмъ не случилось ни того, ни другаго, — и обвиняемый, и обвинительница, и Мельниковъ и Шведова, оказались невиноватыми! дѣло прекратилось такъ, какъ будто и не начиналось, якоже и не бысть!.. Какъ могло это случиться? И мы, читатель, при маломъ знакомствѣ съ судебными порядками, не знаемъ этого и объяснить не можемъ; для насъ стали только очевиднѣе двѣ и прежде извѣстныя истины: 1) что въ судебныхъ дѣлахъ о расколѣ и невозможное бываетъ возможнымъ, и 2) что злато великая сила въ рукахъ раскольниковъ. Итакъ, старый, много видовъ видавшій, раскольническій попъ Еѳимъ Мельниковъ опять вышелъ сухимъ изъ воды, опять можетъ на полной свободѣ строить свои планы о возвеличеніи австрійскаго раскола и хлопотать объ ихъ осуществленіи. А какіе строитъ онъ планы, объ этомъ далѣе мы скажемъ особо.

Теперь Еѳимъ Мельниковъ на свободѣ; но вѣдь все же онъ сидѣлъ въ острогѣ, и значитъ судебная власть имѣла

основаніе такъ строго поступить съ нимъ? пятно все-таки осталось на немъ? Это правда; и большинство мѣстныхъ раскольниковъ, какъ насъ извѣщаютъ, даже не скрываютъ того, что изъ тюрьмы ему слѣдовало выдти не на свободу, а въ нѣкоторыя, очень отдаленныя мѣста, и авторитетъ его въ мѣстномъ раскольническомъ обществѣ сильно поколебленъ этимъ дѣломъ о фальшивомъ векселѣ. Видя и понимая это, друзья и покровители Мельникова проповѣдуютъ теперь, что будто бы въ острогъ онъ посаженъ былъ вовсе не по дѣлу о фальшивомъ векселѣ, а пострадалъ за своихъ дѣтей, такъ смѣло обличающихъ (якобы) господствующую церковь, особенно за младшаго — Ѳедора, который, именно какъ смѣлый защитникъ древлеправославія, привлеченъ къ суду и, спасаясь отъ суда, бѣжалъ за границу, — сидѣніе въ острогѣ выдается такимъ образомъ какъ страданіе за вѣру. Но если такъ, если отецъ посаженъ въ острогъ за вину сына, то зачѣмъ же освобожденъ онъ? Вѣдь судъ надъ сыномъ еще не конченъ и сынъ доселѣ живетъ за границей, уклоняясь отъ суда: значитъ, и привлеченный къ отвѣтственности за него отецъ (если бы такъ было) не могъ быть освобожденъ отъ этой отвѣтственности, долженъ былъ бы и доселѣ сидѣть въ острогѣ. Вообще, попытки разныхъ Гусевыхъ въ Стародубьѣ и Морозовыхъ въ Москвѣ обѣлить Еѳима Мельникова совсѣмъ неудачны...

А что Ѳедоръ Мельниковъ сдѣлался эмигрантомъ, бѣжалъ за границу, при помощи лжеепископа Измаильскаго Анастасія, живетъ теперь въ Румыніи и издаетъ тамъ раскольническое „Слово правды“ (какъ мы и были увѣрены), это уже извѣстно теперь со всею достовѣрностію, и сами раскольники этого не скрываютъ. Вскорѣ послѣ бѣгства за границу онъ отправилъ письмо съ извѣстіемъ объ этомъ къ своему учителю и участнику всѣхъ злыхъ его дѣяній, Онисиму Швецову, и къ жившему у Швецова брату Василью: въ письмѣ этомъ (которое надѣемся напечатать) онъ проклинаетъ Россію и приглашаетъ своихъ

друзей бѣжать, по его примѣру, изъ этой „проклятой, варварской страны“, гдѣ отца его (за составленіе фальшивыхъ векселей) посадили въ острогъ (да потомъ и отпустили съ миромъ), а его (за дерзкія ругательства противъ церкви) преслѣдуютъ судомъ... Эти рѣчи раскольническаго эмигранта, составляющаго по свидѣтельству самихъ раскольниковъ австрійскаго согласія, ихъ красу и славу, эти его ругательства на Россію и приглашеніе бѣжать изъ нея, хорошее свидѣтельство о томъ патріотизмѣ, о той вѣрности престолу и отечеству, которыми такъ любятъ хвастаться старообрядцы, „пріемлющіе“ австрійское священство...

Теперь о другомъ пребывающемъ за границей раскольническомъ писателѣ. Мы упоминали прошлый разъ, что Карловичъ, секретно пріѣзжавшій въ Москву, видѣвшійся здѣсь съ главными раскольническими дѣльцами и съ самимъ Савватіемъ, получивъ отъ послѣдняго нѣкую сумму денегъ, напечаталъ за границей книгу своего сочиненія подъ названіемъ Савватіевой „Апологіи“. Книга эта, или точнѣе книжка въ 34 страницы, распространяемая въ Москвѣ, разумѣется, Бриліантовымъ, привилегированнымъ распространителемъ всякихъ раскольническихъ подпольныхъ изданій, дошла наконецъ и до нашихъ рукъ. Вотъ точное ея заглавіе: „Апологія Савватія старообрядческаго архіепископа московскаго. В. М. К. (т. е. Владиміръ Михаиловичъ Карловичъ, или, пожалуй, Кирасевскій, такъ какъ сей раскольничествующій жидъ имѣетъ двѣ фамиліи). Черновцы, изъ типографіи Г. Чоппа, 1894“. Познакомимъ хоть немного читателей съ этимъ куріознымъ произведеніемъ раскольническаго апологета изъ выкрещенныхъ жидовъ. Въ немъ есть, конечно, „предисловіе“ и послушайте, какъ торжественно начинается оно:

„Взявши перо для составленія апологіи Савватія, нашего (?) московскаго старообрядческаго архіепископа, мы считаемъ не лишнимъ, прежде всего, остановить вниманіе читателя на слѣдующихъ нашихъ соображеніяхъ.

„Періодъ настоящаго столѣтія далъ сильный толчокъ современному цивилизованному міру, *расшаталъ спящій мозгъ человѣчества,* расширилъ въ немъ (въ мозгу человѣчества?) духъ жизни, духъ знанія и науки и духъ искусства до такой степени, что оно (искусство?), воспрянувъ отъ своего глубокаго сна, мрака и невѣжества, безъ оглядки (!) на времена стариннаго закала, вступило въ совершенно новый путь идей и понятій, и во всѣхъ пунктахъ гражданской и общественной жизни объявило гуманность, свободу и равноправность такъ, что *давно прошедшія* тяжелыя условія (?), весьма рѣзко *измѣнились* къ лучшему, короче сказать, вся индивидуальная *жизнь общественнаго строя безъ всякаго стѣсненія своей совѣсти* стала самостоятельно дѣйствовать *по личнымъ убѣжденіямъ и понятіямъ,* строго соблюдая при томъ (?) законы и правила государственныя и общественныя".

„Слѣдуя безпримѣрнымъ тенденціямъ этого духа міровоззрѣнія, лучшіе факторы современной прессы и мудрые представители стоящіе во главѣ государственнаго и общественнаго благоустройства, совершенно забыли свои завѣтныя мечты (?), гоненія и преслѣдованія" и т. д.

Не правда ли, — такому краснорѣчію можетъ позавидовать и самъ г-нъ Механиковъ! И ему не придумать такихъ блестящихъ выраженій, какъ напр. „періодъ настоящаго столѣтія расшаталъ спящій мозгъ человѣчества", или „слѣдуя безпримѣрнымъ тенденціямъ духа міровоззрѣнія, лучшіе факторы современной прессы!" А кто, кромѣ Карловича, могъ бы начать защиту раскола со всею его тьмою и невѣжествомъ, защиту наиболѣе невѣжественнаго и малограмотнаго изъ раскольническихъ лжеепископовъ, высокопарными толками о томъ, что человѣчество (не въ лицѣ ли именно Савватія?) „воспрянуло отъ глубокаго сна, мрака и невѣжества"? Впрочемъ, приступая къ защитѣ раскола въ лицѣ его лжеепископа, онъ, пожалуй, справедливо (хотя и безграмотно) говоритъ о дѣйствованіи „безъ всякаго стѣсненія совѣсти, по личнымъ убѣжденіямъ и понятіямъ", ибо у раскольниковъ, ихъ нынѣшніе мнимые богословы, Швецовъ и Механиковъ, даже въ рѣшеніи догматическихъ

вопросовъ „безъ всякаго стѣсненія совѣсти“ руководятся „своими личными убѣжденіями и понятіями“, отвергнувъ авторитетъ и слова Божія и святоотеческихъ писаній... И такими-то безтолковыми, безграмотными, хотя и громкими фразами, наполнены двѣ трети книжки Карловича, чего впрочемъ и слѣдовало ожидать отъ этого жалкаго сочинителя, подъ защиту котораго прибѣгли, къ своему позору, раскольники австрійскаго согласія.

Но чѣмъ же вызвана „Апологія Савватія?“ кто нападаетъ на него? противъ кого вздумалъ защищать его Карловичъ?

Въ первой главѣ (книжка состоитъ изъ трехъ главъ), а также и въ „предисловіи“, рѣчь идетъ объ изданной Рыскинымъ „подъ фирмою *Русскаго Листка* брошюрки подъ заглавіемъ *Разобличенный расколъ*, въ которой (по словамъ Карловича) безъ всякой застѣнчивости и стыда рѣшился (Рыскинъ) литографическимъ путемъ вывести на сцену *каррикатурную картинку, въ видѣ огородника, нашего старообрядческаго архіепископа Савватія*“. За эту брошюрку и за эту „картинку Савватія“ г. Карловичъ осыпаетъ г. Рыскина самою отборною бранью. Брошюрки, о которой идетъ рѣчь, мы, говоря по правдѣ, не читали, потому что, прочитавши нѣкоторыя другія статьи г. Рыскина о расколѣ, утратили всякій интересъ къ тому, что онъ писалъ потомъ объ этомъ предметѣ. Но и не читавши брошюрки можемъ сказать, что г. Карловичъ въ „Апологіи“ совсѣмъ и не подумалъ разбирать ее по существу, а ограничился одной бранью на ея автора, да еще авторитету „Русскаго Листка“ противупоставилъ авторитетъ „одного *почтеннаго органа* русской прессы“, именуемаго „Московскій Листокъ“, гдѣ была напечатана противъ г. Рыскина обличительная статья, изъ которой и привелъ длинную выписку. Не видали мы и „картинки Савватія“, изданной г. Рыскинымъ; зато видимъ „картинку“ этого раскольническаго „владыки“, приложенную самимъ г. Карловичемъ къ его „Апологіи“, какъ надобно полагать, съ тою именно цѣлію, чтобы загла-

дить впечатлѣніе первой, — и намъ кажется, что если та первая, изданная г. Рыскинымъ, „картинка“, изображавшая Савватія „въ видѣ огородника“ была „каррикатурна“, то еще „каррикатурнѣе“ эта вторая, изданная самимъ Карловичемъ, на которой Савватій изображенъ „въ видѣ“ архіерея, въ полномъ святительскомъ облаченіи, съ высокимъ архіерейскимъ посохомъ въ лѣвой рукѣ и съ подъятой на благословеніе десницей. Въ глазахъ православнаго это даже не каррикатура, а наглое кощунство. Кафтанъ огородника во всякомъ случаѣ несравненно приличнѣе для Савватія, нежели митра и саккосъ съ омофоромъ...

Въ двухъ остальныхъ главахъ Апологіи рѣчь идетъ уже не о комъ другомъ, какъ именно объ насъ; Савватій защищается здѣсь отъ нашихъ якобы нападеній на него. Этой защитѣ предпослано небольшое вступленіе, представляющее какъ бы характеристику нашей дѣятельности противъ раскола. Вотъ что̀ говоритъ о насъ г. Карловичъ:

„Послѣ всего, до сихъ поръ, нами сказаннаго, мы должны придти въ соприкосновеніе (?) съ лицомъ совершенно неравнымъ тому маклаку и вымогателю 12.000 франковъ [1]), лицомъ вытекающимъ (?) изъ сферы академической мудрости, лицомъ науки, стоящимъ въ зенитѣ (?) своего призванія, но къ сожалѣнію, подпадшимъ подъ вліяніе казенщины, а именно профессоромъ Николаемъ Ивановичемъ Субботинымъ.

„Николай Ивановичъ, лѣтъ 25 тому назадъ по долгу науки и своего призванія, былъ человѣкомъ болѣе гуманнаго воззрѣнія, но теперь, сдѣлавшись офиціознымъ литераторомъ, онъ обратился вспять и далеко ушелъ въ густой туманъ невѣжества и глумленія по старообрядческому вопросу, взялъ на себя роль старой тактики, тактики, состоящей изъ смѣси суровоподдѣльныхъ (?) историческихъ событій, онъ при всякомъ удобномъ случаѣ готовъ вызвать прошедшихъ терроровъ (?) всякаго несогласнаго съ его мнѣніемъ, день и ночь, своей академической реторикой,

---

1) Въ приведенной изъ «Московскаго Листка» выпискѣ говорилось, что г. Рыскинъ «требовалъ отъ старообрядцевъ около 12.000 франковъ, обѣщая въ такомъ случаѣ пощадить ихъ дѣло».

по ватиканскимъ (?) теоріямъ практикуетъ о подстрекательствѣ русско-народнаго духа, объ истребленіи всего старообрядчества...

„Намъ весьма не хотѣлось (?!) поставить г. Субботина на ряду съ человѣкомъ продажной совѣсти, какъ напримѣръ нашъ (?) Рыскинъ. Но къ сожалѣнію, сдѣлавшись запальчивымъ адвокатомъ казенщины, Николай Ивановичъ идетъ на проломъ противъ правды и истины, отстранивъ отъ себя всякую идиллическую (?) способность, онъ офиціальнымъ голосомъ, всякими извращеніями фактовъ критикуетъ не только однихъ старообрядцевъ, но и ихъ священнослужителей“ и т. д.

Минуя всѣ нелѣпости и безсмыслицы этой высокопарной филиппики противъ насъ, нельзя не замѣтить, что г. Карловичъ выразилъ въ ней, хотя и очень безтолково, господствующее у подобныхъ ему раскольническихъ апологетовъ мнѣніе о нашихъ отношеніяхъ къ расколу,— не отъ него перваго приходится слышать, что будто бы мы измѣнили наши прежнія воззрѣнія на расколъ, вмѣсто прежнихъ «гуманныхъ» стали въ какія-то «офиціозныя», «казенныя» къ нему отношенія, даже превратились въ жестокаго гонителя, стремящагося «къ истребленію всего старообрядчества». Утверждая это, г-да апологеты раскола говорятъ неправду. Никогда мы не измѣняли нашихъ воззрѣній на расколъ. И двадцать пять, даже тридцать пять лѣтъ тому назадъ видѣли въ немъ, какъ видимъ и теперь, именно расколъ, крайне враждебный православію, стремящійся къ ниспроверженію православной церкви всевозможными, даже самыми беззаконными способами; и теперь, какъ тогда, наши отношенія къ расколу не имѣютъ ничего офиціальнаго и казеннаго, а именно такія, какія долженъ имѣть къ нему каждый вѣрный сынъ православной церкви, всей душой ей преданный и пекущійся объ устраненіи всего враждебнаго ей, всего причиняющаго ей вредъ. Не скрываемъ, что прежде приходилось намъ говорить съ уваженіемъ и сочувствіемъ о нѣкоторыхъ лицахъ, принадлежавшихъ къ старообрядчеству, какъ напр. о Ксеносѣ, котораго

и теперь каждый разъ вспоминаемъ съ живымъ чувствомъ состраданія къ нему, такъ печально кончившему свою жизнь, даже о Кононѣ, который при всѣхъ его религіозныхъ заблужденіяхъ невольно привлекалъ къ себѣ наше сочувствіе своимъ кроткимъ нравомъ, смиреніемъ и разумностью, особенно о старообрядцахъ, готовившихся присоединиться и вскорѣ потомъ присоединившихся къ церкви, каковы напр. о. Онуфрій, и самъ приснопамятный о. архимандритъ Павелъ, съ которыми только начались тогда наши близкія отношенія; но и тогда мы съ такой же, какъ нынѣ, даже съ большей энергіей клеймили ложь раскола и поборниковъ этой лжи — Кирилла, Софронія, Антонія Шутова, Прокопа Лаврентьева и многихъ имъ подобныхъ. А теперь, г-да старообрядцы, гдѣ у васъ Ксеносы, гдѣ люди, подобные даже Конону, къ которымъ можно было бы имѣть уваженіе и относиться съ сочувствіемъ? Ихъ мѣсто занимаютъ теперь Швецовы и Перетрухины, Бриліантовы и Мельниковы, люди открытымъ лицомъ проповѣдующіе ложь, нагло ругающіе церковь, для распространенія раскола и ради своихъ личныхъ интересовъ готовые на все беззаконное и преступное, или же тупоумные Савватіи и безнравственные Силуаны... Какое и кому могутъ они внушить уваженіе и сочувствіе? И вотъ вамъ еще доказательство, что наши отношенія къ расколу нимало не измѣнились: развѣ 25 лѣтъ тому назадъ вашъ знаменитый Аркадій Славскій, въ своихъ извѣстныхъ письмахъ, не выступалъ противъ насъ съ такими же точно жалобами, вопіяніями и чуть не проклятіями за гоненіе на расколъ, съ какими явился теперь вашъ апологетъ изъ выкрещенныхъ жидовъ? Замѣтьте притомъ, что мы всегда отличали, и отличаемъ, расколъ въ существѣ его, равно какъ присяжныхъ его защитниковъ и распространителей, начиная съ Швецова и кончая Карловичемъ, также его представителей въ родѣ Савватія и Силуана,— отличали, и отличаемъ, отъ жалкихъ и невинныхъ жертвъ раскола, отъ религіознаго, но темнаго народа, довѣрчиво

слушающаго лукавыхъ раскольническихъ учителей, смущаемаго и развращаемаго ими: со всѣмъ негодованіемъ возставая противъ первыхъ, мы всегда съ любовію и состраданіемъ относились и доселѣ относимся къ послѣднимъ, — къ этимъ не сознающимъ всей гибельности своего положенія, бѣднымъ жертвамъ раскола.

Если мы сдѣлали эту, нѣсколько длинную, отповѣдь на филиппику Карловича, то вовсе не потому, чтобы придавали какое-нибудь значеніе жалкой и безтолковой болтовнѣ раскольническаго апологета изъ жидовъ, а потому, что считали не излишнимъ отвѣтить на довольно распространенные у раскольниковъ (и не однихъ раскольниковъ) толки о нашей дѣятельности относительно раскола.

Стоитъ ли затѣмъ говорить, противъ какихъ нападеній съ нашей стороны и какъ защищаетъ Карловичъ Савватія? Совсѣмъ не стоитъ. Скажемъ только, въ чемъ дѣло. Въ 1882 г., когда московскіе раскольники австрійскаго согласія избрали Савватія въ достойные преемники Антонію Шутову, ихъ глаголемому архіепископу, мы напечатали въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» краткую біографію новоизбраннаго, на основаніи свѣдѣній, собранныхъ о немъ отъ людей, хорошо его знавшихъ и вполнѣ добросовѣстныхъ. Въ біографіи говорилось между прочимъ о частыхъ побѣгахъ и арестахъ Савватія и упоминалось, что при одномъ допросѣ онъ отказался отъ своего епископскаго званія, за что̀ Антоній подвергъ его запрещенію (и это несомнѣнный фактъ). Тогда выступилъ противъ насъ защитникомъ Савватія нѣкто г. Ушковъ, въ забытой теперь «Московской Газетѣ» нѣкоего г. Погодина. На статью Ушкова мы отвѣчали опять въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Новая статья вызвала въ той же газетѣ новый, запальчивый отвѣтъ г. Ушкова, а мы въ свою очередь разобрали его подробно въ только-что возобновленномъ тогда «Братскомъ Словѣ», гдѣ читатели и могутъ, если есть желаніе, просмотрѣть всю эту исторію (Бр. Сл. 1883 г., стр. 95—106). И вотъ теперь г. Карловичъ снова повторяетъ давно опровергнутыя нами возра-

женія Ушкова, — повторяетъ большею частію буквально, разумѣется, совсѣмъ не упоминая о нашихъ возраженіяхъ. Взятое изъ статьи Ушкова онъ только дополнилъ пространными краснорѣчивыми разглагольствіями о «безпримѣрныхъ гуманныхъ тенденціяхъ и либеральныхъ принципахъ, расшатавшихъ спящій мозгъ человѣчества». Вотъ и все. Стоитъ ли говорить о такой «Апологіи»?! Развѣ привести изъ нея для любопытствующихъ читателей нѣкоторыя подробности о необыкновенныхъ бѣгунскихъ подробностяхъ «владыки» Савватія.

«Достигнувъ 20-лѣтняго возраста, — разсказываетъ Карловичъ о Савватіи,— ушелъ онъ отъ лукаваго міра сего въ скитъ, находящійся въ кунгурскихъ лѣсахъ Перм. губ. и поступилъ въ монашество», т.-е. попросту говоря, ушелъ къ раскольникамъ, скрывавшимся въ этихъ лѣсахъ отъ правительства. Изъ Кунгурскаго ушелъ потомъ въ Усинскій уѣздъ и поселился въ кельѣ, находившейся въ какомъ-то оврагѣ: здѣсь напали на него татары, но приглашенные имъ окрестные бѣглые раскольники «успѣли захватить татаръ и *помяли имъ ребра*», въ чемъ, конечно, принималъ участіе и «владыка» Савватій. Въ другой разъ, «услышавъ шумъ (приближающихся) татаръ, онъ *босикомъ выбѣжалъ въ лѣсъ* и пробираясь чрезъ овраги и пни, долгое время скитался по лѣсу». Потомъ «въ 1861 году Савватій, будучи уже епископомъ, въ селѣ Кривоколѣ (Перм. губ.) во время молитвы былъ настигнутъ (?) исправникомъ и казаками, но при усиленной защитѣ молящагося (?) народа (значитъ, была схватка съ казаками?) ему *удалось спастись бѣгствомъ*». Въ 1863 г. «по указанію Московскаго Духовнаго совѣта», Савватій переписался изъ шадринскихъ купцовъ въ павловскіе, Москов. губ., а въ 1864 въ тульскіе [1]), но епископствовалъ у тобольскихъ раскольниковъ.

---

[1]) Объ этихъ перепискахъ изъ одного купеческаго сословія въ другое, и притомъ по указанію Духовнаго Совѣта, см. нашу замѣтку въ *Брат. Сл.* 1883 г. (стр. 105).

Здѣсь, въ Тобол. губ., въ деревнѣ Подволомной волостное начальство съ понятыми «хотѣло арестовать его, но онъ имѣлъ возможность спастись *бѣгствомъ, и бѣжалъ 12 верстъ*, наконецъ достигъ до села Омутнаго». Потомъ, въ г. Тюмени, при отправленіи Савватіемъ богослуженія у одной купчихи, «городничій съ понятыми и казаками въ полночь» явился арестовать его; но Савватій «собравшись съ духомъ, выставилъ заднюю ставню и *босикомъ прыгнувъ съ высоты шести аршинъ* (!) *бѣжалъ верстъ пятнадцать* въ деревню Рѣшетниково къ своимъ единовѣрцамъ».

Поистинѣ, „владыка» Савватій обладаетъ такой рѣдкой способностью бѣгать, что ему можетъ позавидовать въ этомъ любой изъ членовъ его бывшей сибирской паствы. Ужъ не поэтому ли благодѣтельная московская полиція и не смѣетъ его безпокоить?— все равно, убѣжитъ; лучше, да и выгоднѣе, оставить въ покоѣ и совершенной безопасности! Приведенное сказаніе о побѣгахъ Савватія составляетъ, несомнѣнно, наиболѣе интересную страницу въ его «Апологіи», сочиненной и изданной Карловичемъ; а все остальное совершенный вздоръ, неудачное упражненіе въ либеральномъ фразерствѣ полуграмотнаго выкреста изъ жидовъ, подъ защиту котораго не посовѣстился прибѣгнуть именуемый архіепископъ старообрядцевъ.

И такое-то произведеніе своей заграничной «прессы» распространяютъ г-да Швецовы и Бриліантовы, во славу и на утвержденіе раскола! Какъ же вы требуете, чтобы мы имѣли къ вамъ хоть сколько-нибудь уваженія и хоть сколько-нибудь снисходительности къ прославляемому и защищаемому вами расколу?

Изданная Карловичемъ «Апологія» Савватія, конечно, вздоръ, и распространяя ее, г-нъ Бриліантовъ занимается пустяками, можетъ-быть, только выгодными для него и для Карловича. Но если что̀ совсѣмъ уже не вздоръ, такъ это замыслы Еѳима Мельникова съ его компаніей о закрѣпленіи и утвержденіи австрійскаго раскола въ Россіи чрезъ признаніе правительствомъ законности его фальшивой

іерархіи, — замыслы, къ которымъ онъ чрезъ посредство своихъ московскихъ пріятелей, старается привлечь и московскихъ, наиболѣе вліятельныхъ по богатству и положенію въ обществѣ, старообрядцевъ. Но объ этомъ въ слѣдующій разъ.

---

6. Записки раскольниковъ австрійскаго согласія. — Вопіющая клевета раскольническаго „Слова Правды".

Мы обѣщали прошлый разъ познакомить нашихъ читателей съ крайне смѣлыми замыслами раскольниковъ австрійскаго согласія. Самъ изобрѣтатель и проповѣдникъ этихъ замысловъ, недавній острожникъ Ефимъ Мельниковъ, довольно откровенно излагаетъ ихъ въ письмѣ къ извѣстному московскому торговцу старинными и раскольническими книгами С. Большакову, писанномъ, какъ видно, еще до ареста за фальшивый вексель. Печатаемъ письмо съ полученной нами (издалека) точной копіи.

Глубокочтимый Сергѣй Тихоновичъ.

Книги Ваши возвращаю Вамъ чрезъ Михаила Ивановича Бриліантова, я съ ними обращался къ Г. А. Гусеву, но у него есть таковыя [1]).

Относительно сообщаемаго Вами разговора съ К. Т. [2]) о мысли предложеніи для блага церкви Христовой, приношу Вамъ мою душевную благодарность.

Но жаль, что наша духовная дипломатія не въ состояніи учинить дѣло по достоинству, а по этому не могутъ подвигнуть капиталистовъ нашихъ съ щедротами къ принад-

---

[1]) Это значитъ, что г. Большаковъ посылалъ Мельникову для продажи извѣстному въ Стародубьѣ богачу Гусеву какія-то книги, а г. Бриліантовъ и здѣсь явился посредникомъ. Дѣло, видите, организовано какъ слѣдуетъ.

[2]) К. Т. С-въ, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ въ Москвѣ старообрядцевъ.

лежащему дѣлу для всеобщаго желанія *получить равноправіе, гарантирующее будущность нашего Христанства*. Вѣдь прошло же 170 лѣтъ въ инквизиціяхъ нашихъ предковъ, пока нашелся совѣтникъ Г. Бенкендорфъ, посовѣтывавшій съ нашими нуждами обратиться къ греческой церкви, что посовѣту его и было сдѣлано [1]). Митрополитъ Амвросій взятъ былъ отъ греческой церкви и *утвержденъ* въ качествѣ митрополита въ австрійской церкви [2]), и тѣмъ прекращенъ былъ разъ на всегда нашъ бывшій духовный недостатокъ въ пастыряхъ, пріемлемыхъ отъ господствующей церкви, а потомъ помалу и жестокое гоненіе само собою ослабѣло. Но за 170 лѣтъ много потеряно нашими предками, ибо не могли выдержать натиска отъ страны господствующаго духовенства, многіе вопреки религіознаго убѣжденія переходили на его сторону и дѣлались ужасными притѣснителями своей братіи, держащейся древняго преданія, а *потомъ* и самая братія, держащаяся завѣтнаго преданія св. отецъ, *отъ сильнаго давленія господствующей власти* разъединялись на безпоповцевъ и поповцевъ и на разные раздѣлы [3]). А найдись совѣтникъ, подобный Бенкендорфу 150

---

[1]) Что Мельниковъ толкуетъ о какихъ-то 170-лѣтнихъ „инквизиціяхъ предковъ", это не новость, — у нынѣшнихъ раскольническихъ апологетовъ только и рѣчи, что объ этихъ небылицахъ; но то, что говоритъ онъ о Бенкендорфѣ, есть ложъ совершенно новая. Бенкендорфъ далъ Громову мысль объ учрежденіи за границей какимъ либо способомъ своей собственной, раскольнической іерархіи; но онъ вовсе не совѣтовалъ и не могъ совѣтовать Громову обратиться за архіереемъ къ греческой церкви.

[2]) Кѣмъ же *утвержденъ?* Австрійскимъ императоромъ — папистомъ? или бѣглымъ попомъ Іеронимомъ? иноками Павломъ и Алимпіемъ? липованами? Казалось бы, Мельниковъ долженъ знать, кому принадлежитъ право *утверждать* назначеннаго на какую-либо каѳедру епископа въ архіерейскомъ его званіи, съ дарованіемъ власти на управленіе епархіею. Зачѣмъ же онъ такъ легкомысленно, или завѣдомо ложно утверждаетъ, что будто Амвросій кѣмъ-то *„утвержденъ* въ качествѣ митрополита", когда онъ ни отъ кого не получалъ и не могъ получить такого утвержденія?

[3]) Здѣсь Мельниковъ, сознательно или несознательно (кто его знаетъ!) допустилъ двѣ вопіющія историческія неправды: 1) говоритъ, что раздѣленіе раскольниковъ „на безпоповцевъ и поповцевъ на разные раздѣлы" послѣдовало *потомъ*, по истеченіи 170 лѣтъ отъ появленія раскола, тогда какъ оно видится даже и въ концѣ XVII столѣтія; 2) онъ

лѣтъ назадъ, и сдѣлай тогда то, что сдѣлано въ 1846 году [1]), то не могла бы наша церковь, неотступающая отъ древняго благочестія, на столько обезсилить и подвергнуться инквизиціямъ на столь продолжительное время отъ новообрядствующей, Никоновской, которая скорѣй сама бы образумилась. Примѣръ этотъ историческій (?) даетъ намъ ясно, какъ день, видѣть, что слѣдуетъ обращаться и опять къ той же греческой церкви, отъ которой принятъ былъ митрополитъ Амвросій, о которомъ какъ законномъ происхожденіи, освященіи и незапрещеніи мы имѣемъ отъ Константинопольскаго патріархата три протокола, *на основаніи коихъ можемъ просить Константинопольскій патріархатъ о признаніи нашего священства законнымъ, какъ законно-происходящее отъ ихъ греческаго законнаго митрополита Амвросія.* А по признаніи и утвержденіи греческой церкви нашего священства, происходящаго отъ митрополита Амвросія, законнымъ, мы тогда *можемъ просить оффиціально наше русское правительство признать его законнымъ, какъ оно признанс греческою церковью, матерью русской, а потомъ и гарантировать его правами какъ законное.*

говоритъ, что это раздѣленіе раскольниковъ „на безпоповцевъ и поповцевъ“ произошло „отъ сильнаго давленія господствующей власти“, тогда какъ „господствующая власть“ не имѣла здѣсь никакого участія, и раздѣленіе вызвано внутренними свойствами, равно какъ самымъ положеніемъ раскола, не имѣвшаго на своей сторонѣ ни одного епископа, который могъ бы продолжать собственную раскольническую іерархію. Вотъ недавній раздѣлъ на окружниковъ и неокружниковъ послѣдовалъ тогда, когда по сознанію самого Мельникова, расколъ „получилъ ослабу“: „давленія господствующей власти“ не было, а раздѣлъ іослѣдовалъ! Такъ-то г-да Мельниковы, и вообще раскольники, любятъ все слагать „на господствующую власть“, — съ своей больной головы на здоровую.

[1]) 150 лѣтъ ранѣе 1846 г. — это время, когда только-что осужденъ былъ расколъ Большимъ Московскимъ соборомъ, на которомъ присутствовали два греческіе патріарха и множество греческихъ архіереевъ. Такъ ужели тогда, среди греческихъ архіереевъ, имѣвшихъ такія свѣжія свѣдѣнія о расколѣ и церковномъ его осужденіи, нашелся бы другой Амвросій, если бы только при дворѣ царя Алексѣя Михаиловича, или Ѳедора Алексѣевича, нашелся другой Бенкендорфъ? При дворѣ этихъ царей были радѣтели раскола почище Бенкендорфа,— боярыня Морозова, Долгоруковъ, Хованскій и прочіе друзья Аввакума, открыто стоявшіе за расколъ; но ни Аввакуму, ни его санов-

Единовѣріе есть вовсе незаконное существованіе, безпримѣрное въ исторіи, антиканоничное [1]), но схлопотали и завоевали они себѣ права предъ правительствомъ, да и живутъ себѣ на широкую ногу [2]), и духовенство господствующее хотя и видитъ, что единовѣріе есть струпъ неизлѣчимый ихъ церкви, но смотритъ какъ на болячку ея тѣла, перенося терпѣливо ея боль [3]). А мы, имѣя свою законную іерархію и распространенную не только въ Россіи, но и въ иныхъ державахъ, да и неумѣемъ, или не хотимъ позаботиться о себѣ [4]), живемъ и дожидаемъ пока

нымъ друзьямъ, при ихъ искренней преданности расколу, не могло придти и на мысль то, что̀ задумали и исполнили потомъ ихъ лукавнующіе потомки, іезуитствующіе Павелъ и Алимпій,—т.-е. заимствоваться священствомъ отъ грековъ, которыхъ они признавали еретиками, заразившими ересью и русскую церковь. Мельниковъ, очевидно, предполагаетъ невозможное ни для грековъ, ни для самихъ старообрядцевъ конца XVII вѣка.

[1]) Святѣйшій Синодъ церкви Россійской разрѣшилъ и благословилъ существованіе въ ней единовѣрія, что̀ имѣлъ несомнѣнное право сдѣлать, въ предѣлахъ управляемой имъ церкви,— и дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ утверждаясь на ученіи и примѣрѣ свв. апостоловъ; а раскольническій попъ называетъ «существованіе единовѣрія *незаконнымъ, безпримѣрнымъ* и *антиканоничнымъ*»! Но по какому же праву и на какомъ основаніи?

[2]) Какая безсовѣстная ложь! Никакихъ завоеваній у правительства не бывало. Было, правда, время, когда раскольничествующіе единовѣрцы, подъ руководствомъ столь любезнаго раскольникамъ Верховскаго, добивались такихъ же правъ, какихъ добиваются теперь раскольники; но затѣя ихъ кончилась ничѣмъ, и принадлежала она не истиннымъ, а раскольничествующимъ единовѣрцамъ. А гдѣ видѣлъ Мельниковъ единовѣрцевъ, „живущихъ на широкую ногу?“ У̀жъ не въ своихъ ли Стародубскихъ слободахъ, гдѣ отъ однихъ раскольниковъ нѣтъ имъ покоя?..

[3]) И это клевета. Не единовѣріе, а расколъ есть „неизлѣчимый струпъ на тѣлѣ церкви“; если въ православномъ духовенствѣ есть лица, по невѣдѣнію истинныхъ началъ единовѣрія, относящіяся къ нему съ недовѣріемъ, особливо когда встрѣчаютъ раскольничествующихъ единовѣрцевъ, то напротивъ всѣ, имѣющіе правильный взглядъ на единовѣріе, относятся къ нему съ полнымъ доброжелательствомъ.

[4]) Сравнивать беззаконную австрійскую іерархію раскольниковъ съ законно поставляемымъ единовѣрческимъ духовенствомъ, даже превозносить ее предъ этимъ послѣднимъ, — это уже наглость незнающая предѣловъ.

надъ нами разразится или гнѣвъ начальства, или милость блеснетъ, какъ сонце изъ за тучи на нѣсколько минутъ, чему мы не нарадуемся. *А не лучше ли бы позаботиться, и быть покойнымъ разъ навсегда.* Уже четвертое царствованіе наступило при существованіи нашей митрополіи: при Николаѣ I учреждена; при Александрѣ II получила ослабу отъ гоненія; при Александрѣ III гарантировано, хотя и въ тѣсныхъ рамкахъ, правами отъ 3 мая 1893 года, а при Николаѣ II, какъ слышно, добромъ государѣ, *достойно и праведно получить права, хотя на равнѣ съ единовѣрцами*; но для сего требуется соединиться къ этой мысли и единодушно просить державу власти, *заранѣе обсудивъ зрѣло, какъ это сдѣлать*; ибо дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ [1]).

Присемъ имѣю честь быть высокопочитающимъ Васъ

Іерей Ефимій Мельниковъ.

Не станемъ говорить о грубыхъ историческихъ и иныхъ несообразностяхъ, объ очевидныхъ лжахъ въ письмѣ Еѳима Мельникова, которыя мы кратко отмѣтили уже въ подстрочныхъ замѣчаніяхъ. Обратимъ вниманіе только на главное, — на самые планы, которыми занятъ Мельниковъ вмѣстѣ съ своими сообщниками и о которыхъ довольно откровенно говорится въ его письмѣ. Предполагается просить константинопольскій патріархатъ, чтобы призналъ раскольническое австрійское священство законнымъ, „какъ законно (будто бы) происходящее отъ ихъ греческаго законнаго митрополита Амвросія“, а потомъ, когда это будетъ достигнуто, „оффиціально просить и русское правительство — признать его законнымъ, какъ оно признано греческою церковію, *матерію русской,* и гарантировать его правами, какъ законное“; права же предполагаются „хотя, (т.-е. по меньшей мѣрѣ) равныя единовѣрцамъ“. Таковы,

[1]) Кажется, дитя это, особенно дитя австрійскаго порожденія, такъ ужъ много, громко и притворно плачетъ, что надобно удивляться, какъ не надоѣстъ ему плакать и какъ та мать, о которой идетъ рѣчь, доселѣ не потеряла терпѣнія, слушая его плачъ, и не обратилась къ извѣстнымъ средствамъ, какими прекращаютъ плачъ капризныхъ дѣтей...

откровенно выраженные въ письмѣ, скрытные планы хитроумнаго раскольническаго лжепопа, о которыхъ, надобно сказать, мы уже догадывались и въ то время, когда онъ съ однимъ изъ сыновей и съ цѣлой раскольнической депутаціей ѣздилъ на востокъ для розысканій объ Амвросіѣ и завязалъ сношенія съ константинопольской патріархіей. Планы хитро задуманы; но осуществить ихъ, конечно, не придется, ибо затѣвается невѣроятное и невозможное дѣло.

Предполагается, что русское правительство непремѣнно признаетъ австрійскую лжеіерархію законною, если таковою признаетъ ее константинопольскій патріархатъ, о чемъ, прежде всего, и станутъ хлопотать. Но, во-первыхъ, ужели непремѣнно обязана будетъ русская церковь признать фальшивую раскольническую іерархію истинною и законною, если таковою (предположимъ невѣроятное) призналъ бы ее цареградскій патріархатъ? Греческая церковь, конечно, *матеръ* церкви русской, и дщерь обязана имѣть уваженіе къ своей матери; но дщерь эта уже давно достигла полнаго совершеннолѣтія, давно живетъ самостоятельною жизнію, и, при всемъ ея уваженіи къ матери, не рѣшится подчиниться ей, или послѣдовать за нею въ такомъ дѣлѣ, которое сама найдетъ противнымъ церковнымъ канонамъ и святоотеческому ученію. А во-вторыхъ, невозможно и допустить, чтобы сама эта матерь, церковь греческая, строгая блюстительница православныхъ догматовъ и соборныхъ каноновъ, рѣшилась на такое противное святоотеческимъ писаніямъ, антиканоническое дѣло, какъ признаніе законною несомнѣнно беззаконной раскольнической іерархіи. На чемъ основываетъ Мельниковъ свои разсчеты — достигнуть успѣха въ этомъ дѣлѣ у грековъ? Вотъ, по его собственному указанію, эти основанія: Амвросій грекъ, законно поставленный греческій митрополитъ, несостоявшій подъ запрещеніемъ, какъ свидѣтельствуютъ якобы находящіеся у Мельникова три протокола константинопольской патріархіи; раскольники взяли его отъ греческой церкви, и отъ него «законно» произошла ихъ іерархія: значитъ-де,

греки обязаны «признать законнымъ священство, *законно* происходящее отъ ихъ греческаго законнаго митрополита Амвросія». Несомнѣнно, Амвросій былъ грекъ, былъ и законнымъ греческимъ митрополитомъ; признáемъ и то, что по лишеніи каѳедры онъ запрещенію подвергнутъ не былъ; согласимся на время и съ тѣмъ, что раскольниками онъ принятъ былъ отъ греческой церкви. Но *какъ* принятъ? — *кѣмъ* и *куда* принятъ? — объ этомъ-то, самомъ главномъ пунктѣ, Мельниковъ и умалчиваетъ; а если бы не умолчалъ, то самъ долженъ бы признаться, что Амвросій «принятъ» *незаконно,* а потому и основанную имъ іерархію невозможно признать «законно» происшедшею отъ отъ греческой церкви, а слѣдовательно нельзя признать и правильною, законною. Раскольники, по настоящему, не могутъ даже и говорить, что приняли Амвросія отъ греческой церкви. Принимаютъ то, что̀ дается; а греческая церковь вовсе не давала имъ Амвросія, — они украли его у греческой церкви, тайкомъ, переряженнаго въ казацкій балахонъ, увезли его изъ Константинополя, отъ греческаго патріарха, въ вѣдѣніи котораго онъ находился. Раскольники могутъ только говорить, какъ слѣдовало сказать и Мельникову, что они приняли къ себѣ, въ расколъ, тайкомъ убѣжавшаго изъ греческой церкви митрополита Амвросія, и отнюдь не имѣютъ права говорить, что приняли его отъ греческой церкви, какъ будто она сама дала имъ Амвросія. И къ себѣ-то *какъ* они приняли краденаго митрополита? Приняли какъ еретика, по второму чину, подъ муропомазаніе, предварительно заставивъ его проклясть ту самую греческую церковь, отъ которой, говорятъ теперь, приняли его. *Кто* принялъ? Бѣглый попъ, и до бѣгства не имѣвшій права на такія дѣйствія, какъ принятіе и утвержденіе епископа въ сущемъ его санѣ, а теперь уполномоченный на такое беззаконное дѣло простыми монахами и мірянами. *Куда* приняли? — Въ расколъ, въ общество, канонически осужденное и подвергнутое анаѳемѣ соборомъ, на которомъ предсѣдательствовали греческіе же патріархи и

присутствовало множество греческихъ архіереевъ. О всемъ этомъ Мельниковъ не упоминаетъ и не хочетъ знать; но все это должны будутъ припомнить, разузнать и принять во вниманіе греки, получивъ просьбу о признаніи Амвросія законнымъ митрополитомъ раскольниковъ и начатой имъ раскольнической іерархіи законною, — а разузнавъ и обсудивъ все это, должны будутъ несомнѣнно отвергнуть просьбу раскольниковъ и объявить ихъ священство совершенно незаконнымъ. Притомъ же о какомъ признаніи идетъ рѣчь? Руководимые Мельниковымъ, раскольники о томъ ли будутъ просить греческую церковь, а потомъ и россійскую, чтобы ихъ мнимые епископы и священники амвросіевскаго происхожденія, были признаваемы въ дѣйствительныхъ санахъ при оставленіи ими раскола, при переходѣ въ православіе? или о томъ, чтобы признаны были таковыми, оставаясь попрежнему въ расколѣ, въ прежнемъ полномъ отдѣленіи отъ церкви, при прежнихъ раскольническихъ понятіяхъ объ ней, какъ о церкви еретической, отъ которой сами будутъ, какъ и прежде, принимать совращенныхъ по-второму чину еретиковъ, какимъ приняли и Амвросія? Въ послѣднемъ случаѣ (а объ немъ, безъ сомнѣнія, и идетъ рѣчь у Мельникова), просьба, какъ само собою понятно, будетъ отвергнута съ негодованіемъ греческою церковію, а тѣмъ паче россійскою. Та же участь должна постигнуть ее и въ первомъ случаѣ по изъясненнымъ выше причинамъ, т.-е. никакъ не можетъ православная церковь признать законнымъ священство, происшедшее отъ митрополита, хотя и получившаго поставленіе въ ней самой, т.-е. въ православной церкви, но измѣнившаго ей, воровски бѣжавшаго изъ нея, публично осудившаго ее въ мнимомъ еретичествѣ, вступившаго въ канонически отлученное общество раскольниковъ и здѣсь принятаго по второму чину еретиковъ незаконнымъ, бѣглымъ раскольническимъ попомъ. Вотъ еслибы Амвросій, будучи православнымъ митрополитомъ, по какимъ-либо побужденіямъ (допустимъ, что по такимъ же, какъ и раскольники) самъ вмѣстѣ съ своею

православною паствою отдѣлился отъ православной церкви, образовалъ свое особое церковное общество, для котораго сталъ бы поставлять епископовъ и священниковъ, и за это вмѣстѣ со всѣмъ его обществомъ подвергся отлученію отъ церкви, и если бы это, образованное имъ, общество вмѣстѣ съ поставленнымъ отъ него духовенствомъ, или отдѣльныя лица изъ этого духовенства, сознали потомъ неправильность своего отдѣленія отъ церкви, и явились къ ней съ раскаяніемъ и просьбою о возсоединеніи, тогда умѣстенъ былъ бы вопросъ о томъ, принимать ли происшедшее отъ него духовенство въ его дѣйствительныхъ санахъ, и вопросъ могъ бы быть рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, ибо здѣсь сохранилась бы апостольская преемственность хиротоніи, подобно тому, какъ наприм., въ церкви католической. Но когда Амвросій, отдѣлившись, или бѣжавши отъ церкви, самъ принятъ былъ, какъ еретикъ втораго чина, въ новое для него общество, притомъ канонически отлученное уже отъ церкви, и со времени этого отлученія почти два столѣтія не имѣвшее епископа, т.-е. лишенное непрерывной преемственности хиротоніи, онъ уже не могъ возстановить въ немъ, или связать собою эту на двѣсти лѣтъ прерванную преемственность, и потому произведенныя имъ рукоположенія не только съ православной, но и съ старообрядческой точки зрѣнія являются неправильными и недѣйствительными, основанная имъ іерархія не можетъ быть признана законною. Здѣсь необходимо требуется имѣть въ виду, сохранилось ли преемственное отъ апостоловъ существованіе хиротоніи именно въ томъ церковномъ обществѣ, въ которое вступилъ, къ которому прицѣпился Амвросій, а не въ томъ, гдѣ онъ прежде получилъ поставленіе и съ которымъ разорвалъ всякое общеніе. Будь у раскольниковъ хоть одинъ епископъ, имѣющій преемственное рукоположеніе напр. отъ Павла, епископа Коломенскаго (если бы Павелъ, приставши къ раскольникамъ, успѣлъ поставить для нихъ епископа, еще до изверженія изъ сана, и такимъ образомъ основать старо-

обрядческую іерархію) и будь Амвросій принятъ въ расколъ именно такимъ епископомъ, тогда поставленныя имъ лица, какъ и поставленныя принявшимъ его епископомъ, имѣли бы преемственность хнротоніи, и вопросъ о признаніи за ними дѣйствительныхъ сановъ, *при переходѣ ихъ въ церковь*, имѣлъ бы основаніе; а теперь нѣтъ основанія и ставить такой вопросъ.

Итакъ ни въ какомъ случаѣ православная церковь не можетъ признать законнымъ раскольническое духовенство амвросіевскаго поставленія, и Мельниковъ съ своею компаніей напрасно разсчитываетъ получить ему такое признаніе отъ константинопольской патріархіи, гдѣ хорошо съумѣютъ оцѣнить его доводы въ защиту Амвросія и опредѣлить истинное достоинство основанной этимъ послѣднимъ раскольнической іерархіи. Но Мельниковъ, кажется, и разсчитываетъ не столько на свои доводы въ пользу Амвросія, которые, по всей вѣроятности, и самъ находитъ очень слабыми, а греками и тѣмъ паче будутъ признаны таковыми, сколько на иные, обычные у раскольниковъ, способы достигать успѣха даже въ беззаконныхъ дѣлахъ. Чтобы склонить грековъ на свою сторону, раскольническіе дѣльцы намѣрены прибѣгнуть къ тому же, что̀ дѣлалъ отчасти и Павелъ Бѣлокриницкій, учреждая іерархію, — будутъ стараться (и уже стараются) внушить грекамъ или подогрѣть въ нихъ нерасположеніе къ русской церкви, и именно указаніемъ на ея отношенія къ распрѣ болгарской церкви съ константинопольскою. Не даромъ они довольно настойчиво толкуютъ теперь, что будто бы и русская церковь, вмѣстѣ съ болгарскою, должна быть объявлена схизматическою, состоящею подъ отлученіемъ константинопольскаго патріарха; не даромъ въ ихъ заграничной газетѣ явились извѣстные вопросы о болгарской схизмѣ, въ составленіи которыхъ, какъ насъ увѣряютъ и какъ можно вѣрить, принимали участіе не одни раскольники, а помогалъ и Востокъ. Другое, еще болѣе обычное у раскольниковъ средство, которымъ Мельниковъ разсчитываетъ

достигнуть успѣха своимъ замысламъ у грековъ, это деньги и подкупъ, на что̀ есть ясные намеки въ его письмѣ. Нужно имѣть слишкомъ низкое понятіе о грекахъ, чтобы они въ церковномъ дѣлѣ, и такой при томъ важности, какъ признаніе многочисленнаго раскольническаго духовенства въ Россіи, явно беззаконнаго, законнымъ, дозволили увлечь себя столь грубыми и безчестными средствами. Что касается послѣдняго изъ этихъ средствъ, то и сами болѣе разсудительные изъ раскольниковъ, очевидно, находятъ его не удобнымъ и излишнимъ въ виду явной невозможности достигнуть успѣха въ данномъ случаѣ: Мельниковъ въ письмѣ своемъ прямо жалуется, что раскольническая «духовная дипломатія не въ состояніи оцѣнить дѣло по достоинству; а потому не могутъ *подвигнуть капиталистовъ съ щедротами* къ принадлежащему дѣлу». Ясно, что «капиталисты» раскольническіе, и прежде всѣхъ упоминаемый въ письмѣ К. Т. С., считаютъ дѣло именно несбыточнымъ и не намѣрены тратить на него своихъ «щедротъ», къ крайнему огорченію Мельникова, который разсчитывалъ, конечно, что эти «щедроты» грекамъ пойдутъ черезъ его руки. Изъ письма его можно также примѣтить, что въ виду такого нерасположенія капиталистовъ тратиться на осуществленіе его плановъ, онъ и самъ уже сомнѣвается въ ихъ успѣхѣ.

Итакъ планы Мельникова совершенно не сбыточны; но тѣмъ не менѣе они заслуживаютъ полнаго вниманія, и пренебрежительно относиться къ нимъ никакъ не слѣдуетъ, особенно въ виду тѣхъ ожиданій и надеждъ, какія возлагаются раскольниками на предстоящее торжество коронованія Ихъ Величествъ. Не даромъ же Мельниковъ пишетъ въ заключеніе, что теперь, отъ новаго Государя «*достойно и праведно* получить имъ права хотя наравнѣ съ единовѣрцами». Вотъ какъ немногаго желаютъ теперь раскольники австрійскаго согласія! — имъ хочется только, чтобы ихъ духовенство было сравнено въ правахъ съ самимъ православнымъ духовенствомъ, такъ какъ единовѣрческое

духовенство имѣетъ тѣ же самыя права, какъ и православное! Вообще, письмо Мельникова весьма интересно и важно въ томъ отношеніи, что показываетъ намъ, какіе смѣлые и широкіе замыслы строятся въ настоящее время раскольниками австрійскаго согласія для упроченія и усиленія ихъ фальшиваго священства, и безъ того уже пользующагося полной свободой и безопасностью, во вредъ и униженіе православной церкви. Изъ него можно также видѣть, какое близкое участіе въ этихъ замыслахъ принадлежитъ самому Еѳиму Мельникову, дѣйствующему въ союзѣ съ своими сыновьями и пріятелями. Да, этотъ старый раскольническій попъ умѣетъ не только составлять фальшивые векселя въ своихъ личныхъ интересахъ, но и затѣвать дѣла гораздо болѣе серіозныя въ интересахъ всего австрійскаго раскола, не забывая конечно и при этомъ своихъ собственныхъ...

Старый Мельниковъ, послѣ всѣхъ совершонныхъ имъ преступленій, спокойно пребывая въ предѣлахъ любезнаго отечества, строитъ планы о пріобрѣтеніи отъ русскаго правительства правъ австрійскому лжесвященству, равныхъ съ правами православнаго священства, если еще не бо́льшихъ; а юный сынъ его Ѳедоръ, не менѣе спокойно пребывающій за границей, куда бѣжалъ, спасаясь отъ суда за свои преступныя дѣйствія, учиняетъ, съ помощію своей газеты, иного рода подвиги, вполнѣ его достойные, и также, должно быть, для вящшаго усиленія и прославленія раскола.

Надобно сказать, что пересылая въ Россію свою заграничную газету во множествѣ экземпляровъ знакомымъ и незнакомымъ, г. редакторъ однакоже не высылаетъ ея даже платнымъ подписчикамъ, если это люди ему не угодные. Такъ, мы своевременно послали деньги въ редакцію сего мнимаго „Слова Правды“, чтобы газета была высылаема на имя одного изъ нашихъ сотрудниковъ, — и доселѣ не получили ни одного нумера, хотя ихъ вышло уже три.

Приходится поневолѣ отыскивать газету у раскольниковъ, что̀ не всегда удобно. Втораго нумера не удалось видѣть; но третій успѣли пріобрѣсть, и объ немъ-то хочемъ сказать нѣсколько словъ, такъ какъ въ немъ Ѳедоръ Мельниковъ вполнѣ ясно показалъ, до какихъ чудовищныхъ размѣровъ доходитъ его безсовѣстность и наглость.

Главное, о чемъ идетъ рѣчь въ этомъ нумерѣ, есть цѣликомъ напечатанный „совершенно секретный“ циркуляръ Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 7 октября прошлаго года о бѣглыхъ попахъ. Мы, конечно, нимало не удивляемся тому, что „совершенно секретный“ правительственный документъ находится у раскольниковъ и печатается ими за границей. Давно извѣстно, что такого рода документы бываютъ въ рукахъ раскольниковъ даже прежде, чѣмъ дойдутъ въ руки тѣхъ, для кого писаны, — на это горько жаловался въ свое время еще митрополитъ Филаретъ. Любопытно собственно то, какія рѣчи о секретномъ циркулярѣ Министра ведетъ бѣглый раскольникъ въ своей заграничной газетѣ. Во-первыхъ, онъ съ неимовѣрной дерзостью обвиняетъ г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ изданіи отъ имени Государя Императора такихъ распоряженій, какихъ Государь Императоръ не дѣлалъ и даже не могъ дѣлать. Въ указѣ Министра говорится: „Государь Императоръ Высочайше *повелѣть соизволилъ*“... „сообщая о таковой *Высочайшей волѣ*“, а Мельниковъ кричитъ изъ-за границы, конечно повинуясь приказу здѣшнихъ россійскихъ, особенно московскихъ, заправителей раскола: „мы не смѣемъ думать, чтобы циркуляръ о бѣглыхъ попахъ былъ бы выраженіемъ *дѣйствительной воли* русскаго Государя... Весь этотъ циркуляръ *не есть воля* русскаго Императора“... Такой дерзости относительно г-на Министра Внутреннихъ Дѣлъ, которому подвѣдомы дѣла о расколѣ, раскольники, полагаемъ, не дозволили бы себѣ, если бы этотъ высокій сановникъ не получилъ другого назначенія. И вотъ раскольническая благодарность ему, можетъ быть, за многія оказанныя имъ снисхожденія и прямо благодѣя-

нія расколу! Но московскіе и всероссійскіе заправители раскола не опрометчиво ли дѣйствуютъ, дозволяя своему заграничному газетчику печатать такія дерзости о бывшихъ министрахъ? — Вѣдь онѣ весьма поучительны и для дѣйствительныхъ, благоволеніемъ которыхъ расколъ никогда не пренебрегалъ и которые примѣромъ предшественниковъ могутъ научиться, заслуживаютъ ли раскольники ихъ благоволенія.

Затѣмъ, все по поводу того же „циркуляра“, заграничный раскольническій газетчикъ съ остервененіемъ (иначе нельзя выразиться) нападаетъ на другаго высокаго сановника, а вмѣстѣ и на нашу смиренную особу, никакимъ государственнымъ дѣламъ непричастную. Опровергать брань, ложь и клевету, здѣсь расточаемыя, и противно и безполезно. Приведемъ одинъ образчикъ ихъ. Вотъ что между прочимъ говоритъ объ этомъ сановникѣ и обо мнѣ раскольническое „Слово Правды“: они „своими затѣями (т.-е. тѣмъ, что изложено въ циркулярѣ) *стремятся произвести* въ Русскомъ государствѣ, въ мірѣ старообрядчества (какъ будто „міръ старообрядчества“ и „Русское государство“ одно и то же!) *народный бунтъ*, къ чему уже подготовляется и почва въ Субботинскомъ журналѣ „Братское Слово“, — разумѣемъ науськиванье(?) бѣглопоповцевъ на право владѣнія ими Рогожскимъ Кладбищемъ и богадѣленнымъ домомъ. Чѣмъ же, въ такомъ случаѣ, эти лица... лучше *своихъ братій — русскихъ нигилистовъ и анархистовъ?*“ Итакъ, семидесятилѣтняго старика, болѣе чѣмъ полжизни отдавшаго на служеніе православной церкви посильнымъ обличеніемъ неправды раскола, и даже государственнаго мужа, оказавшаго великія заслуги отечеству, вѣрнаго слугу трехъ Монарховъ Россіи, раскольники, въ своемъ печатномъ органѣ, зачисляютъ въ „братство русскихъ нигилистовъ и анархистовъ“, обвиняютъ въ „возбужденіи народнаго бунта“! Любопытно, однако, это раскольническое понятіе о нигилизмѣ и анархизмѣ. Раскольники видятъ ихъ въ вѣрномъ служеніи православной церкви, царю и оте-

честву: значитъ, въ томъ, что̀ составляетъ дѣйствительную сущность нигилизма и анархизма, не видятъ ничего предосудительнаго... А это пугало „народнаго бунта“ (особенно на огромныхъ раскольническихъ фабрикахъ)! Недавно раскольникъ-фабрикантъ предъ тѣми же сановниками, которые позорятся теперь въ раскольнической газетѣ, обвинялъ въ возбужденіи бунта между его фабричными священника, который въ своей проповѣди позволилъ себѣ коснуться раскола; а теперь раскольническій газетчикъ, вдохновляемый московскими раскольниками австрійской секты, обвиняетъ насъ въ „стремленіи произвести народный бунтъ“ даже во всемъ „мірѣ старообрядчества“ или, что по понятію раскольниковъ одно и то же, во всемъ „Русскомъ государствѣ“! И за что же? — за то, что мы будто бы, „науськиваемъ бѣглопоповцевъ на право владѣнія ими Рогожскимъ Кладбищемъ“. Мы дѣйствительно говорили и повторимъ опять, что бѣглопоповцы, которыми основано Кладбище, имѣютъ больше правъ на него, нежели австріяки; а еще чаще говорили, и снова повторимъ, что̀ совершенно незаконно, вопреки прямому Высочайшему повелѣнію, введены на Рогожское Кладбище австрійскіе лжепопы, доселѣ тамъ пребывающіе, и что блюстители закона должны были давно выгнать ихъ оттуда. Но гдѣ же тутъ возбужденіе къ бунту всего „міра старообрядцевъ“ и даже „всего Русскаго государства“? Повѣримъ газетѣ (ибо ей лучше это знать), что въ такомъ случаѣ произведутъ бунтъ раскольники австрійскаго согласія и именно мнимые окружники (такъ какъ ихъ собственно попы проникли на Кладбище); но развѣ окружники составляютъ весь „міръ старообрядчества“? Газета, ратующая за окружническое лжесвященство, почему-то и вообще не хочетъ знать, что кромѣ окружниковъ есть еще противуокружники, бѣглопоповцы и безпоповцы, которые составляютъ притомъ наибольшую половину „міра старообрядцевъ“, и нисколько не обезпокоются изгнаніемъ окружническихъ лжепоповъ изъ Рогожскаго Кладбища, или передачей его

прежнимъ, законнымъ владѣльцамъ. Гдѣ же тутъ „стремленіе произвести народный бунтъ въ мірѣ старообрядцевъ“? А о „народномъ бунтѣ“ по сему случаю въ „Русскомъ государствѣ“ смѣшно и говорить...

Объявивъ насъ „собратомъ нигилистовъ и анархистовъ“, „производителемъ народныхъ бунтовъ“, раскольническій газетчикъ, какъ бы въ подтвержденіе этой лжи, возводитъ на насъ еще другую гнусную клевету. Въ томъ же 3-мъ нумерѣ своего „Слова Правды“ онъ говоритъ:

„Намъ передали(?) что анархистъ Рысаковъ, убійца русскаго Императора Александра II, — *близкій родственникъ* редактору *Братскаго Слова*. Не по идеямъ ли анархиста Рысакова Н. И. Субботинъ ненавидитъ коренной русскій народъ(?), вѣрный русскому престолу и своему отечеству? Вѣдь не даромъ же г. Субботинъ въ своемъ журналѣ ожесточенно нападаетъ на старообрядцевъ, къ которымъ принадлежатъ казаки, прославившіе и возвеличившіе Россію своими военными подвигами! Чтò побуждаетъ г. Субботина позорить и грязнить(?) русское правительство(?), смотрящее на старообрядчество снисходительно, это *тайна, сокрытая въ замыслахъ родственника Рысакова*. Но не трудно понять побужденія г. Субботина, если припомнить его крикъ на высокопоставленныхъ лицъ, допустившихъ старообрядческихъ депутатовъ присутствовать при погребеніи покойнаго Императора Александра III, гдѣ находились Августѣйшія Особы и куда не былъ допущенъ (почему же?..) редакторъ „Братскаго Слова“.

Прочитавъ эту гнусную клевету въ раскольнической газетѣ, въ опроверженіе ея мы немедленно напечатали въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* слѣдующую замѣтку:

„Всего могъ я ожидать отъ поборниковъ раскола за мою противораскольническую литературную дѣятельность, какъ видно, уязвляющую ихъ въ самое сердце, но не такой возмутительной клеветы, что будто бы „анархистъ Рысаковъ, убійца Императора Александра II“, — мой „близкій

родственникъ". Кромѣ зятя, почтеннаго престарѣлаго протоіерея, и двухъ его сыновей, мирно трудящихся для православной церкви, одного — въ санѣ священника, другого — въ должности учителя, я даже и родныхъ не имѣю. Навязавъ мнѣ въ своей заграничной газетѣ „близкое родство" съ цареубійцей и даже какіе-то его „идеи" и „замыслы", старообрядцы австрійскаго согласія показали только, до какихъ крайностей они способны дойти въ своихъ клеветахъ на защитника православія. До меня ихъ клевета достигла въ наступившіе святые дни страданій Христа Спасителя, Который молился за своихъ распинателей и намъ заповѣдалъ прощать всякія обиды. Исполняя Его заповѣдь, охотно и искренно прощаю измысливщихъ и распространяющихъ столь тяжкую клевету обо мнѣ, которую, однако, считалъ своимъ долгомъ опровергнуть; утѣшеніемъ для меня служатъ слова самого Господа: *Блажены есте... егда рекутъ всякъ золъ глаголъ, на вы лжуще, Мене ради*".

Съ тѣмъ же чувствомъ прощенія за личную обиду, нанесенную намъ этой клеветой, мы и доселѣ относимся къ измыслившимъ ее и распространяющимъ; но это чувство прощенія однакоже не препятствуетъ намъ требовать отъ редактора раскольнической газеты, чтобы онъ или печатно повинился во взведенной на насъ клеветѣ, или печатно же показалъ, въ какомъ именно „близкомъ родствѣ" и чрезъ кого находимся мы съ цареубійцей Рысаковомъ, генеалогія котораго, какъ видно, хорошо извѣстна ему или тому таинственному лицу, отъ котораго ему было передано о нашемъ „близкомъ родствѣ съ цареубійцею". Если онъ этого не сдѣлаетъ, то дастъ полное право всякому — называть его газету не „Словомъ Правды", а „Словомъ кривды, лжи и клеветы".

Не излишнимъ также считаемъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія:

Раскольническая газета обвиняетъ насъ въ ненависти „къ коренному русскому народу", на томъ основаніи, что мы „ожесточенно нападаемъ на старообрядцевъ, къ кото-

рымъ принадлежатъ казаки, прославившіе и возвеличившіе Россію своими военными подвигами". Къ военнымъ подвигамъ казаковъ мы питаемъ уваженіе никакъ не меньше раскольническаго газетчика, бѣжавшаго изъ Россіи, — хотя и полагаемъ, что не одни же ихъ подвиги „прославили и возвеличили Россію". И что̀ общаго между военными подвигами и расколомъ? Развѣ потому казаки храбры и способны къ военнымъ подвигамъ, что держатся раскола? Ужели они потеряли бы и храбрость и способность къ подвигамъ, если бы сдѣлались православными? Значитъ наши нападенія на расколъ, какъ именно на расколъ, на ожесточеннаго врага православной церкви, никакъ не могутъ быть свидѣтельствомъ нашей ненависти къ казачеству, тѣмъ паче къ „коренному русскому народу", который состоитъ не изъ однихъ же казаковъ и не изъ однихъ раскольниковъ. Пора бы вамъ, г-да раскольническіе витіи, бросить вашу смѣшную претензію считать однихъ старообрядцевъ „кореннымъ русскимъ народомъ". За кого же вы считаете всѣхъ православныхъ россіянъ и самого православнаго русскаго Царя?

Раскольническая газета говоритъ, что мы „позоримъ и грязнимъ русское правительство, смотрящее на старообрядчество снисходительно". Никогда правительство мы не позорили; но всегда говорили и продолжаемъ говорить съ негодованіемъ о продажномъ чиновничествѣ, пожалуй, и довольно высокихъ чиновъ, покрывающемъ всякія раскольническія беззако́нія. И кто же учитъ насъ почтенію передъ правительствомъ? Бѣжавшій за границу раскольникъ, въ томъ же нумерѣ своей газеты позорящій двухъ высшихъ въ государствѣ сановниковъ, одного заподозрившій въ злоупотребленіи именемъ Государя Императора, другаго назвавшій нигилистомъ и анархистомъ!

Раскольническая газета говоритъ, что мы „кричали на высокопоставленныхъ лицъ, допустившихъ старообрядческихъ депутатовъ присутствовать при погребеніи покойнаго Императора Александра III, гдѣ находились Авгу-

стѣйшія Особы". Приведемъ наиболѣе рѣзкія мѣста изъ этого дѣйствительно „крика", вырвавшагося у насъ изъ глубины оскорбленной души. Мы писали: „Для истинно-православныхъ русскихъ людей особенно прискорбно, невыносимо тяжело было видѣть, что даже въ день погребенія Государя Императора въ Петропавловскомъ соборѣ, куда не имѣли доступа большинство членовъ отовсюду прибывшихъ депутацій, — лица не только православныя, но и занимающія высокое общественное положеніе, — что даже и здѣсь, среди самыхъ избранныхъ особъ, занимали видное мѣсто всѣ четыре московскіе раскольника австрійской секты, прибывшіе собственно для представленія новому Государю. Какимъ же образомъ и зачѣмъ оказались здѣсь, *на мѣстѣ святѣ*, за торжественнымъ православнымъ богослуженіемъ у гроба Царя-праведника, эти люди, *которые считаютъ тяжкимъ грѣхомъ молитвы вмѣстѣ съ православными, которые почли тяжкимъ же грѣхомъ отслужить хотя бы одну панихиду по скончавшемся православномъ Царѣ?* Зачѣмъ они здѣсь?... Какъ понять и чѣмъ объяснить дѣйствія тѣхъ лицъ, которыя ввели этихъ ругателей православной святыни на мѣсто свято, въ православный храмъ, къ гробу православнаго Царя? Ужели не знали они, кого вводятъ сюда? Ужели не знали, что вводятъ людей, *гнушающихся православными храмами и православнымъ богослуженіемъ, — людей, считающихъ тяжкимъ грѣхомъ молитвы за почившаго православнаго Царя?*" и т. д. (см. *Брат. Сл.* 1894 г. т. 11, стр. 704—706). Вотъ что „кричали" мы, — и доселѣ не откажемся ни отъ одного сказаннаго здѣсь слова, потому что все сказанное совершенная правда.

Раскольническая газета возвѣщаетъ, что въ Петропавловскій соборъ на погребеніе покойнаго Императора „не былъ допущенъ редакторъ „Братскаго Слова", — и спрашиваетъ: „почему же?" — этимъ вопросомъ давая знать своимъ читателямъ, что не былъ допущенъ, какъ человѣкъ опасный, „собратъ нигилистовъ и анархистовъ". Увы! Редакторъ „Братскаго Слова" лежалъ тогда въ по-

стели, и именно тяжкою болѣзнію лишенъ былъ утѣшенія даже въ Москвѣ поклониться гробу въ Бозѣ почившаго Царя-праведника... А раскольническое „Слово Правды“ сообщаетъ, что онъ былъ даже въ Петербургѣ, толкался въ двери Петропавловскаго собора и „не былъ допущенъ“! Такова и во всемъ правда раскольническаго „Слова Правды“!

Но ради чего же сплетаются всѣ эти лжи и клеветы? Что ихъ сочиняетъ, печатаетъ и разсылаетъ изъ-за границы бѣглый раскольникъ, спасающійся этимъ бѣгствомъ отъ исполненія воинской повинности въ отечествѣ и отъ суда за оскорбленіе православной церкви, прославившійся неимовѣрной даже среди раскольниковъ дерзостью, еще живя въ Россіи, — это вполнѣ понятно. Но вѣдь онъ вдохновляется для такихъ возмутительныхъ дѣйствій изъ Москвы, здѣшними сильными властію и капиталомъ старообрядческими дѣятелями. За лжи и клеветы Мельниковской газеты эти московскіе столпы раскола отвѣтственны болѣе Ѳедора Мельникова. Такъ вотъ они то, эти московскіе столпы раскола, чего хотятъ достигнуть, сплетая лжи и клеветы на ненавистныхъ имъ ревнителей православія и именно предъ наступающими коронаціонными торжествами? Должно быть надѣются этимъ благороднымъ способомъ засвидѣтельствовать предъ правительствомъ о своихъ патріотическихъ чувствахъ, о своей ненависти къ анархизму и нигилизму, своеобразно понимаемымъ, и добиться осуществленія своихъ плановъ, о которыхъ даетъ понятіе приведенное выше и разсмотрѣнное нами письмо Еѳима Мельникова къ Сергѣю Большакову. Не ошибутся ли?...

7 Дополнительныя извѣстія объ эмигрантѣ Мельниковѣ.

Еще небольшое сказаніе все о томъ же бѣгломъ раскольническомъ героѣ.

Мы упомянули прошлый разъ, что не получили ни одного нумера заграничной раскольнической газеты „Слово Правды“, хотя и послали въ редакцію подписныя деньги, тогда какъ она исправно получается въ Москвѣ раскольниками, отъ которыхъ и приходится намъ разными способами и съ немалыми затрудненіями пріобрѣтать ее. Объ этомъ обстоятельствѣ мы рѣшились извѣстить редакцію газеты, по объявленному ею самою адресу, — и вотъ какой отвѣтъ получили отъ самого г. Мельникова:

„Старообрядческое Братство Покрова Пресвятыя Богородицы въ г. Браилѣ на письмо Ваше отъ 20 мар. 96 г., писанное на имя К. К. Стуловскаго и переданное въ Братство получившимъ оное, имѣетъ честь отвѣтить Вамъ слѣдующее: деньги на „Слово Правды“ получены и въ тотъ же день, когда получены были деньги, по указанному адресу, посланы въ закрытомъ конвертѣ №№ 1 и 2 „Сл. Пр.“, въ мартѣ же посланъ и № 3-й. Какая же причина тому, что вы и до сего времени не получили ни одного № „Сл. Пр.“, мы не знаемъ. Полагаемъ, что, въ силу Вашихъ собственныхъ, кстати сказать, неистовыхъ криковъ на „Сл. Пр.“ и почтовое вѣдомство, это послѣднее конфискуетъ нумера нашей газеты и не доставляетъ по адресу. Просимъ за справкою обратиться въ Московскій почтамтъ.

„Не желая лишать Васъ возможности имѣть въ своихъ рукахъ нумера нашей газеты, мы одновременно съ симъ нашимъ отвѣтомъ посылаемъ Вамъ въ закрытомъ конвертѣ три первыхъ нумера „Сл. Пр.“ Если и теперь Вы ихъ не получите, то просимъ Вашего совѣта, — какъ поступить и что сдѣлать, чтобы наши подписчики исправно получали бы „Слово Правды“.

Брапла — Съ почтеніемъ пребываю

25 марта 1896 г — секретарь Бр. П. П. Б-цы *Ѳ. Мельниковъ*.

Таковъ обязательный отвѣтъ г-на секретаря Бр. П. П. Б-цы", за который мы очень благодарны ему. Оказывается, что мы сами виноваты въ неполученіи раскольнической газеты; по словамъ г. секретаря, наши якобы „неистовые крики на Сл. Пр. и почтовое вѣдомство", причиной того, что симъ послѣднимъ газета намъ не доставляется. Не будемъ спорить съ г. Мельниковымъ относительно выраженій, — предоставляемъ ему полное право называть, съ своей точки зрѣнія, „неистовыми криками" наши правдивыя замѣчанія объ его уже дѣйствительно „неистовыхъ" ругательствахъ на православную церковь и ея защитниковъ, которыхъ, за противодѣйствіе расколу, онъ даже прямо называетъ нигилистами и революціонерами; пусть такъ же называетъ онъ и высказанное нами удивленіе, что заграничная раскольническая газета, наполненная клеветами и бранью на православную церковь, свободно разсылается по почтѣ во множествѣ экземпляровъ. Положимъ, что именно эти наши якобы „неистовые крики" побудили почтовое вѣдомство „конфисковать" присылаемыя изъ-за границы №№ „Слова Правды", — мы порадовались бы даже, если бъ такъ дѣйствительно было, если бы, то-есть, наши замѣчанія способствовали точнѣйшему исполненію указаннымъ вѣдомствомъ его обязанностей, къ числу которыхъ относится и недопущеніе къ распространенію въ предѣлахъ Россіи заграничныхъ изданій, вредныхъ для православной церкви и русскаго государства. Но вотъ что̀ странно: по личному и общественному положенію мы имѣемъ, кажется, право на полученіе даже запрещенныхъ заграничныхъ и туземныхъ изданій, слѣдовательно и пресловутаго „Слова Правды", и однакоже мы не получаемъ этого раскольническаго изданія, чѣмъ лишаемся возможности своевременно давать о немъ отзывъ нашимъ читателямъ и опровергать его лжи; а кому не слѣдуетъ получать его, — сами раскольники и тѣ изъ православныхъ, которымъ раскольники, въ своихъ интересахъ, считаютъ полезнымъ сообщать его, — получаютъ безпре-

пятственно и своевременно. Это однако не касается редакціи и г-на Мельникова въ частности. Онъ даже оказалъ намъ и вниманіе,ославъ, какъ извѣщаетъ, второй экземпляръ своего „Слова Правды“, котораго мы все-таки не получили.

Всего интереснѣе для насъ въ настоящемъ случаѣ то обстоятельство, что на письмо наше въ редакцію „Слова Правды“ отвѣчаетъ г-нъ Ѳ. Мельниковъ. Отсюда уже несомнѣнно явствуетъ не только то, что Ѳ. Мельниковъ находится дѣйствительно за границей, въ Браилѣ, но и то, что въ изданіи раскольнической газеты онъ принимаетъ главное и ближайшее участіе, состоя притомъ въ званіи секретаря основаннаго за границей, конечно по его же мысли и по мысли друзей его, раскольническаго Братства. Наши прежнія сообщенія о бѣгствѣ его за границу и предпринятыхъ тамъ замыслахъ оказались такимъ образомъ вполнѣ вѣрными.

Но обо всемъ этомъ мы имѣемъ теперь еще болѣе полныя и точныя свѣдѣнія изъ другого письма самого же Ѳ. Мельникова — къ его брату Василью, отъ 15 декабря 1895 г., изъ Галацъ, о которомъ мы упоминали прошлый разъ и которое въ копіи имѣли возможность получить. Письмо это интересно во многихъ отношеніяхъ, и мы считаемъ неизлишнимъ познакомить съ нимъ нашихъ читателей.

Оказывается, что вскорѣ послѣ бѣгства за границу Ѳедоръ Мельниковъ ѣздилъ изъ Румыніи въ Болгарію и оттуда возвратился въ Галацы въ тотъ самый день, когда пишетъ письмо, т.-е. 15 декабря, и здѣсь нашелъ три ожидавшіе его письма: съ родины, изъ Новозыбкова, отъ брата Василья изъ Безводнаго, гдѣ тотъ находился подъ кровомъ учителя и друга — Онисима Швецова, и изъ Варшавы отъ какого-то Еѳима. Изъ письма съ родины онъ первый разъ узналъ объ арестѣ отца, послѣдовавшемъ, значитъ, послѣ его бѣгства за границу. Описавъ, насколько поразило его это, какъ видно, неожиданное извѣстіе, онъ говоритъ въ заключеніе: „Вотъ наконецъ чего

мы достигли своими стараніями на пользу старообрядчества! Я нынѣ подданный (?) Румыніи, поэтому безбоязненно могу воскликнуть своимъ сотоварищамъ: *бѣжите изъ варварской и злодѣйской Россіи!*“ Въ отвѣтъ же на письмо брата Мельниковъ пишетъ:

„Твое письмо я прочелъ и возрадовался, что нашъ общій другъ Ѳ. не попалъ въ руки разбойниковъ[1]). Но все же онъ въ опасности. Мнѣ сообщаютъ, что и его ищутъ и дано знать во многіе города и станціи объ его и моемъ бѣгствѣ. Совѣтую ему, какъ любимому моему другу, позаботиться о своемъ спасеніи, а о Сашѣ (?) и о своемъ домѣ пусть навремя позабудетъ, тамъ надѣлали великаго переполоху, былъ обыскъ въ его домѣ. Изъ Варшавы мнѣ пишутъ: Ѳ-нъ удралъ въ Америку[2])... Я здѣсь не сижу на одномъ мѣстѣ, а все разъѣзжаю. Въ Болгаріи говорилъ старообрядцамъ блестящія рѣчи о старообрядчествѣ и новообрядчествѣ, и *говорилъ свободнымъ языкомъ, никого не боясь.* И за это старообрядцы были въ восторгѣ, *кричали браво, хлопали въ ладоши и пѣли многолѣтіе. Это мнѣ напоминало наши шумныя бесѣды съ миссіонерами.* Сеня[3]) упрекаетъ меня въ трусливости, а самъ бѣжалъ. Но я по крайней мѣрѣ совершилъ *великій геройскій подвигъ* — переправился за границу въ томъ трудномъ положеніи, въ которомъ я находился. Только самый сильный человѣкъ рѣшится на тотъ шагъ, который я сдѣлалъ *бодро и геройски.* А Ѳ. этого не сдѣлалъ. Я предъ самымъ своимъ отъѣздомъ сообщилъ ему письмомъ чрезъ Ив – ва о своемъ поступкѣ и совѣтовалъ ему такъ же поступить. Но онъ струсилъ. Но молодецъ, что хотя съ Клинцовъ удралъ, а не то былъ бы въ острогѣ.

---

[1]) Этотъ Ѳ., называемый далѣе Ѳ-нъ, есть конечно г-нъ Ѳедюшинъ. Мы предполагали, что онъ, спасаясь отъ судебной власти, а по выраженію Мельникова — отъ „рукъ разбойниковъ“, бѣжалъ за границу вмѣстѣ съ самимъ Мельниковымъ; но оказывается, что Мельниковъ бѣжалъ одинъ, и о судьбѣ Ѳедюшина, съ которымъ вмѣстѣ привлекался къ суду за публичное оскорбленіе православной церкви, до 15-го декабря не имѣлъ свѣдѣній.

[2]) Мы имѣемъ извѣстіе, что Ѳедюшинъ возвратился въ Новозыбковъ и отдалъ себя въ руки правительства, значитъ, въ Америку не уѣзжалъ.

[3]) Тотъ же Ѳедюшинъ.

„О себѣ могу сказать, что я, хотя уже не опасаюсь, но тѣмъ не менѣе я могу получить вредъ отъ нашихъ враговъ. Я до сего времени разослалъ массу писемъ и изъ нихъ навѣрное узнали и враги о моемъ пребываніи... Я раскатываюсь по разнымъ государствамъ. Жаль только что при мнѣ мало денегъ. Попроси о. Ар—ія[1]), чтобы онъ потрудился написать М—у А—ю, чтобы онъ меня принялъ и далъ мѣсто для жительства.

„Ты мнѣ пишешь, чтобы я не слишкомъ довѣрялъ бумагѣ. Не пойму, о чемъ это ты мнѣ напоминаешь, прошу растолковать. Пишешь о какой-то осторожности и объ испрашиваніи совѣтовъ у свѣдущихъ лицъ. Для меня это непонятно. Вы, братія, что-то залѣнились. Я вамъ вотъ какое письмо длинное пишу, а вы мнѣ втроемъ написали малюсенькое премалюсенькое письмо, да и то переполнено разными непонятными намеками да догадками...

„Ты, Вася, пишешь мнѣ, что „К-ко совѣтъ мнѣ предложилъ недобрый". Но я думаю, что если ты получилъ письмо изъ дому и если въ немъ подробно описаны происшедшія въ нашемъ домѣ ужасныя событія, то самъ убѣдишься, что совѣтъ К—ко добрый и благій. Другаго не было исхода, какъ тотъ, которымъ я пошелъ[2]). *Въ Россію я могу вернуться всегда, хотя сейчасъ;* а изъ острога, а тѣмъ болѣе изъ каторги, не вернешься. Послушаемъ Спасителя (?!), говорящаго „не вдавайте себя въ напасть". А на дядю Г. А[3]) плохая надежда, тятеньку посадили въ острогъ, и объ немъ хлопочутъ и Г. А. и новозыбковское купечество, и цѣлая депутація ѣздила въ Стародубъ, и совѣтуютъ и пишутъ,—цѣлая стая адвокатовъ: и К—ко и Усп—ій и Дав—тъ, и деньги, и проч. и проч., и ничего не подѣлаютъ. Вотъ тебѣ и надежда[4]). А я кое-какъ перевалилъ за границу. .

---

[1]) Т.-е. отца Арсенія, иже есть и Онисимъ Швецовъ, не разъ ѣздивший за границу печатать сочиненія въ защиту раскола и имѣющій связи съ заграничными раскольниками.

[2]) Изъ дальнѣйшихъ словъ видно, что этотъ К—ко есть одинъ изъ мѣстныхъ, новозыбковскихъ адвокатовъ Итакъ г-да чиновники судебнаго вѣдомства занимаются еще и тѣмъ, что лицамъ, которыхъ ожидаетъ законная кара за преступленія, даютъ совѣты бѣжать за границу, не дожидаясь суда...

[3]) Сей „дядя Г. А." есть, безъ сомнѣнія, извѣстный Герасимъ Алексѣичъ Гусевъ.

[4]) Этимъ подтверждается сказанное нами о томъ, какія хлопоты

„Любезный братецъ! Я во всѣхъ трехъ моихъ ппсьмахъ, посланныхъ изъ за границы, писалъ тебѣ объ изданіи газеты, а ты мнѣ объ этомъ дѣлѣ и однимъ словомъ не напомянулъ. *Вспомни же, какъ ты раньше* въ нашей богоспасаемой (впрочемъ теперь разоренной) кельѣ *энергично строилъ планы!* Я надѣялся въ январѣ выпустить 1-й №; но теперь кажется не придется, такъ какъ выѣзжаю изъ Галацъ Ѳ—ну возвратъ домой немыслимъ, ты тоже въ опасности, поэтому *чистосердечно прошу васъ всѣхъ — выѣхать изъ Россіи и отправиться въ Австрію, и займемся тамъ служеніемъ старообрядчеству*“...

Василій Мельниковъ, по совѣту умудреннаго лѣтами и опытомъ жизни Онисима Швецова, недаромъ предостерегалъ своего юнаго, чрезъ мѣру горячаго, брата, чтобы онъ „не слишкомъ довѣрялъ бумагѣ“, и больше „совѣтовался со свѣдущими лицами“. Юный герой не нашелъ нужнымъ послушаться братнина совѣта и съ полной откровенностью „довѣрилъ бумагѣ“ многое, чего братъ Василій и особенно хитроумный Онисимъ Васильевичъ никакъ не написали бы въ письмѣ, которому предлежалъ довольно длинный путь отъ Галицъ до Нижняго Нова-города. За то, чѣмъ откровеннѣе сказанія Ѳ. Мельникова, тѣмъ они дароже и любопытнѣе. Таковы прежде всего извѣстія его о заграничной раскольнической газетѣ.

Оказывается, какъ мы и предполагали, что замыселъ объ изданіи за границей раскольнической газеты, не такой безграмотной, какъ „Старообрядецъ“ Николы Чернышева, принадлежалъ именно Мельниковымъ, конечно, получившимъ на то благословеніе отъ о. Арсенія, т. е. Онисима Швецова, и что особенно „энергично“ строилъ эти планы старшій братъ Василій. Немедленно по пріѣздѣ за границу, Ѳедоръ и началъ хлопотать объ осуществленіи этихъ плановъ, рѣшивъ издавать газету именно въ Галацахъ,

употреблены были Гусевымъ и прочими раскольниками, также „стаей“ купленныхъ адвокатовъ для освобожденія Еѳима Мельникова изъ-подъ суда. Но сынъ его ошибся, предполагая, что всѣ эти хлопоты напрасны. Значитъ, успѣха ихъ даже и онъ не ожидалъ.

и неоднократно извѣщалъ объ этомъ брата и Швецова Что эти послѣдніе со своей стороны ничего не отвѣчали ему на сообщенія о газетѣ, на что жалуется Ѳедоръ Мельниковъ, это вовсе не значитъ, чтобы Швецовъ и Василій Мельниковъ не сочувствовали предпріятію, а объясняется ихъ осторожностью, опасеніемъ — „ввѣрять бумагѣ“ мысли и распоряженія о подобныхъ щекотливыхъ дѣлахъ. Все нужное, разумѣется, было сообщено потомъ другимъ, болѣе надежнымъ путемъ. А въ письмахъ, отправляемыхъ по почтѣ, они писали такъ осторожно и темно, что Ѳедоръ Мельниковъ даже „не понималъ“, о чемъ они пишутъ. Предположеніе печатать газету въ Галацахъ не осуществилось. Во второй половинѣ декабря Ѳ Мельниковъ долженъ былъ уѣхать изъ Галацъ, и потому даже не надѣялся въ январѣ выпустить первый № своего „Слова Правды“. Но въ Браилѣ, куда, какъ видно, онъ направилъ стопы, дѣло устроилось очень удобно: образовалось раскольническое братство, открылись сношенія съ россійскими старообрядцами, и газета стала выходить въ опредѣленные сроки. Такова исторія Мельниковскаго „Слова Правды“, насколько можно было узнать ее изъ письма самого Мельникова.

Любопытно также, что̀ пишетъ Ѳ. Мельниковъ о своемъ пребываніи и своихъ подвигахъ за границей. Онъ уже называетъ себя „подданнымъ Румыніи“: значитъ, съ помощію заграничныхъ раскольниковъ, успѣлъ весьма скоро изъ русскаго подданства перечислиться въ румынское и пріобрѣлъ право свободно разъѣзжать по разнымъ мѣстамъ, съ цѣлію послужить расколу и повредить православію. Такъ, пріѣхавъ въ Болгарію, онъ, по собственному его увѣренію, „говорилъ блестящія рѣчи о старообрядчествѣ и новообрядчествѣ, — говорилъ свободнымъ языкомъ, никого не боясь“. Кажется, и въ Россіи онъ тоже свободнымъ языкомъ и никого не боясь поносилъ публично православную церковь и ея служителей; если же эти россійскія рѣчи ему кажутся все-таки не свободными, про-

изнесенными подъ нѣкоторымъ страхомъ, то можно представить, каковы были его заграничныя публичныя рѣчи о расколѣ и православной церкви, какъ особенно поносилъ онъ патріарха Никона, на котораго и въ Россіи при каждой бесѣдѣ изрыгалъ ругательства! Зато и чествовали его заграничные раскольники достойнымъ образомъ, — „кричали браво, хлопали въ ладоши, пѣли многолѣтіе“. До криковъ „браво“ и аплодисментовъ наши россійскіе раскольники еще не доросли, — они просто шумѣли и кричали отъ восторга, слушая ругательства Мельникова на православную церковь; заграничные же раскольники, какъ видно, цивилизованнѣе, что́ и подобаетъ имъ Впрочемъ и цивилизованные заграничные раскольники своими аплодисментами и криками „браво“ производили, должно быть, не менѣе безобразный шумъ, какъ и русскіе ихъ братья, ибо далѣе Мельниковъ прибавляетъ, что „это напомнило ему ихъ (съ братомъ) шумныя бесѣды съ миссіонерами“, то-есть именно безобразія, допущенныя русскими раскольниками на этихъ бесѣдахъ. Онъ увѣряетъ, что, несмотря на бѣгство за границу и принятіе румынскаго подданства, „въ Россію можетъ вернуться всегда, хоть сейчасъ“. Такъ ли? Намъ кажется, напротивъ, что и бѣгствомъ и принятіемъ иностраннаго подданства онъ навсегда лишилъ себя возможности безпрепятственно возвратиться на жительство въ Россійскую имперію. Это возвращеніе возможно для него только въ томъ случаѣ, если онъ рѣшится отдать себя въ руки правительства, чтобы понести заслуженное наказаніе, или будетъ просить помилованія, отказавшись отъ прежней дѣятельности на пользу раскола и обѣщавъ не продолжать ея болѣе. Но на то или другое едва ли Мельниковъ рѣшится. Да и самъ онъ, очевидно, не намѣревается возвратиться въ Россію; напротивъ, и своихъ друзей, Швецова, брата Василія и прочихъ, зоветъ выѣхать изъ Россіи къ нему, за границу, чтобы здѣсь, на свободѣ, совокупно „заняться служеніемъ старообрядчеству“. Примѣчательно, что онъ зо-

ветъ друзей именно въ Австрію, должно быть поближе къ Бѣлой-Криницѣ, гдѣ имъ будетъ особенно удобно и свободно дѣйствовать во вредъ православному русскому народу. И это открытое расположеніе къ злѣйшему нашему врагу — Австріи и особенно это цинническое выраженіе, обращенное ко всѣмъ сотоварищамъ: „бѣжите изъ варварской и злодѣйской Россіи“, — достаточное свидѣтельство тѣхъ патріотическихъ чувствъ, какими проникнуты наши раскольники австрійскаго согласія: вѣдь Мельниковыхъ они считаютъ своими лучшими представителями, своими героями, и не знаютъ, какими похвалами могутъ достойно почтить ихъ, а потому и указанную брань Мельникова на Россію, равно какъ расположеніе его къ Австріи, позволительно считать общею принадлежностію нашихъ „старообрядцевъ, пріемлющихъ (австрійское) священство“ А между тѣмъ чрезъ свои депутаціи и въ своихъ адресахъ во время предстоящихъ торжествъ священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, эти самые старообрядцы будутъ разглагольствовать о своей неизмѣнной, непоколебимой преданности своему Царю и отечеству, о патріотическихъ чувствахъ, якобы имъ по преимуществу принадлежащихъ. Гдѣ же правда? — въ этихъ ли льстивыхъ рѣчахъ раскольническихъ депутацій и адресовъ, или въ этомъ откровенномъ приглашеніи передоваго раскольника къ его друзьямъ и единомышленникамъ: „бѣжите (въ Австрію) изъ варварской и злодѣйской Россіи“?...

---

8 Послѣднее слово раскольническому „Слову Правды“. — Г-да ученые, обвиняемые въ клеветѣ. — Покаянное слово раскольнической газеты.

Имѣть *личныя* объясненія съ такими субъектами, какъ Ѳедоръ Мельниковъ, прославившійся неслыханными ругательствами на православную церковь и опозорившій себя бѣгствомъ за границу, гдѣ печатаетъ теперь всевозможныя клеветы на людей, не угодныхъ расколу, дѣло до крайности

непріятное и тяжелое, внушающее притомъ чувства брезгливости и отвращенія. Такое дѣло, къ сожалѣнію, выпало на нашу долю, — мы вынуждены были войти въ подобныя *личныя* объясненія съ Ѳ. Мельниковымъ по поводу взведенной имъ клеветы на насъ, — вынуждены тѣмъ, что этотъ юный, безшабашный ругатель и клеветникъ признается раскольниками за великаго героя и есть въ нѣкоторомъ родѣ представитель раскола, и именно „интеллигентной“ его части, его „ученыхъ“, „литераторовъ“, и потому въ его клеветѣ нельзя было не видѣть интриги всей этой „интеллигентной“ части раскола, — разныхъ Швецовыхъ, Бриліантовыхъ, Механиковыхъ и прочихъ, а можетъ быть и стоящихъ за ними ихъ покровителей, знаменитыхъ коммерсантовъ-раскольниковъ, — вынуждены были и самымъ характеромъ взведенной на насъ клеветы. И вотъ снова приходится заняться тѣмъ же непріятнымъ, претящимъ дѣломъ, — опять лично объясниться съ Мельниковымъ, но теперь уже въ *послѣдній* разъ. Затѣмъ, что̀ бы ни печаталъ объ насъ этотъ бѣглый раскольническій газетчикъ, какія ни распространялъ бы клеветы изъ своего заграничнаго притона, мы будемъ отвѣчать ему однимъ презрѣніемъ, не унижаясь ни до какихъ съ нимъ объясненій. И пусть знаетъ онъ, что можетъ оскорбить насъ только похвальными объ насъ отзывами, если бы рѣшился на таковые; а всякую отъ него брань и клевету мы ставимъ себѣ въ честь. Итакъ, преодолѣвая чувство брезгливости, объяснимся въ *послѣдній* разъ съ г-мъ Ѳедоромъ Мельниковымъ.

Читатели помнятъ, надѣемся, что̀ писали мы въ отвѣтъ на клевету Мельникова, будто „анархистъ Рысаковъ, убійца императора Александра II, *близкій родственникъ* редактору „Братскаго Слова“. Похристіански прощая ему эту клевету ради великихъ дней страстной седмицы, когда впервые прочитали ее, мы однако требовали, чтобы Мельниковъ „или печатно *повинился* во взведенной на насъ клеветѣ, или печатно показалъ, въ какомъ именно *близкомъ родствѣ* и чрезъ кого находимся мы съ цареубійцей Рысаковымъ“

(см. гл. 6). И вотъ въ 6-мъ нумерѣ раскольническаго „Слова Правды“ явился отвѣтъ намъ г-на Мельникова, который приводимъ вполнѣ[1]).

Въ отвѣтъ на требованіе Н. И. Субботина, чтобы мы *извинились предъ нимъ* за напечатаніе въ „Сл. Пр.“ переданнаго объ немъ, что онъ родственникъ анархисту Рысакову, находимъ нужнымъ сказать слѣдующее. Мы всегда готовы извиниться передъ каждымъ, если будемъ виновны въ чемъ-либо; но въ пропечатанномъ нами извѣстіи о Субботинѣ, какъ имѣющемъ родство[2]) съ цареубійцей, *насъ винить не за что:* Во-1-хъ, родство съ Рысаковымъ не мы навязываемъ Н. И. Субботину; во-2-хъ, что редакторъ „Братск. Сл.“ есть близкій родственникъ анархисту-цареубійцѣ, *намъ передало такое лицо, которое хорошо знаетъ лично г. Субботина, которое вмѣстѣ съ нимъ служило въ Академіи и которому мы не могли не повѣрить*, и въ-3-хъ, г. Субботинъ самъ ни чѣмъ не доказалъ, что онъ не имѣетъ родства съ Рысаковымъ. Заявленіе его, что онъ имѣетъ въ живыхъ всего на всего три родственныхъ лица, не есть доказательство. Не нужно забывать, что Рысаковъ находится въ числѣ получившихъ смерть. А объ нихъ-то г. Субботинъ *почему-то* нашелъ нужнымъ умолчать... Не имѣемъ пока основаній отказываться отъ напечатаннаго намп о Субботинѣ въ № 3 „Сл. Пр.“.

---

[1]) Точно такъ же мы привели изъ 3-го № „Слова Правды“ *полный* текстъ той статьи, въ которой содержится взведенная на насъ клевета. Если бы г-нъ Мельниковъ имѣлъ хоть немного добросовѣстности, онъ долженъ бы послѣдовать нашему примѣру, привести вполнѣ и нашъ отвѣтъ ему, чтобы читатели его газеты могли и сами судить объ этомъ отвѣтѣ; а вмѣсто того онъ въ искаженномъ видѣ передаетъ только немногое изъ того, что въ немъ содержится. Такова раскольническая добросовѣстность! А между тѣмъ, какъ любятъ раскольники обвинять православныхъ писателей въ „угрызаніи словесъ“, въ искаженіи смысла ихъ сочиненій, если эти сочиненія, не смотря на всю ихъ длинноту и безграмотность, не приводятся разсматривающими оныя вполнѣ!...

[2]) Теперь уже три раза упоминается просто о родствѣ, а не о „близкомъ родствѣ“. Ужъ не разумѣется ли родство по Адаму, въ какомъ я состою и съ самимъ Мельниковымъ, какъ онъ съ Рысаковымъ?

Замѣтимъ прежде всего, что мы и не думали требовать отъ г-на Мельникова „извиненія передъ нами“,— въ его извиненіи мы вовсе не нуждаемся. Мы требовали одного изъ двухъ, — чтобы онъ или „повинился“, т.-е. призналъ себя виноватымъ въ томъ, что дѣйствительно возвелъ на насъ клевету, говоря о *близкомъ* будто бы *родствѣ* нашемъ съ цареубійцею, или въ противномъ случаѣ „доказалъ, какъ именно и чрезъ кого находимся мы въ этомъ родствѣ“. Повиниться, т.-е. сознаться въ клеветѣ, онъ не хочетъ, и даже прямо говоритъ, что „не имѣетъ пока основаній отказываться отъ напечатаннаго въ № 3 „Сл. Пр.“ Значитъ, долженъ исполнить другое наше требованіе — показать, чрезъ кого и какъ мы находимся въ родствѣ съ анархистомъ Рысаковымъ. Но г-нъ Мельниковъ и этого не дѣлаетъ,— онъ не только не представляетъ доказательствъ этого мнимаго родства, но даже не упоминаетъ, т.-е. скрываетъ отъ своихъ читателей, что я требую этихъ доказательствъ, тогда какъ въ этомъ моего требованіи и заключается вся сила нашего возраженія. Онъ говоритъ только, что я самъ „ничѣмъ не доказалъ, что не имѣю родства съ Рысаковымъ“, такъ какъ указалъ только на живыхъ родственниковъ, а Рысаковъ уже „получилъ смерть“. Но вѣдь доказательства въ подтвержденіе обвиненія долженъ представлять обвинитель, а обвиняемому слѣдуетъ опровергать уже эти доказательства; противъ обвиненія же голословнаго, ни чѣмъ не доказаннаго, обвиняемому достаточно сказать, что это ложь и клевета. Мой обвинитель, Мельниковъ, ничѣмъ не доказалъ и доселѣ не доказываетъ своего извѣта на меня, и мнѣ достаточно было сказать, что это ложь и клевета. Однако я не ограничился тѣмъ, что это сказалъ, — я прибавилъ еще, что и родныхъ имѣю всего трехъ лицъ мужескаго пола. Мельниковъ предъявляетъ теперь смѣшную претензію, зачѣмъ не упомянулъ я и умершихъ родственниковъ, къ числу которыхъ относитъ, очевидно, Рысакова. Что же,—исполню и это его желаніе, надѣясь однако, что онъ не потре-

буетъ отъ меня, чтобы я восходилъ въ своемъ указаніи до дѣдовъ и прадѣдовъ, о которыхъ, какъ человѣкъ не родовитый, по правдѣ сказать, не имѣю и свѣдѣній. И изъ умершихъ могу назвать ему только двухъ ближайшихъ родныхъ: умершаго въ 1860 г. родителя, бывшаго протоіереемъ въ городѣ Шуѣ (Владимір. губ.), гдѣ и до сихъ поръ сохраняется о немъ память, какъ о пастырѣ большого ума, основательнаго образованія и безупречной жизни (ни братьевъ, ни сестеръ онъ не имѣлъ, еще въ младенчествѣ лишившись отца, который умеръ въ молодыхъ лѣтахъ; а у покойной матери былъ одинъ братъ, не оставившій потомства), да умершаго въ 1845 году моего единственнаго брата, бывшаго тогда студентомъ Московской Духовной Академіи[1]) Вотъ, я сдѣлалъ, въ угоду Мельникову, даже сверхдолжное, — исчислилъ всѣхъ близкихъ родственниковъ, живыхъ и умершихъ, въ опроверженіе клеветы, что будто бы въ числѣ ихъ находится какойто Рысаковъ, доселѣ мною не слыханный; пусть же теперь и Мельниковъ исполнитъ то, чего я требовалъ и требую отъ него, что̀ онъ обязанъ, что̀ составляетъ прямой его долгъ, — пусть докажетъ, или покажетъ, какъ именно и чрезъ кого нахожусь я въ родствѣ, даже въ „близкомъ родствѣ“, съ невѣдомымъ для меня, а ему очевидно вѣдомымъ, Рысаковымъ. Если онъ этого не сдѣлаетъ, то, повторяю, закрѣпитъ за собою имя лжеца и клеветника.

Между тѣмъ г-нъ Мельниковъ не считаетъ себя даже и обязаннымъ представлять доказательства напечатаннаго имъ, — онъ нимало не стѣсняясь, объявляетъ, что за это „напечатанное“ имъ „винить“ его нельзя, ибо-де „родство съ Рысаковымъ не онъ навязываетъ мнѣ“, а какое-то

---

[1]) Къ числу умершихъ принадлежитъ теперь и упомянутый мною прежде одинъ изъ трехъ живыхъ родственниковъ — почтенный протоіерей города Шуи М. В. Миловскій, супругъ единственной сестры моей. Скажу кстати, что онъ глубоко огорченъ былъ, прочитавши незадолго до кончины, какою гнусною клеветою мстятъ мнѣ раскольники за мое смѣлое обличеніе раскола.

лицо, сообщившее ему объ этомъ родствѣ, — лицо, „которое хорошо знаетъ меня лично, которое вмѣстѣ со мною служило въ Академіи“, а ему, Мельникову, столь хорошо извѣстно, что онъ, Мельниковъ, „не могъ не вѣрить“ ему. Разумѣется, странно и напрасно было бы предъявлять къ г-ну Мельникову требованія, обязательныя для каждаго, сколько-нибудь честнаго и понимающаго свои обязанности издателя газеты; но все же однако замѣчу ему, что если бы такого рода извѣстіе, какое онъ напечаталъ обо мнѣ, было имъ напечатано даже за полною и подлинною подписью самого, сообщившаго оное, лица, и тогда, прежде чѣмъ печатать, онъ долженъ былъ бы тщательно провѣрить, не содержится въ немъ лжи и клеветы, и во всякомъ случаѣ былъ бы отвѣтственъ за напечатанное вмѣстѣ съ подписавшимся лицомъ; а когда подобное извѣстіе напечаталъ онъ безъ подписи, тогда и всецѣло отвѣтственность за ложь и клевету падаетъ на него. Итакъ онъ совсѣмъ напрасно слагаетъ съ себя вину, прикрываясь кѣмъ-то, сообщившимъ ему ложное извѣстіе. И если бы это сдѣлалъ газетчикъ, подлежащій отвѣтственности по закону, а не стоящій внѣ закона заграничный клеветникъ-раскольникъ, я, разумѣется, потребовалъ бы отъ него назвать лицо, взведшее на меня гнусную клевету напечатаннымъ у него сообщеніемъ. Съ такими, основанными на законѣ, требованіями обращаться къ г. Мельникову безполезно; попробую, по крайней мѣрѣ, обратиться къ его совѣсти, если только онъ не совсѣмъ потерялъ ее: пусть онъ изъ-за совѣсти прямо назоветъ лицо, сообщившее ему для напечатанія гнусную клевету обо мнѣ, чтобы я могъ привлечь именно это лицо къ законной отвѣтственности за клевету. Если Мельниковъ этого не сдѣлаетъ (какъ и не сдѣлаетъ, конечно), то ясно покажетъ, что изобрѣтатель клеветы есть онъ самъ, вмѣстѣ съ своими единомышленниками, друзьями и покровителями, которымъ весьма желательно было, особенно въ то время, предъ коронаціей, прокричать, что даже такіе ярые гонители раскола, какимъ они считаютъ

меня, состоятъ въ близкомъ родствѣ съ цареубійцами и дѣйствуютъ въ ихъ духѣ, тогда какъ они, старообрядцы, всегда будто бы отличались вѣрностію престолу и отечеству и не запятнаны никакою измѣною (обычная пѣсня, которую поютъ даже раскольническіе дезертиры, бѣжавшіе за границу, скрываясь отъ кары закона)...

Итакъ, пусть же г-нъ Мельниковъ назоветъ по имени и фамиліи лицо, будто бы сообщившее ему напечатанную имъ клевету обо мнѣ, если не желаетъ, чтобы за нимъ осталось позорное имя изобрѣтателя и распространителя клеветы. Полагаю однако (повторю опять), что онъ не назоветъ его, по той простой причинѣ, что и не можетъ назвать; а назвать не можетъ потому, что такого лица и не было, хотя, повидимому, оно указывается довольно прямо. По его словамъ, это есть нѣкто „хорошо знающій меня лично“, „вмѣстѣ со мною служившій въ Академіи“, а ему, Мельникову, столь хорошо извѣстный и столь откровенно бесѣдовавшій съ нимъ между прочимъ и объ насъ, что „не вѣрить“ ему Мельниковъ „не могъ“. Самый характерный признакъ здѣсь тотъ, что будто бы сообщившій Мельникову гнусную клевету обо мнѣ вмѣстѣ со мною служилъ въ Академіи и лично знакомъ съ самимъ Мельниковымъ, такъ какъ велъ съ нимъ бесѣды обо мнѣ. Изъ лицъ, служившихъ вмѣстѣ со мною въ Академіи и ранѣе меня оставившихъ эту службу, можно насчитать теперь не болѣе пяти, или шести; изъ нихъ четверо почтеннѣйшіе московскіе протоіереи, о которыхъ невозможно и подумать, чтобы они дозволили себѣ войти въ какія-либо сношенія съ такимъ субъектомъ, какъ Мельниковъ, тѣмъ паче снизойти до интимныхъ бесѣдъ съ нимъ о комъ-либо изъ своихъ бывшихъ сослуживцевъ. Остаются нынѣ находящіеся въ Академіи мои сослуживцы и послѣ меня вышедшіе изъ службы; но и объ нихъ я вынесъ такое доброе мнѣніе, что не могу допустить, чтобы кто изъ нихъ позволилъ себѣ говорить о мнѣ, да еще раскольнику, такую возмутительную ложь, какую будто бы слышалъ отъ кого-то изъ нихъ Мельниковъ;

Правда, есть между ними двое, къ которымъ, повидимому, можетъ близко относиться указаніе Мельникова. Это именно тѣ два почтенные профессора, съ которыми я радикально расхожусь въ воззрѣніяхъ на нѣкоторые вопросы, касающіеся раскола, съ которыми долженъ былъ вести литературную полемику, нерѣдко и довольно рѣзкую съ обѣихъ сторонъ, которые получили великую извѣстность среди раскола и считаются у раскольниковъ авторитетными его защитниками, о чемъ намъ нерѣдко приходилось и приходится упоминать, къ которымъ, какъ именно такимъ авторитетамъ, раскольническіе передовые дѣятели, начиная со Швецова, являлись на поклонъ и для интимныхъ бесѣдъ, при чемъ, конечно, не забывали поднимать рѣчь и объ общемъ литературномъ противникѣ ихъ (въ числѣ этихъ поклонниковъ, быть можетъ, находились и братья Мельниковы). Все это даетъ нѣкоторое основаніе полагать, что Ѳедоръ Мельниковъ въ своемъ объясненіи указываетъ на одного изъ этихъ двухъ бывшихъ сослуживцевъ моихъ по Академіи; но и къ нимъ лично мы сохранили настолько уваженія, что не можемъ допустить, чтобы они позволили себѣ въ бесѣдахъ съ раскольникомъ (если имѣли ихъ) сказать обо мнѣ что-либо подобное той лжи и клеветѣ, какую будто бы передавалъ Мельникову одинъ изъ моихъ бывшихъ сослуживцевъ, пользующійся его полнымъ довѣріемъ. Впрочемъ, здѣсь дѣло касается уже чести другихъ, которые не нуждаются въ моей защитѣ, — здѣсь мой клеветникъ клевещетъ уже на моихъ бывшихъ сослуживцевъ по Академіи, а они сами могутъ, если пожелаютъ, и найдутъ нужнымъ, опровергнуть взведенную на одного изъ нихъ клевету [1]).

Итакъ, Мельникову остается или назвать лицо, которое будто бы сообщило ему гнусную клевету обо мнѣ (чего, полагаю, онъ не сдѣлаетъ, не имѣя кого назвать), или навсегда сохранить за собою позорное имя изобрѣтателя

[1]) Для подобнаго заявленія мы предлагаемъ и страницы нашего изданія.

и распространителя лжи и клеветы (чѣмъ онъ, конечно, не стѣснится). Я же во всякомъ случаѣ ни въ какія новыя личныя объясненія съ нимъ входить не буду, сказавъ ему это *послѣднее* мое слово. Повторю однако въ заключеніе, что, выступая съ такой возмутительной клеветой противъ меня, Мельниковъ дѣйствовалъ какъ представитель раскола и, разумѣется, не безъ вѣдома началовождей раскола и не безъ особыхъ расчетовъ. Свои клеветническія обвиненія въ анархизмѣ, нигилизмѣ и стремленіи произвести народный бунтъ, направленныя и противъ меня, какъ одного изъ наиболѣе усердныхъ обличителей раскола, и, что̀ несравненно важнѣе, даже противъ нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ и вліятельнѣйшихъ лицъ, не расположенныхъ потворствовать расколу, раскольническая газета, издаваемая Мельниковымъ, распространяла именно предъ наступавшимъ временемъ коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ, въ томъ неразумномъ расчетѣ, что будто бы этими гнусными клеветами можетъ бросить тѣнь на недоброжелателей раскола, и они не въ состояніи будутъ воспрепятствовать раскольникамъ, именно австрійскаго согласія, получить тѣ милости, о которыхъ предположено было просить по случаю коронаціи (особенно признаніе ихъ ложнаго священства и открытіе Рогожскихъ алтарей), на полученіе которыхъ они даже разсчитывали, полагаясь на другихъ вліятельныхъ особъ, благорасположенныхъ къ раскольникамъ и тѣмъ самымъ освобождающихъ себя отъ всякихъ подозрѣній въ анархизмѣ, нигилизмѣ и прочихъ ужасахъ. Мы тогда же обратили вниманіе читателей на эти хитрые расчеты раскольниковъ, дѣйствовавшихъ посредствомъ своей заграничной газеты, и тогда же объявили, что эти расчеты ихъ едва ли сбудутся: „не ошибутся ли“? Такъ дѣйствительно и случилось. Ни признанія ихъ лжеархіереевъ и лжепоповъ, ни распечатанія алтарей на Рогожскомъ Кладбищѣ, и никакихъ другихъ ожидавшихся милостей и привилегій раскольники не получили, а еще должны были услышать произнесенное съ высоты Престола прав-

дивое слово объ нихъ, какъ о людяхъ, „по невѣжеству пребывающихъ въ прискорбныхъ заблужденіяхъ“. Этотъ, столь отрадный для православныхъ, судъ православнаго Русскаго Царя о расколѣ высказанъ въ Высочайшемъ рескриптѣ именно тому высокопоставленному лицу, которое передъ этимъ съ непмовѣрной дерзостью раскольники австрійскаго согласія осыпали бранью и клеветами въ своей заграничной газетѣ: въ число великихъ заслугъ этого сановника, „вполнѣ отвѣчавшихъ предуказаніямъ“ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Александровича и „Его всегдашнимъ заботамъ о благѣ святочтимой православной церкви“, Державный Сынъ его, Богомъ помазанный Государь Императоръ Николай Александровичъ поставилъ и „тѣ, *полныя самаго возвышеннаго значенія,* усилія духовно-просвѣтительной дѣятельности, которыя имѣютъ цѣлію утвержденіе въ истинахъ православной вѣры *части населенія, по невѣжеству пребывающей въ прискорбныхъ заблужденіяхъ*“, — то-есть то самое, за что̀ ненавидятъ его раскольники, за что̀ осыпали его бранью и клеветами въ своей газетѣ...

Какъ смущены раскольники-австрійцы такимъ неожиданнымъ для нихъ исходомъ ихъ замысловъ, лжей и клеветъ, достаточно показываетъ „передовая“ статья того же № 6 раскольнической газеты, настроенная на тонъ покаянной пѣсни. Стоитъ познакомить съ ней нашихъ читателей. Она начинается такими словами:

„Мудръ буде (буди?) сыне, да веселится сердце твое“ (Притч. 27, 11) Никто не долженъ изъ насъ скорбѣть, что наши братья, русскіе старообрядцы, въ знаменательный день коронованія Русскаго Императора не получили никакой милости. Всякій долженъ знать, что милость царская изливается не столько волею и хотѣніемъ Царя, сколько произволеніемъ Всемогущаго Бога, который Самъ поставляетъ царей и надъ ними царствуетъ: „сердце царево въ рукѣ Божіей (Притч. 21, 1), посаждаяй цари на престолѣхъ и обвязуяй поясомъ чресла ихъ“ (Іов. 12, 18). Господь обвязуетъ(?) и власть ихъ по отношенію поддан-

ныхъ ихъ, почему и милость царей есть милость Божія; но эта милость Создателя настолько распространяется на вѣрующихъ въ него, насколько сами вѣрующіе приближаются къ Всещедрому Богу.

Вотъ разумныя рѣчи, какія рѣдко приходится слышать отъ раскольниковъ. Но искреннія ли это рѣчи? Если искреннія, то нужно имъ и слѣдовать. Если вы сознаете, что сердце Царя въ рукѣ Божіей и судъ его есть Божій судъ, то и должны подчиняться ему, какъ Божію суду. Вотъ, изреченъ о васъ царскій судъ, что вы, „по невѣжеству, пребываете въ прискорбныхъ заблужденіяхъ“: нужно вамъ просвѣтиться, тщательно вникнуть въ ученіе слова Божія и святыхъ отцовъ о истинной церкви Христовой, и, просвѣтившись, оставить „прискорбныя заблужденія“, отдѣляющія васъ отъ церкви, даже сдѣлавшіе васъ врагами церкви. Если въ царской немилости вы дѣйствительно видите гнѣвъ Божій на васъ, то должны употребить всѣ силы, все ваше попеченіе о томъ, чтобы отвратить гнѣвъ Божій и заслужить Божіе милосердіе, тщательно изслѣдовавъ, за что̀ лежитъ на васъ сей гнѣвъ. А изслѣдованіе, искреннее и безпристрастное, именно покажетъ, что вы заслужили гнѣвъ сей враждою на церковь Божію, тѣми „прискорбными заблужденіями“, на которыя указываетъ вамъ слово Царя, и вами самими признаваемаго за орудіе Бога, управляющаго его сердцемъ. Вотъ къ чему должны бы привести указанныя покаянныя рѣчи старообрядцевъ, если бы это были рѣчи искреннія, сказанныя съ полнымъ убѣжденіемъ, а не лицемѣрныя и притворно-покаянныя. На самомъ же дѣлѣ они и оказываются именно такими, т.-е. лицемѣрными и притворно-покаянными. Ибо сейчасъ же вслѣдъ за ними старообрядцы доказываютъ, что немилость Царя, дѣйствующаго по Божію внушенію, они терпятъ не заслуженно, что значитъ и гнѣвъ Божій, который сами видятъ въ немилости Царя, есть гнѣвъ несправедливый; а это есть уже богохульство. Вотъ что̀ именно говорится далѣе:

Несомнѣнно, что русскому старообрядчеству, — людямъ до костей и мозга пропитаннымъ вѣрностію и преданностію Русскому Царю и Русскому Престолу, — весьма тяжело и горько видѣть, что преступники, еретики и враги Христа получили царскую милость, и римско-католическому и армяно-григоріанскому духовенству и проповѣдникамъ протестантства *открыли даже двери темницъ*, въ которыхъ они сидѣли за преступленіе противъ русскихъ государственныхъ законовъ, а *бѣднымъ* старообрядцамъ, полагающимъ свои души(?) за русскаго Государя и русское отечество, не дозволили отпечатать даже алтари Рогожскаго Кладбища, въ Москвѣ, и ихъ духовенство за свою ревность о религіи заставляютъ чахнуть и томиться въ сырыхъ острогахъ...

Такъ разглагольствуетъ теперь кающійся старообрядецъ, лицемѣрно объявившій передъ этимъ, что въ немилости земнаго Царя видитъ гнѣвъ Царя Небеснаго. Выходитъ именно, что и Небесный Царь, суды Котораго правы и истинны, несправедливо гонитъ „бѣдныхъ старообрядцевъ“. Проповѣдуя такое нечестіе, раскольническій газетчикъ наговорилъ столько лжи, что всю не перечислить, да нѣтъ и надобности перечислять. Чтобы видѣть сколько неправды въ этомъ первомъ увѣреніи, будто старообрядцы „до костей и мозга проникнуты вѣрностію и преданностію русскому престолу“, достаточно принять во вниманіе, что это говоритъ интеллигентный представитель раскола, нагло попирающій „русскіе государственные законы“, преступно бѣжавшій за границу, тамъ печатающій клеветы на православную церковь и ревнителей православія. А сколько нужно наглости, чтобы увѣрять, будто „двери темницъ“ открыты „еретикамъ, врагамъ Христа“, „римско-католическому и армянскому духовенству“, а только попрежнему „томится и чахнетъ въ сырыхъ острогахъ“ духовенство старообрядцевъ (т.-е. австрійское). Кому же не извѣстно, что по силѣ Высочайшаго манифеста облегчена участь всѣхъ преступниковъ, безъ различія ихъ по вѣрѣ и происхожденію, — будутъ ли они православные, или старообрядцы, католики, лютеране, армяне, считаются ли духовными лицами, или не считаются. Никакого исключенія собственно

для старообрядцевъ и ихъ духовенства изъ дарованныхъ милостей не сдѣлано. И гдѣ эти раскольническіе лжепопы „чахнущіе и томящіеся въ сырыхъ острогахъ“, притомъ „за ревность о религіи“? Напротивъ, не видимъ ли мы, даже въ столичномъ городѣ Москвѣ, раскольническихъ поповъ, особенно живущихъ на Рогожскомъ Кладбищѣ, свободно разъѣзжающими на рѣзвыхъ рысакахъ, и живущими на полной свободѣ и въ полномъ довольствѣ? Развѣ самъ ихъ ложный архіепископъ не служитъ свободно и торжественно въ древней столицѣ россійскаго государства? Что же касается Рогожскаго Кладбища, то не странно ли ставить вопросъ о немъ въ связи со льготами, дарованными преступникамъ по Высочайшему манифесту? А что всѣ хлопоты раскольниковъ о распечатаніи Рогожскихъ алтарей, слѣдственно о признаніи ихъ ложнаго духовенства, остаются неудовлетворенными, это есть актъ высокой справедливости, о чемъ мы многократно и много говорили, а теперь распространяться не къ чему. Наконецъ, сколько лжи въ этомъ словѣ: „бѣдные старообрядцы“,— когда во главѣ ихъ стоятъ и ихъ дѣлами заправляютъ милліонеры, обитающіе въ замкахъ, въ преизбыткѣ пользующіе всѣми благами міра!... Нѣтъ, видно никогда не дождемся мы, чтобы старообрядцы сказали правду о себѣ и перестали кричать о гоненіяхъ и казняхъ, какими будто бы преслѣдуютъ ихъ. Ложь, несомнѣнно, есть коренная, отличительная принадлежность раскола и его защитниковъ, если этими послѣдними являются даже незачисленные въ расколъ писатели и газетчики, не исключая и „знаменитостей въ русской прессѣ“.

Въ заключеніе всего раскольническій газетчикъ совѣтуетъ старообрядцамъ „не унывать и не скорбить“. Онъ говоритъ:

Навѣрное, не зря высказался князь Ухтомскій, знаменитость въ русской прессѣ, что „3 мая 1883 г. занялась для старообрядцевъ заря лучшей будущности“ („С.-Петербургскія Вѣдомости“ 4 мая 1896 г. № 121). Не думаемъ,

чтобы эта „заря“ погасла при добромъ и Великомъ Наслѣдникѣ Миролюбца-Государя, нынѣ благополучно царствующемъ Императорѣ Николаѣ Александровичѣ. Этотъ Великій Монархъ засвидѣтельствовалъ предъ всѣмъ міромъ, что онъ пойдетъ по стопамъ незабвеннаго своего Родителя и сохранитъ завѣтъ его. А завѣтъ почившаго Императора остался благимъ для старообрядчества.

Вотъ что̀ замѣтимъ мы раскольнической сиренѣ, такъ сладко распѣвающей. Великій Монархъ, нынѣ благополучно царствующій, засвидѣтельствовавъ предъ всѣмъ міромъ, что пойдетъ по стопамъ незабвеннаго своего Родителя, несомнѣнно хранитъ и сохранитъ завѣтъ Его относительно старообрядчества, и завѣтъ дѣйствительно „благій“. Но въ чемъ состоитъ завѣтъ сей? Объ этомъ ясно сказалъ самъ Онъ, Великій Монархъ, въ вышеприведенныхъ словахъ рескрипта: въ „тѣхъ, полныхъ самого возвышеннаго значенія, усиліяхъ духовно-просвѣтительной дѣятельности, которыя имѣютъ цѣлію утвержденіе въ истинахъ православной вѣры части населенія, по невѣжеству пребывающей въ прискорбныхъ заблужденіяхъ“, — вотъ въ чемъ указалъ Онъ одно изъ дѣйствій „*вполнѣ отвѣчающихъ предуказаніямъ* своего незабвеннаго Родителя“. Итакъ, просвѣщеніе старообрядцевъ, освобожденіе отъ прискорбныхъ заблужденій, въ которыхъ коснѣютъ они, и утвержденіе ихъ въ истинахъ православной вѣры, посредствомъ духовно-просвѣтительной дѣятельности православнаго духовенства, составляетъ, по свидѣтельству самого Великаго Монарха, тотъ „благій завѣтъ“ относительно старообрядчества, который оставленъ Ему въ Бозѣ почившимъ Незабвеннымъ Его Родителемъ и которому Онъ остается и останется неизмѣнно вѣренъ. А это свидѣтельство столь авторитетно, что предъ нимъ обращается въ ничто даже и голосъ самого князя Ухтомскаго, — сей новой, возвѣщенной раскольниками, „знаменитости въ русской прессѣ“...

Однако передовая статья раскольнической газеты, приведенная нами вполнѣ, все же показываетъ, что раскольники, возлагавшіе столько надеждъ на полученіе разныхъ льготъ

и привилегій въ коронаціонное время, такъ хлопотавшіе объ ихъ полученіи и для полученія ихъ дозволившіе своему заграничному газетчику печатать самыя возмутительныя клеветы на противниковъ и обличителей раскола, теперь, обманувшись въ своихъ разсчетахъ и ожиданіяхъ, значительно присмирѣли, упали духомъ, и въ расколѣ дѣйствительно примѣчается какая-то особенная тишина. Дай Богъ, чтобы урокъ послужилъ во благо старообрядцамъ, чтобы они оставили не только напрасныя мечтанія о разширеніи своихъ льготъ и привилегій, но и свои „прискорбныя заблужденія“, свои предубѣжденія противъ православной церкви, и вошли въ пріискреннее съ нею общеніе!

---

9. Еще о неправдахъ раскольническаго «Слова Правды». — Раскольническая дерзость, неимѣющая примѣра.

Въ расколѣ съ нѣкотораго времени примѣчается рѣдкое затишье, — ни о какихъ, сколько-нибудь выдающихся, событіяхъ не слышно. Единственнымъ показателемъ характерныхъ сторонъ его современной жизни служитъ литературный органъ его, издаваемый за границей однимъ изъ самыхъ озлобленныхъ противниковъ церкви — бѣглецомъ Мельниковымъ, имѣющимъ сношеніе съ московскими и прочими главарями раскола, отъ которыхъ получаетъ разныя свѣдѣнія, совѣты, наставленія и всякую поддержку въ своей издательской дѣятельности. Поневолѣ приходится обращаться за указаніями о современномъ настроеніи раскола къ этому печатному органу его, такъ несправедливо присвоившему себѣ названіе „Слова Правды“. Вотъ передъ нами новый, іюльскій (7-й) выпускъ этой раскольнической газеты, по характеру не отличающійся отъ предыдущихъ. И въ немъ, какъ во всѣхъ прежнихъ, рѣзко выступаетъ одна характерная черта — страстное озлобленіе противъ православныхъ миссіонеровъ, ведущихъ бесѣды со старообрядцами и о глаголемомъ старообрядчествѣ. Эта господствующая характерная особенность газеты заслуживаетъ особаго вниманія: она показываетъ, что

болѣе всего тревожитъ раскольниковъ, въ чемъ видятъ они въ настоящее время самую большую опасность для раскола, и на что̀ поэтому должно быть обращено особое вниманіе православныхъ, что̀ особенно должно быть поощряемо съ ихъ стороны, какъ сильное орудіе противъ раскола. Ясно, что миссіонерство наноситъ расколу рѣшительные удары, угрожаетъ ему полнымъ пораженіемъ, если началовожди раскольническіе постоянно имѣютъ его въ виду и не могутъ иначе говоритъ о немъ, какъ съ крайнимъ озлобленіемъ, осыпая миссіонеровъ и содѣйствующихъ имъ православныхъ священиковъ самою неприличною бранью, измышляя на нихъ всякія лжи и клеветы. Православнымъ миссіонерамъ не только не слѣдуетъ смущаться, а тѣмъ паче оскорбляться этою раскольническою бранью и этими клеветами, но еще слѣдуетъ, напротивъ, радоваться, видя въ этой брани и клеветѣ свидѣтельство объ успѣхахъ ихъ святаго труда для церкви и поощреніе къ усиленію этого труда.

Приводить образчики той площадной брани на православныхъ миссіонеровъ, какою въ изобиліи наполнены всѣ выпуски раскольническаго „Слова Правды“, мы, конечно, не будемъ; а образчикъ лжи и клеветы на нихъ не излишне привести, — и приведемъ именно изъ послѣдне-полученнаго, іюльскаго выпуска этой газеты. Въ немъ напечатана статья подъ заглавіемъ: „Вопросы старообрядцевъ и каста московскихъ миссіонеровъ“, гдѣ редакторъ сообщаетъ якобы „изъ достовѣрныхъ источниковъ полученное извѣстіе“, что владыка-митрополитъ московскій, „*получа* вопросы, напечатанные въ двухъ первыхъ нумерахъ газеты[1]), *пожелалъ* дать на нихъ отвѣты и для этой цѣли пригласилъ къ себѣ московскихъ миссіонеровъ, предлагая имъ исполнить его желаніе“, что „вся клика собранныхъ миссіонеровъ исполнить желаніе своего архипас-

[1]) Объ этихъ вопросахъ мы въ свое время сообщали читателямъ (См. гл. 3).

тыря подъ разными уклончивыми предлогами отказалась", что именно три главныя лица изъ ведущихъ въ Москвѣ бесѣды со старообрядцами, называемыя здѣсь прямо по имени, отказались — одинъ подъ предлогомъ болѣзни супруги и дочери, другой по слабости зрѣнія, а третій потому, „что никогда еще не выступалъ печатно и увѣренъ, что провалится на такомъ довольно-таки опасномъ дебютѣ".

„Прочіе же миссіонеры (говорится далѣе) — мелкія сошки, видя отказъ своихъ патроновъ, и сами всѣ въ одинъ голосъ отказались писать отвѣты, заявивъ, что они еще не такъ компетентны, чтобы публично выступать съ отвѣтами, въ особенности въ такое время, когда у старообрядцевъ есть свой печатный органъ, въ которомъ они могутъ сдѣлать протестъ противъ ихъ отвѣтовъ. Вслѣдствіе такихъ важныхъ причинъ гг. миссіонеры *упросили* своего владыку предать вопросы забвенію, чтобы не показать въ отвѣтахъ на нихъ свою несостоятельность".

Сообщивъ такое, изъ своихъ „достовѣрныхъ источниковъ (должно быть отъ Бриліантова съ компаніей) полученное", если только не самимъ придуманное, „извѣстіе", редакторъ раскольнической газеты, насмѣшливо поздравляетъ московскихъ миссіонеровъ съ ихъ несостоятельностью, и замѣчаетъ имъ: „А вѣдь деньги берете, господа, за свою миссіонерскую дѣятельность! Отказываетесь писать отвѣты, откажитесь и получать жалованье. Тогда не такъ будетъ бросаться въ глаза ваша *безсовѣстность*".

Вся эта статья раскольническаго „Слова Правды" есть сплошная неправда и злонамѣренно придуманная клевета на тѣхъ, къ сожалѣнію, немногихъ представителей многочисленнаго московскаго духовенства, которые добровольно приняли на себя истинно пастырскій трудъ — вести собесѣдованія со старообрядцами. Неправда уже то, что будто владыка-митрополитъ *получилъ* вопросы. Говоря о мнимомъ ихъ полученіи, самъ редакторъ раскольнической газеты не могъ не знать, что говоритъ именно ложь, ибо ему

должно быть хорошо извѣстно, что ни онъ самъ и никто изъ старообрядцевъ *не посылалъ* московскому митрополиту вопросовъ ни письменныхъ (какъ бы слѣдовало, и притомъ съ собственноручной подписью вопросодателей), ни даже печатныхъ (что̀ уже было бы большой неделикатностью со стороны старообрядцевъ, какъ мы и замѣтили въ свое время); а не посланнаго владыка-митрополитъ не могъ и *получить*. Не получивъ же вопросовъ, онъ не могъ считать себя обязаннымъ, не могъ имѣть и *желанія* отвѣчать на нихъ. Не могъ имѣть этого желанія даже и въ томъ случаѣ, если бъ отъ кого-либо изъ постороннихъ узналъ о напечатаніи какихъ-то, обращенныхъ къ нему въ заграничной раскольнической газетѣ, вопросовъ, ибо имѣть дѣло съ такой газетой, отвѣчать на ея запросы и вопросы, было бы униженіемъ даже для лица не столь высоко поставленнаго въ церковной іерархіи. Итакъ не могъ имѣть и не имѣлъ *желанія* московскій митрополитъ давать отвѣты на неполученные имъ, а только напечанные бѣглымъ раскольникомъ въ заграничной газетѣ вопросы, обращенные къ нему отъ имени какихъ-то невѣдомыхъ старообрядцевъ, слѣдовательно не имѣлъ надобности „приглашать къ себѣ московскихъ миссіонеровъ и предлагать имъ исполнить желаніе“, котораго вовсе не имѣлъ. И мы знаемъ изъ источниковъ уже несомнѣнно достовѣрныхъ, что владыка-митрополитъ дѣйствительно не приглашалъ съ указанною въ раскольнической газетѣ цѣлью не только „всю клику московскихъ миссіонеровъ“, какъ неприлично выражается газета, но и никого изъ нихъ въ отдѣльности, — ни всѣмъ вмѣстѣ и ни одному въ отдѣльности не предлагалъ заняться составленіемъ отвѣтовъ на раскольническіе вопросы, по правдѣ сказать, не стоящіе и вниманія. И развѣ архипастырь Москвы не могъ бы самъ, не прибѣгая къ помощи подчиненныхъ ему лицъ, отвѣтить на вопросы старообрядцевъ, если бы таковые дѣйствительно и правильнымъ порядкомъ были ему представлены? Итакъ, не было ни приглашенія „миссіонеровъ“, ни пред-

ложенія имъ написать отвѣты: слѣдственно не могло быть и отказа со стороны „миссіонеровъ“, о которомъ съ такими подробностями разсказываетъ раскольническая газета, на основаніи „извѣстія, полученнаго ею изъ достовѣрныхъ источниковъ“. Все это „извѣстіе“, повторяемъ, есть сплошная ложь, злонамѣренно придуманная московскими раскольниками, въ союзѣ съ самимъ редакторомъ газеты, и внушенная именно ихъ озлобленіемъ противъ извѣстныхъ лицъ московскаго духовенства, столько тревоги и заботы причиняющихъ имъ своими бесѣдами о расколѣ. Въ подробностяхъ небывалаго отказа „миссіонеровъ“ на небывалое имъ предложеніе отъ владыки-митрополита даже легко примѣтить ту же самую руку, которая написала балаганный „Раекъ“ съ глумленіями на тѣхъ же почтенныхъ, но столь ненавистныхъ раскольническимъ дѣльцамъ, обличителей раскола. Несомнѣнно, — Бриліантовъ съ компаніей — вотъ тѣ „достовѣрные“ для Мельникова „источники“, откуда онъ черпаетъ, столь обильно расточаемыя въ его газетѣ, лжи и клеветы на православныхъ миссіонеровъ, въ дополненіе къ лжамъ и клеветамъ его собственнаго изобрѣтенія. — Кстати о его собственномъ обращеніи къ московскимъ „миссіонерамъ“. Г-да Мельниковъ и Бриліантовъ, по своей купеческой привычкѣ, все мѣряютъ на свой аршинъ, и какъ сами ратуютъ за расколъ ради наживы, изъ корыстныхъ видовъ, такъ же судятъ и о защитникахъ православія. „Деньги-то берете, господа, за свою миссіонерскую дѣятельность, — кричитъ раскольническій газетчикъ, обращаясь къ названнымъ у него московскимъ „миссіонерамъ“, — отказываетесь писать отвѣты, откажитесь и получать жалованье!“ А мы скажемъ вамъ, г. Мельниковъ, — не судите по себѣ, — лица, которыхъ вы хотите оскорбить, трудятся не изъ корысти, обличая неправду раскола, никакого жалованья за свои собесѣдованія со старообрядцами не получаютъ, а руководятся только сознаніемъ своего пастырскаго долга и желаніемъ принести пользу святой церкви возвращеніемъ блуждающихъ въ

расколѣ на правыя стези, ведущія въ лоно истинной церкви Христовой. Поэтому дерзкій упрекъ имъ въ *безсовѣстности* возьмите назадъ, какъ принадлежащій вамъ самимъ совокупно съ вашими „достовѣрными источниками“.

Опровергнутая нами злостная выдумка на московскихъ „миссіонеровъ“ можетъ служитъ хорошимъ образчикомъ того озлобленія передовыхъ раскольниковъ противъ православнаго миссіонерства, которымъ пропитанъ каждый выпускъ ихъ заграничнаго литературнаго органа. Здѣсь миссіонеры выставлены корыстолюбцами, лѣнивыми и неспособными отвѣтить даже на пустѣйшіе вопросы раскольниковъ; а гораздо чаще раскольническая газета любитъ выставлять ихъ въ видѣ безразсудныхъ и жестокихъ преслѣдователей „древлеправославія“, нагло, даже съ дреколіями, врывающихся въ часовни и дома старообрядцевъ, въ сопровожденіи полицейской власти, которой и предаютъ ихъ на истязанія; при этомъ, для вящаго показанія невинности претерпѣвающихъ такія гоненія старообрядцевъ, раскольническая газета пускается обыкновенно въ разглагольствія объ ихъ, якобы безпримѣрныхъ патріотическихъ чувствахъ, объ ихъ горячей преданности Престолу и отечеству... И послѣдній, іюльскій, выпускъ „Слова Правды“ не отсталъ отъ прочихъ въ этомъ отношеніи. Въ немъ появился даже новый отдѣлъ, подъ заглавіемъ: „По провинціямъ Россіи“, гдѣ помѣщаются корреспонденціи именно о возмутительныхъ насиліяхъ и истязаніяхъ, якобы чинимыхъ православными миссіонерами и вообще православнымъ духовенствомъ бѣднымъ и беззащитнымъ старообрядцамъ[1]). На основаніи этихъ корреспонденцій кромѣ того напечатана здѣсь горячая передовая статья, карающая великороссійское духовенство, якобы лишенное даже понятія о патріотизмѣ и вѣрноподданствѣ, напротивъ же

---

[1]) Любопытны самыя заглавія этихъ корреспонденцій, — напр. „Моленіе за царя и попы съ протоколомъ“, „Вилы и дубье, какъ признаки господствующаго православія“.

превозносящая старообрядчество за безпримѣрныя патріотическія чувства, которыми оно преисполнено, будто бы не смотря на всѣ претерпѣваемыя имъ „страданія и угнетенія“. Стоитъ обратить вниманіе на эту статью.

Сначала говорится о благотворительныхъ дѣлахъ, совершонныхъ старообрядцами „по случаю священнаго коронованія Русскаго Государя“, и о томъ, что „катастрофа на Ходынскомъ полѣ также вызвала не мало пожертвованій и благотвореній съ ихъ стороны“. „Но, — продолжаетъ раскольническій публицистъ, — ихъ собственный голосъ объ облегченіи ихъ отъ религіозныхъ преслѣдованій(?) заглушается и его какъ бы никто не слышитъ“. И вотъ въ образчикъ этихъ „религіозныхъ преслѣдованій“ приводится, на основаніи корреспонденціи изъ Мурашкина (Нижегород. губ.), слѣдующее, будто бы бывшее тамъ наканунѣ самой коронаціи, происшествіе:

Никто, кажется, такъ радостно и такъ благоговѣйно не встрѣчалъ 14-е мая, какъ старообрядцы, безпредѣльно любящіе своего Монарха... Но къ глубокому прискорбію русскихъ старообрядцевъ, имъ и въ дни великой радости Россіи не давали свободно вознести къ Богу свои горячія мольбы о благоденствіи своего отечества и заставили ихъ вмѣстѣ съ радостію соединять и печаль. Кто бы могъ усмотрѣть вредъ истинному православію въ томъ, что предъ наступленіемъ дня священнаго коронованія Вождя Россіи старообрядцы одного села собрались въ домъ и начали совершать всенощное бдѣніе по случаю коронованія? Думаемъ, никто изъ добросовѣстныхъ и честныхъ людей не скажетъ, что въ этомъ благомъ и святомъ дѣлѣ заключалось бы какое-либо зло. Но враги старообрядчества, *вовсе не помышляющіе о благѣ и мирѣ государства,* видятъ и въ добрѣ зло и въ пользѣ вредъ. Въ с. Мурашкино *съ дозволенія нижегородскаго губернатора* собрались старообрядцы 13 мая *въ одинъ большой домъ* для моленія о своемъ Монархѣ. Узнали объ этомъ попы-чиновники. „Раскольники собрались молиться Богу“, — завопили попы. О, какое великое и ужасное преступленіе! И вотъ четыре попа, должно быть руководимые *своимъ особымъ чувствомъ патріотизма,* вооружившись полицейскою властію, понятыми

и дубинками(?), бѣгутъ на моленіе старообрядцевъ. „Вотъ хорошій случай доказать истинность нашего православія и показать наше апостольство“. Старообрядцы усердно и съ благоговѣніемъ молятся Богу[1]). И что же попы? Начали писать протоколъ, чтобы этихъ мирныхъ, прибѣгающихъ съ молитвою къ Богу, людей привлечь къ уголовной(?) отвѣтственности. Написали протоколъ: попы отъ радости и удовольствія посмѣиваются. Но въ это время[2]) была представлена телеграмма, коею губернаторъ разрѣшилъ старообрядцамъ богомоленіе. И вотъ попы-хищники, — эти современные апостолы, — раздосадованные на неудачу, что нельзя было до конца показать ревность свою о „православіи“, удаляются, въ душѣ проклиная и губернатора и старообрядцевъ. Вотъ какою ревностію и какимъ *патріотизмомъ* проникнуты русскіе миссіонеры и попы-чиновники. *И это въ дни великихъ торжествъ Россіи.* А что же теперь-то будутъ дѣлать попы-миссіонеры? съ какою еще большею ревностію они возьмутся творить свои злодѣянія? О, русское православіе, какимъ ты кажешься неблагочестивымъ съ такими проповѣдниками, которые *скорѣе разбойники,* чѣмъ пастыри, и съ такой защитою своей казенной истины, которую не знали Апостолы и которая была оружіемъ въ рукахъ лишь еретиковъ и язычниковъ.

Мы нарочно привели вполнѣ всю эту наглую брань раскольническаго газетчика, чтобы читатели могли судить,

---

[1]) А въ самой корреспонденціи изъ Мурашкина, напечатанной далѣе, говорится напротивъ: „Молящіеся *страшно были взволнованы*... Стоило бы только кому-нибудь гикнуть, какъ иногда восклицаетъ маіоръ Бревновъ въ „Москов. Листкѣ“ — „за это бить надо“, и аминь: этимъ нахаламъ-попамъ тотчасъ же была бы прекрасная и достойная наука, которая напомнила бы имъ ихъ любезнѣйшаго Бирона, а въ результатѣ явилась бы дѣйствительная уголовщина“. Корреспонденты раскольнической газеты, очевидно, просвѣщены чтеніемъ „Моск. Листка“, — другой корреспондентъ назвалъ одного миссіонера даже Чуркинымъ, подвигами котораго такъ восхищались читатели этого уличнаго листка въ трактирахъ и кабакахъ.

[2]) Почему же не ранѣе написанія протокола? Раскольническій публицистъ и здѣсь расходится съ своимъ корреспондентомъ, — тотъ пишетъ, что только „начали строчить протоколъ...“

какимъ озлобленіемъ противъ православныхъ миссіонеровъ, вообще противъ православнаго духовенства и противъ самаго православія преисполнены передовые раскольническіе дѣятели, представителемъ которыхъ является этотъ дерзкій газетчикъ, а покровителями служатъ извѣстные богачи-раскольники, держащіе расколъ въ своихъ рукахъ. Особенно ясно выступаетъ здѣсь злобное желаніе этихъ дѣятелей раскола представить православное духовенство, непоколебимая вѣрность котораго предержащей власти засвидѣтельствована всей многовѣковой исторіей Россіи, лишеннымъ всякаго патріотическаго чувства, „вовсе не помышляющимъ о благѣ и мирѣ государства“, возмутителемъ общественнаго спокойствія, въ противоположность самимъ раскольникамъ и ихъ ложному духовенству, которые, будто бы такъ послушны и такъ преданы царю и отечеству, какъ „никто“ (что̀ и доказалъ своимъ примѣромъ самъ редакторъ газеты, преступно бѣжавшій изъ отечества и приглашающій къ такому же бѣгству прочихъ раскольниковъ). А что касается случая, по поводу котораго написаны имъ всѣ эти ругательства и клеветы на православное духовенство, то, не прибѣгая и къ справкамъ, можно быть увѣреннымъ, что онъ, если и не вымышленъ вполнѣ, то передается въ совершенно искаженномъ видѣ[1]).

---

[1]) Слѣды этой неправды замѣтны уже въ противорѣчіяхъ, какія допущены въ передачѣ событія газетчикомъ и корреспондентомъ. Къ указаннымъ выше прибавимъ слѣдующее. Корреспондентъ пишетъ: „Мы старообрядцы *собрались* за всенощное бдѣніе... *Храмъ* былъ переполненъ молящимися.. Наши передовые старообрядцы, принимая во вниманіе, что на моленіе въ 13 и 14 мая соберется молящихся множество, ходатайствовали предъ мѣстнымъ губернаторомъ позволить намъ въ эти дни молиться *въ болѣе вмѣстимомъ зданіи, чѣмъ нашъ молитвенный домъ*. Губернаторъ уважилъ просьбу и разрѣшеніе прислалъ телеграммою приставу“. Гдѣ же, спрашивается, молились? — въ *храмѣ*, или въ какомъ-то *зданіи*, „болѣе вмѣстимомъ“? Но здѣсь, по всей вѣроятности, и ключъ къ разгадкѣ дѣла. По общему раскольническому обычаю и мурашкинскіе „передовые старообрядцы“ задумали воспользоваться днями 13 и 14 мая, чтобы обратить въ

Да и самый случай приведенъ совсѣмъ некстати. Что хотѣлъ имъ доказать раскольническій газетчикъ? Онъ хотѣлъ доказать, что гóлоса старообрядцевъ „объ облегченіи ихъ отъ религіозныхъ преслѣдованій какъ бы никто не слышитъ“, что „и въ дни великой радости Россіи имъ не давали свободно вознести къ Богу свои горячія мольбы“, и пр. А случай говоритъ какъ разъ противное. Положимъ, что мѣстное духовенство хотѣло воспрепятствовать собранію мурашкинскихъ раскольниковъ въ какомъ-то новомъ обширномъ зданіи, незаконно обращенномъ въ церковь; но вѣдь попытка эта оказалась совсѣмъ напрасной, такъ какъ раскольники уже ранѣе заручились покровительствомъ и защитой весьма властной особы въ русскомъ правительствѣ: самъ знаменитый нижегородскій губернаторъ Н. М. Барановъ, занимающій такое видное (но незавидное) мѣсто въ современной исторіи раскола, не только „услышалъ ихъ голосъ“, къ нему обращенный, но и поспѣшилъ со всей предупредительностью исполнить ихъ желаніе, — даже по телеграфу прислалъ имъ разрѣшеніе и благословеніе — молиться въ новомъ „болѣе вмѣстимомъ“ зданіи, обращенномъ ими въ церковь, не справляясь, согласно ли это съ закономъ, — и они молились, а теперь конечно будутъ постоянно собираться на молитву въ этомъ „болѣе вмѣстимомъ“ зданіи; священники же, хотѣвшіе имъ воспрепятствовать въ открытіи новаго молитвеннаго дома, по словамъ самого газетчика, должны были удалиться, „въ душѣ проклиная губернатора“ (хотя, полагаемъ, проникать въ душу людей не можетъ даже и самъ г. Мельниковъ), а

храмъ какое-то, можетъ быть нарочно построенное, зданіе, болѣе вмѣстимое, чѣмъ ихъ молитвенный домъ“ (такъ и московскіе раскольники воспользовались подобнымъ же случаемъ, чтобы ввести своихъ поповъ на Рогожское Кладбище), и испросили на то разрѣшеніе г. губернатора, вполнѣ разсчитывая на его многократно доказанную благосклонность къ расколу. Духовенство же хотѣло воспрепятствовать этой противозаконной затѣѣ раскольниковъ. Такъ мы предполагаемъ дѣло; но желали бы получить объясненіе отъ самого мѣстнаго духовенства.

по выраженію корреспондента, надобно полагать, болѣе вѣрному, „побрели въ свои домы, чтобы тамъ оплакать свою неудачу“. И дѣйствительно, имъ оставалось только плакать, видя, какъ лицо, облеченное великою властью, потворствуетъ расколу. А если взять во вниманіе, что такихъ лицъ очень не мало въ средѣ русскаго правительства, особенно въ нашемъ судебномъ вѣдомствѣ, то нужно только удивляться безсовѣстности заграничнаго раскольническаго газетчика, вопіющаго постоянно о гоненіяхъ и притѣсненіяхъ, претерпѣваемыхъ у насъ старообрядцами, которымъ будто бы не позволяютъ даже и Богу молиться. Напротивъ, имъ дозволяютъ безнаказанно совершать даже явно противозаконныя дѣла. А между тѣмъ заграничный газетчикъ раскольниковъ, по поводу описаннаго имъ мурашкинскаго гоненія на старообрядцевъ, въ дѣйствительности бывшаго, по милости г-на нижегородскаго губернатора, торжествомъ раскола, вотъ что̀ говоритъ въ заключеніе.

Намъ, живущимъ за предѣлами Россіи (точнѣе было бы сказать: преступно бѣжавшимъ за предѣлы Россіи), гдѣ (въ Россіи?) такая свобода религіи, гдѣ отъ правительства нѣтъ никакихъ преслѣдованій за торжественныя богослуженія (а г. нижегородскій губернаторъ, дозволившій такое богослуженіе въ Мурашкинѣ, развѣ не правительство?), гдѣ пастыри наши признаны закономъ, гдѣ храмы наши красуются съ куполами и крестами (а развѣ не такъ же „красуются“ храмы на Рогожскомъ Кладбищѣ, подобныхъ которымъ и не видывали у себя заграничные раскольники?),— *терпѣніе нашихъ братіевъ, русскихъ старообрядцевъ, кажется непомѣрнымъ и неестественнымъ*. Только любовь ихъ къ отечеству заставляетъ ихъ безропотно переносить всѣ *страданія и гоненія. А что̀ бы сдѣлали на ихъ мѣстѣ другіе?*

Но вѣдь это есть уже призывъ къ бунту, или, по крайней мѣрѣ, къ поголовному бѣгству раскольниковъ за границу, чему примѣръ и показалъ имъ самъ подстрекатель, спасшійся бѣгствомъ отъ кары закона! Его подстрекатель-

ства уже дѣйствуютъ на раскольниковъ. Изъ Пензенской губерніи его корреспондентъ пишетъ ему: „Хоть бѣжи къ вамъ за границу! У васъ тамъ полная свобода религіи, а у насъ здѣсь насиліе и мученіе". Кто же отвѣтственъ за такія возмутительныя рѣчи? Конечно, не бѣглецъ-газетчикъ, издѣвающійся надъ закономъ Россійской Имперіи, а его здѣшніе покровители, внушающіе ему такія рѣчи, разные Брилiантовы и прочіе московскіе братчики, а особенно эти раскольники-милліонеры, которые, повторяемъ, держатъ въ рукахъ расколъ, воля которыхъ — законъ для всѣхъ этихъ Мельниковыхъ, Бриліантовыхъ, Швецовыхъ и для самихъ Савватьевъ.

А между тѣмъ раскольническая газета продолжаетъ и далѣе разглагольствовать о патріотическихъ чувствахъ, неизмѣнно присущихъ якобы гонимымъ на Руси старообрядцамъ. Въ доказательство приводится теперь рѣчь, произнесенная въ Клинцахъ въ день коронаціи „передовымъ лицомъ старообрядцевъ—епископомъ Сильвестромъ". Сильвестръ Балтскій — воспитанникъ покойнаго Ксеноса и единственный окружникъ изъ всѣхъ раскольническихъ мнимо-окружническихъ архіереевъ: его рѣчь есть въ сущности повтореніе того, что̀ говорится въ Окружномъ Посланіи Ксеноса о подчиненіи Богомъ поставленной власти. Онъ говорилъ. „Въ древлепрестольномъ градѣ Москвѣ *торжественно совершено священное коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ. Великое и важное значеніе имѣетъ чинъ царскаго вѣнчанія и священнаго мѵропомазанія*", и т. д. Все это хорошія рѣчи; но вотъ что̀ удивительно, — какъ произносящіе ихъ старообрядцы не поймутъ, что этими рѣчами они впадаютъ въ противорѣчіе самимъ себѣ и сами себя обличаютъ. Сильвестръ, да и самъ газетчикъ, и другіе старообрядцы называютъ совершонное въ древлепрестольномъ градѣ Москвѣ архипастырями православной церкви коронованіе Ихъ Величествъ „священнымъ" и таковымъ же совершонное ими мѵропомазаніе Государя Императора и Государыни Императрицы, т.-е. признаютъ эти священно-

дѣйствія православныхъ пастырей дѣйствительными и дѣйственными. Зачѣмъ же послѣ этого они чуждаются православной церкви и ея пастырей? Зачѣмъ признаютъ ихъ послѣднихъ лишенными благодати и всѣ совершаемыя ими священнодѣйствія и таинства, за исключеніемъ крещенія,— не дѣйствительными, лишенными освящающей силы, и именно таинство мѵропомазанія признаютъ подлежащимъ повторенію, какъ еретическое, принимая всѣхъ приходящихъ отъ грекороссійской церкви по второму чину. какъ приняли и самого митрополита Амвросія? Если священны и дѣйствительны царское вѣнчаніе и мѵропомазаніе, совершаемыя пастырями грекороссійской церкви, то и церковь сія съ ея пастырями есть церковь истинная, обладающая дарами благодати, а потому и отдѣляться отъ нея, какъ отдѣляются старообрядцы, значитъ творить грѣхъ раскола, тягчайшій изъ грѣховъ. А если, какъ отдѣлившіеся и отдѣляющіеся отъ грекоросійской церкви, они признаютъ ее не истинною, не святою и не освящающею, то какъ могутъ называть святыми совершонныя въ сей церкви вѣнчаніе и мѵропомазаніе Государя Императора и Государыни Императрицы? Ясно, что нынѣшніе старообрядцы съ своимъ Сильвестромъ впадаютъ въ противорѣчіе самимъ себѣ, равно какъ противорѣчатъ и своимъ предкамъ, которые были послѣдовательнѣе ихъ. Развѣ они не помнятъ, что ихъ предки, во время извѣстнаго бунта Никиты Пустосвята, хлопотали именно о томъ, чтобы не допустить вѣнчанія царей Іоанна и Петра царскимъ вѣнцомъ въ православной церкви, по исправленнымъ книгамъ? Въ дѣйствительности нынѣшніе старообрядцы, не исключая и Сильвестра, смотрятъ на совершонное православными архипастырями вѣнчаніе и мѵропомазаніе Ихъ Величествъ точно такъ же, какъ и предки; а священными назвали и называютъ ихъ не вправду, не придавая этому выраженію дѣйствительнаго его значенія, и чтобы только порисоваться своими мнимо-патріотическими чувствами. Ложь, всюду и во всемъ у нихъ ложь...

Новый примѣръ того, какъ раскольники, громко проповѣдуя о своихъ якобы патріотическихъ чувствахъ, въ то же самое время съ наглою дерзостію являются противниками и ослушниками Предержащей Власти, представляетъ напечатанная въ томъ же выпускѣ ихъ заграничной газеты статья подъ заглавіемъ: „Наша телеграмма“. Статья эта очень любопытна, и прежде всего потому, что въ ней сообщается очень любопытное извѣстіе. Оказывается, что по примѣру россійскихъ, и заграничные старообрядцы послали на Высочайшее имя поздравительную телеграмму 14-го мая, въ которой писали: „въ сей день,— день священнаго (!) коронованія Вашихъ Императорскихъ Величествъ, — мы присовокупляемся къ торжеству всѣхъ русскихъ подданныхъ и заодно съ ними молимъ всѣхъ Подателя, *да ниспошлетъ Онъ Всесвятый Духъ Свой на Ваши Императорскія Величества* и да хранитъ присно Россію Божественная Его Десница“. Не будемъ говорить, есть ли правда въ этомъ увѣреніи заграничныхъ раскольниковъ, будто они молились именно о томъ, чтобы Духъ Святый чрезъ совершаемыя пастырями грекороссійской церкви священнодѣйствія снизошелъ на Ихъ Величества, — объ этомъ они, конечно, не могли молиться, — въ телеграммѣ своей они говорятъ, очевидно, неправду, и не телеграмма ихъ важна для насъ, а важенъ отвѣтъ, какой они удостоились получить чрезъ посредство галацкаго консула. Приводимъ вполнѣ изъ раскольнической газеты этотъ знаменательный отвѣтъ:

По поводу поступившей на Высочайшее имя Государя Императора телеграммы Браиловскаго общества старообрядцевъ, пріемлющихъ священство Бѣлокриницкой іерархіи, съ выраженіемъ, по случаю священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, одушевляющихъ ихъ русскихъ чувствъ и молитвенныхъ благожеланій, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: выразить отправившимъ эту телеграмму удовольствіе за выраженныя въ оной ими русскія чувства. Выражая удовольствіе свое, *Его Императорское Величество не могъ не выразить*

и сожалѣнія о томъ, что русскіе люди не могутъ досель присоединиться въ молитвѣ ко всему стаду русской православной церкви и пребывать въ духовномъ единеніи и мирѣ со всѣми русскими людьми, подъ руководствомъ законной россійской іерархіи, сохраняя всѣ свои святые, отъ отцовъ и и дѣдовъ преданные, обряды.

Выраженное здѣсь Благочестивѣйшимъ Государемъ Императоромъ сожалѣніе, что старообрядцы, русскіе люди, не находятся „въ духовномъ единеніи и мирѣ со всѣми русскими людьми, подъ руководствомъ законной россійской іерархіи", когда имъ даже предоставлено „сохранять наслѣдованные отъ дѣдовъ и прадѣдовъ обряды", а предпочитаютъ іерархію незаконную, фальшивую, влекущуюся отъ бѣглаго греческаго митрополита, — это сожалѣніе, столь ясно выраженное Самимъ Великимъ Монархомъ Россіи, въ высшей степени важно и знаменательно, какъ относящееся не къ заграничнымъ только, но и ко всѣмъ россійскимъ старообрядцамъ, точно такъ же, какъ и первые, не находящимся подъ руководствомъ законной іерархіи, не пребывающимъ въ духовномъ единеніи со всѣми русскими людьми, а вмѣстѣ и съ Нимъ Самимъ, Первымъ изъ русскихъ людей, Верховнымъ Вождемъ и Отцомъ ихъ. о чемъ, по великому снисхожденію къ старообрядцамъ, Онъ не изволилъ напомнить имъ, но что̀ само собою разумѣется въ Его достопамятныхъ словахъ. Какъ же приняли старообрядцы это, съ высоты Престола обращенное къ нимъ, слово сожалѣнія? Что̀ отвѣтили на него? Если бы они дѣйствительно проникнуты были чувствомъ патріотизма, о которомъ постоянно кричатъ, они, конечно, пожелали бы доставить и доставлять возлюбленнѣйшему Государю не сожалѣніе, а радость, — поспѣшили бы войти въ духовное общеніе и съ Нимъ и со всѣмъ православнымъ русскимъ народомъ, вступить подъ руководство законной іерархіи, содѣлаться чадами православной россійской церкви, сохраняя даже свои любимые, отъ отцовъ и дѣдовъ наслѣдованные, обряды; или, по крайней мѣрѣ, сами глу-

боко скорбя о своемъ духовномъ отчужденіи отъ православнаго Царя, отъ православнаго русскаго народа, — словомъ отъ православной русской церкви, со всѣмъ подобающимъ вниманіемъ и безпристрастіемъ разсудили бы, за что̀ прервали они это духовное общеніе съ православіемъ, и особенно — законное ли то священство, которое они предпочитаютъ дѣйствительно законному, по увѣренію самого Русскаго Царя, — и разсудивши, прервали бы свое отчужденіе отъ православной русской церкви. А что̀ дѣлаютъ эти глаголемые патріоты? Въ своей заграничной газетѣ они доходятъ до такой неслыханно возмутительной дерзости, что вступаютъ въ препирательство съ Самимъ Русскимъ Вѣнценосцемъ, оспариваютъ справедливость словъ, произнесенныхъ съ высоты Престола...

Благочестивѣйшій Государь Императоръ выражаетъ старообрядцамъ *Свое* отеческое сожалѣніе, что они, Его же дѣти, не находятся въ духовномъ единеніи съ Нимъ, своимъ Отцомъ, и со всей Его семьей, „со всѣми русскими людьми, подъ руководствомъ законной іерархіи“. А старообрядцы, какъ непокорныя и грубыя дѣти, дерзко и нагло отвѣчаютъ своему Державному Отцу, что и они сожалѣютъ, но не о томъ, о чемъ жалѣетъ Онъ, — не о томъ, что состоятъ въ духовномъ разъединеніи съ Нимъ, своимъ Отцомъ, и съ своими братьями, православными русскими людьми, а о томъ, что Онъ, православный Царь, и всѣ православные россіяне не находятся въ единеніи съ ними, старообрядцами, подъ руководствомъ ихъ фальшивой іерархіи, при чемъ виновникомъ этого разъединенія объявляютъ съ неимовѣрной дерзостью Его Самого, Державнаго Отца Россіи, якобы дозволяющаго гоненія и преслѣдованія старообрядцевъ. „У кого, — отвѣчаютъ они, — не явится на душѣ скорбь, видя какъ въ Россіи русскихъ же людей гонятъ и преслѣдуютъ за религію ихъ единоплеменные и единокровные братья. Но неужели нѣтъ возможности скорбь замѣнить радостію? Намъ кажется, что одно только мощное слово Императора можетъ водворить

въ Россіи миръ и спокойствіе. Когда же русскіе (?) люди услышатъ это дорогое и святое слово, и когда прекратятся насилія и угнетенія, переносимыя старообрядцами?“ Итакъ, раскольники австрійскаго согласія въ отвѣтъ на выраженное Благочестивѣйшимъ Государемъ сожалѣніе о духовномъ ихъ отчужденіи отъ православнаго русскаго народа говорятъ, что Онъ Самъ виновникъ этого отчужденія, такъ какъ могъ бы однимъ своимъ мощнымъ словомъ прекратить „насилія и угнетенія“, якобы претерпѣваемыя ими! Сколько нужно безсовѣстности и дерзости, чтобы сказать,— и кому же? — такую наглую ложь, что будто старообрядцы претерпѣваютъ „насиліе и угнетеніе“ и что будто бы Тотъ, Кому они имѣютъ дерзость говорить это, могъ бы своимъ мощнымъ словомъ прекратить, но не прекращаетъ насиліе и угнетеніе? И есть ли смыслъ въ этомъ отвѣтѣ? Или, какой дѣйствительный смыслъ въ немъ заключается? Положимъ, что (не существующія) насиліе и угнетеніе будутъ уничтожены и расколу будетъ предоставлена полная свобода существовать, процвѣтать и разливаться по всему лицу русской земли. Что же произойдетъ тогда? И теперь вездѣ, гдѣ только могутъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ оскорбляющіе и притѣсняющіе православныхъ, старообрядцы сдѣлаются открытыми ихъ гонителями и тѣмъ усилять только въ средѣ русскаго народа раздѣленіе и взаимную непріязнь, а вовсе не водворятъ духовнаго единенія, которое будто бы можетъ быть достигнуто чрезъ дарованіе расколу полной свободы. Въ сущности (и это есть дѣйствительный смыслъ ихъ отвѣта) старообрядцы желаютъ и предлагаютъ, что бы Самъ православный Русскій Царь и весь православный русскій народъ, оставивъ законныхъ пастырей, приняли ихъ беззаконное священство: вотъ когда, по ихъ мнѣнію, прекратится то духовное разъединеніе въ русскомъ народѣ, о которомъ выразилъ сожалѣніе Державный Вождь русскаго народа...

Благочестивѣйшій Государь Императоръ, сожалѣя о томъ, что старообрядцы „не могутъ доселѣ присоединиться

въ молитвѣ ко всему стаду русской православной церкви", напомнилъ имъ, что возможность этого „присоединенія" для нихъ облегчена, такъ какъ имъ дозволено „сохранять всѣ свои *святые* отъ отцовъ и дѣдовъ преданные обряды". А старообрядцы, не обращая вниманія на смыслъ этого милостиваго напоминанія, остановившись на одномъ только употребленномъ здѣсь словѣ „святые", съ возмутельной дерзостью возражаютъ Ему: да, обряды наши святы; „но сколько за эти святые обряды повѣшали и пожгли невинныхъ жертвъ? Какія ужасныя ругательства, клятвы, анаѳемы гремѣли на эти святые обряды! И кто же во всемъ этомъ виноватъ?" и т. д. Сколько разъ и съ какою ясностію было доказано старообрядцамъ, что за вѣру и обряды никогда у насъ не жгли и не вѣшали, что клятвамъ и и анаѳемамъ обрядовъ никто не подвергалъ, что всѣ вопіянія ихъ объ этихъ казняхъ за вѣру и проклятіяхъ на обряды, — ложь, придуманная раскольниками! И однако эту ложь они повторяютъ снова, — и когда же и Кому? Отвѣчая на милостивыя слова, обращенныя къ нимъ съ высоты Пр'естола, — повторяютъ самому Державному Повелителю Россіи! Да еще спрашиваютъ Его: кто во всемъ этомъ виноватъ? Такова ихъ наглость и дерзость!

Благочестивѣйшій Государь Императоръ выражаетъ старообрядцамъ сожалѣніе, что они не состоятъ вмѣстѣ со всѣми русскими людьми „подъ руководствомъ законной россійской іерархіи". А они съ неимовѣрной дерзостью возражаютъ Русскому Царю, что іерархія, которую Онъ называетъ законной, а съ нею и сама церковь россійская, совсѣмъ не законныя. Они говорятъ: „Вся законность русской іерархіи, о которой такъ громко кричатъ старообрядцамъ (Кто кричитъ? — вамъ говорится это съ высоты Престола!), заключается въ одномъ свѣтскомъ чиновникѣ, который есть дѣйствительный глава русской церкви, ибо русскіе архіереи ему такъ послушны, какъ школьники учителю... Церковь русская, находясь подъ управленіемъ хищныхъ, корыстолюбивыхъ, въ большинствѣ(?) невѣрую-

щихъ въ Бога(?) Сѵнодскихъ чиновниковъ, ничуть не имѣетъ сходства съ церковію Христовою..." Но приводить всѣ изрыгнутыя здѣсь лжи и клеветы на православную церковь, противно и неприлично; достаточно замѣтить, что раскольническій газетчикъ дошелъ здѣсь до помраченія смысла и утверждаетъ, что будто бы императоръ Петръ I назначилъ вмѣсто патріарха—„кавалерійскаго генерала г. Протасова предсѣдателемъ Сѵнода"[1]). А въ заключеніе дерзко спрашиваетъ сожалѣющаго объ отдѣленіи старообрядцевъ отъ законной россійской іерархіи Государя Императора: „Отъ какой же законной россійской іерархіи отдѣляются старообрядцы? Отъ Сѵнода, похожаго на еврейскій синедріонъ, или аѳинскій языческій ареопагъ? Это ли апостольская истинно православная церковь?"

Итакъ, называющіе себя не только вѣрноподданными, но и самыми вѣрными, самыми покорными и преданными Верховной Власти русскими людьми, наши старообрядцы, въ своемъ заграничномъ органѣ, печатно и публично, съ неслыханной на Руси дерзостью, отвергаютъ справедливость милостиво обращенныхъ къ нимъ съ высоты Престола несомнѣнно справедливыхъ словъ, являются противниками и возражателями Самому Державному Владыкѣ русской земли, дерзаютъ обличать Его въ неправдѣ, въ отвѣтъ на Его милостивое слово, приглашающее ихъ „подъ руководство законной россійской іерархіи", осыпаютъ неприличнѣйшей бранью и клеветой эту, названную Имъ законной, іерархію, и только за то, что Онъ же Самъ будто бы подчинилъ ее свѣтскому чиновнику и свѣтскаго чиновника сдѣлалъ главою церкви, которая потому уже и не есть апостольская, истинно-православная... Не станемъ говорить сколько лжи во всемъ этомъ; не станемъ говорить и о томъ, что эту ложь изрыгаютъ люди, сами подчиняющіеся такой іерархіи, которая явилась только пятьдесятъ лѣтъ тому

---

1) Въ подтвержденіе этой несообразности сдѣлана слѣдующая ссылка: См. Два письма прот. І. Васильева. С.-Пб. 1861 г., стр. 3.

назадъ, основана купленнымъ за деньги, позорно бѣжавшимъ въ казачьемъ платьѣ отъ своего патріарха греческимъ митрополитомъ, преступно отрекшимся отъ православной церкви, и что представители этой жалкой, фальшивой іерархіи, — всѣ эти Савватіи, Кириллы, Силуаны находятся въ полномъ подчиненіи у богачей-раскольниковъ, разныхъ Морозовыхъ, Гусевыхъ и прочихъ, безъ воли которыхъ ничего не смѣютъ дѣлать и которые стоятъ во главѣ именуемой старообрядческой церкви, составляютъ всю ея силу. Не будемъ говорить обо всемъ этомъ, — мы хотѣли только показать, какова въ дѣйствительности вѣрноподданническая преданность Русскому Государю нашихъ именуемыхъ старообрядцевъ, о которой такъ любятъ кричать они, выставляя себя лучшими, наиболѣе патріотичными изъ русскихъ людей. Въ своемъ заграничномъ литературномъ органѣ они показали намъ съ полной откровенностью, что дѣйствительно составляютъ исключеніе изъ русскихъ людей: православный русскій народъ съ благоговѣніемъ внимаетъ каждому слову, изрекаемому съ высоты Престола, каждое слово Монарха, къ нему обращенное, чтитъ какъ слово правды и закона; старообрядцы же, напротивъ, не только не признаютъ важности царскаго слова, даже прямо къ нимъ обращеннаго, но и выступаютъ съ дерзкими возраженіями противъ него, дозволяютъ себѣ (страшно сказать!) обличать его въ неправдѣ, сами не стѣсняясь при этомъ говорить всякую ложь и клевету... Это есть, надобно полагать, особаго рода раскольническій патріотизмъ, раскольническая преданность и покорность Предержащей Власти! Но православный русскій народъ не знаетъ такого патріотизма и такой покорности: поэтому раскольники составляютъ дѣйствительно исключеніе изъ русскаго народа. Г-нъ Мельниковъ, пользуясь заграничной свободой, которую такъ восхваляетъ, показалъ намъ въ настоящемъ свѣтѣ, во всей его наготѣ, пресловутый раскольническій патріотизмъ. Не знаемъ только, будутъ ли благодарны ему разные г-да Морозовы за такую откровенность...

10. Новая попытка окружниковъ къ примиренію съ неокружниками. — Примѣръ господствующаго въ австрійскомъ расколѣ безчинія и безначалія.

Въ замкнутую, а теперь почему-то и еще болѣе замкнувшуюся, внутренюю жизнь раскола могутъ нѣсколько ввести читателей недавно полученные нами документы, изданные самимъ раскольническимъ владыкою — Савватіемъ: это 1) примирительное посланіе его къ противуокружникамъ и 2) его бранная грамота къ одному окружническому обществу, дерзнувшему просить его о прекращеніи происходящихъ въ семъ обществѣ безпорядковъ и безобразій. Ниже мы печатамъ вполнѣ оба эти документа, съ приложеніемъ къ послѣднему и вызвавшихъ его жалобныхъ просьбъ отъ общества окружниковъ; но прежде считаемъ не излишнимъ сказать нѣсколько словъ объ ихъ содержаніи и значеніи.

Въ свое время мы довольно подробно говорили о предпринятыхъ Савватіемъ, конечно, по внушенію его пѣстуновъ, попыткахъ примиренія съ противуокружниками, привели и самыя грамоты, которыми обмѣнялись по сему случаю раскольническіе лжеепископы того и другого толка. Не смотря на то, что въ этихъ попыткахъ принялъ свое мощное для раскола участіе самъ архивладыка всѣхъ раскольническихъ владыкъ г-нъ Арсеній Морозовъ, лично присутствовавшій на собраніи окружниковъ и противуокружниковъ, даже принимавшій участіе въ происходившихъ между ними преніяхъ, онѣ кончились полнымъ неуспѣхомъ для окружниковъ: неокружническіе епископы не только не приняли предлагаемаго мира, но и обличили лукавство и непослѣдовательность предлагавшихъ оный окружническихъ дѣльцовъ. Теперь, какъ видно, дѣльцы эти потеряли всякую надежду на успѣхъ личныхъ сношеній съ противуокружническими епископами и рѣшились дѣйствовать на нихъ чрезъ посредство ихъ собственныхъ паствъ, самихъ противуокружническихъ обществъ, — именно при-

думали, чтобы Савватій написалъ нѣчто въ родѣ окружнаго примирительнаго посланія къ этимъ обществамъ. И 31 августа настоящаго года онъ дѣйствительно подписалъ, сочиненное, какъ видно по всему, тѣмъ же Бриліантовымъ посланіе „возлюбленнымъ чадомъ о Христѣ находящимся въ раздѣленіи съ нимъ и состоящимъ подъ паствою епископовъ Іова, Іосифа и проч.“

Новое произведеніе Бриліантова, какъ и прежде сочиненное имъ посланіе Савватіево къ самимъ епископамъ неокружническимъ, начинается сладкорѣчивыми разглагольствіями о заповѣданной въ Евангеліи любви къ Богу и ближнему. Затѣмъ во имя сей любви приглашаются возлюбленныя чада Савватія, состоящія однако подъ отеческою паствою Іова и Іосифа, „содѣйствовать общему миру,“ „просить своихъ пастырей“, которые два года тому назадъ тщетно приглашаемы были къ общему миру, чтобы пастыри сіи „вошли съ нимъ, Савватіемъ, въ переговоры (?), дабы этимъ путемъ достинуть общаго мира и положить предѣлъ враждѣ“. Но чѣмъ нарушенъ миръ и что̀ нужно, чтобы прекратить вражду, равно какъ о чемъ должны быть перговоры? — все это, т.-е самое существенное, въ грамотѣ Савватія обойдено полнымъ молчаніемъ; нѣтъ въ ней ни слова ни объ Окружномъ Посланіи — роковой причинѣ раздора, ни о томъ, согласны ли окружники предать это Посланіе полному уничтоженію и проклятію, а за бывшее послѣдованіе оному подчинить себя извѣстному чинопріятію, каковое условіе примиренія было уже поставлено неокружниками и, разумѣется, вновь поставлено будетъ на предлагаемыхъ „переговорахъ“. Бриліантовъ и его „владыка“ умолчали о всемъ этомъ съ лукавымъ намѣреніемъ — удобнѣе подѣствовать на своихъ „возлюбленныхъ чадъ“, состоящихъ подъ паствою Іосифа и Іова, сладкими рѣчами о мирѣ и любви; но они слишкомъ наивны, если думаютъ, что противуокружники не поймутъ ихъ лукавства, прельстятся ихъ рѣчами и дѣйствительно станутъ умолять своихъ „пастырей“ во что бы то ни стало заключить миръ съ окружниками.

Нѣтъ сомнѣнія, что и новая мирная грамота Савватія не приведетъ къ миру, а останется только новымъ свидѣтельствомъ глубокаго, неискоренимаго раздора въ нѣдрахъ такъ называемой австрійской іерархіи.

Для насъ посланіе Савватія любопытно въ томъ отношеніи, что сочинитель его, желая доказать противуокружникамъ незаконность ихъ отдѣленія отъ окружниковъ, пользуется (совершенно неудачно, какъ увидимъ далѣе) тѣми самыми доказательствами, какія обыкновенно приводятъ православные миссіонеры въ обличеніе незаконности отдѣленія старообрядцевъ отъ православной церкви, какъ бы невольно признавая такимъ образомъ силу этихъ доказательствъ.

Наши миссіонеры указываютъ въ раздѣленіи раскола на многіе враждебные одинъ другому толки ясный признакъ ложности именуемой старообрядческой церкви и прямое послѣдствіе отдѣленія старообрядцевъ отъ единой истинной церкви Христовой: окружникъ, подражая имъ, также указываетъ противуокружникамъ на существующія у нихъ раздѣленія, какъ на свидѣтельство ихъ гибельнаго положенія въ отдѣленіи отъ окружнической церкви: „Хорошо ли нѣкоторые изъ васъ называютъ себя Іовцами, а иные Іосифовцами... а нѣкоторые считаютъ себя уже Михаиловцами“. Если Савватій и всѣ мнимые окружники признаютъ дѣломъ нехорошимъ раздѣленіе противуокружниковъ на Іовцевъ, Іосифовцевъ, Михаиловцевъ, то они должны согласиться, что вполнѣ справедливо православные указываютъ свидѣтельство бѣдственнаго положенія раскола въ его раздѣленіи на поповщину и безпоповщину, потомъ на бѣглопоповцевъ и австрійцевъ, окружниковъ и неокружниковъ, поморцевъ, ѳедосѣевцевъ, филипповцевъ и т. д. Если бы имъ и удалось не только прекратить раздѣленіе въ толкѣ противуокружниковъ, но достигнуть даже и примиренія съ ними, возстановить единство въ австрійской іерархіи (чего впрочемъ никогда не достигнутъ они), и въ такомъ случаѣ, признанное ими самими справедливымъ, указаніе

явнаго зла въ раздѣленіи на толки, будучи предлагаемо православнымп въ примѣненіп къ расколу, — будетъ имѣть полную силу, пбо и тогда въ расколѣ останется раздѣленіе на поповцевъ и безпоповцевъ, потомъ первыхъ на бѣглопоповцевъ и австрійцевъ, а послѣднихъ на ихъ безчпсленные толки.

Православные миссіонеры всегда спрашиваютъ старообрядцевъ, за что они отдѣлились и отдѣляются отъ церкви, за какую ересь якобы принятую и проповѣдуемую ею, — требуютъ указать ее, и такъ какъ въ теченіе двухъ слишкомъ столѣтій старообрядцы никакой дѣйствительной ереси за церковію не указали и доселѣ указать не могутъ, то православные и объявляютъ съ полной основательностью, что отдѣленіе старообрядцевъ отъ церкви не законно, есть именно расколъ, тягчайшій, непростительный грѣхъ. И должно сказать, что это есть первое, самое главное и важное со стороны православія предъявленіе противъ раскола. Подражая православнымъ, и окружники устами Савватія, въ его грамотѣ, или что то же, устами Бриліантова, сочинителя грамоты, спрашиваютъ противуокружниковъ: „За какую ересь вы дѣлитесь съ нами? Если вы дѣлитесь съ нами за ересь, то пусть пастыри ваши покажутъ намъ, какого еретика мы ересь содержимъ и на какомъ святомъ соборѣ тотъ еретикъ былъ осужденъ... Прошло съ тѣхъ поръ, какъ вы чуждаетесь нашего общенія, 34 года, а до сихъ поръ ни вы, ни пастырп ваши не указали за нашею (!) церковію ни одной осужденной св. соборами ереси... Враждовать же и раздирать союзъ церкви безъ указанія ереси жестокій грѣхъ по ученію св. Іоанна Златоуста“. Полное подражаніе православнымъ миссіонерамъ! Но подражаніе крайне неудачное. Православные миссіонеры могутъ такъ спрашивать старообрядцевъ и имѣютъ право утверждать, что никакой дѣйствительной ереси, никакого отступленія отъ евангельскаго, апостольскаго и святоотеческаго ученія, старообрядцы не указали въ православной церкви; а указали только, какъ на ересь, какъ на измѣненіе догма-

товъ вѣры, на употребленіе имени *Іисусъ* вмѣсто *Ісусъ*, на признаніе четвероконечнаго креста равночестнымъ осмиконечному, и вообще на измѣненіе обрядовъ, которымъ придали значеніе догматовъ вѣры, явившись такимъ образомъ изобрѣтателями и проповѣдниками новыхъ догматовъ, не проповѣданныхъ ни Христомъ, ни Апостолами, ни святыми отцами. Окружники же вовсе не имѣютъ права говорить противуокружникамъ, будто эти послѣдніе въ теченіи 34 лѣтъ не указали и не могутъ указать за ними никакой ереси, и совсѣмъ напрасно требуютъ такого указанія, такъ какъ противуокружники могутъ указать и многократно указывали имъ, за что̀ считаютъ ихъ еретиками, какія находятъ у нихъ отступленія отъ содержимой раскольниками вѣры, составляющія съ *общей имъ* раскольнической точки зрѣнія дѣйствительную ересь. Они съ полнымъ правомъ могутъ сказать окружникамъ: „Знайте прежде всего, что не мы отъ васъ, а вы отъ насъ отдѣлились, а потому и спрашивать насъ о причинахъ нашего отъ васъ отдѣленія не можете. Мы остались вѣрными послѣдователями нашей древлеотеческой вѣры, а вы отступили отъ нея; мы неприкосновенно содержимъ догматы, заповѣданные намъ нашими первоучителями — Аввакумомъ, Лазаремъ, Никитою и прочими, — твердо вѣруемъ, что *Іисусъ* есть иной богъ, воспроповѣданный Никономъ, что крестъ четвероконечный есть печать антихриста; а вы отступили отъ этой вѣры, нарушили эти догматы, заповѣданные нашими отцами и первоучителями, проповѣдуете въ вашемъ Окружномъ Посланіи, что Іисусъ не есть иной богъ, а тотъ же самый Ісусъ — Сынъ Божій, что крестъ четвероконечный не есть печать антихриста, а достоинъ благоговѣйнаго почитанія. Вотъ ваши ереси, за которыя мы не допускаемъ и не допустимъ васъ къ общенію съ нами, пока не откажетесь отъ нихъ, пока не принесете предъ нами покаянія и не подчинитесь законной исправѣ“. Что̀ отвѣтятъ окружники на эти, съ раскольнической точки зрѣнія вполнѣ основательныя, предъявленія? Отвѣтъ можетъ

быть одинъ изъ двухъ, — нужно будетъ или признать ученіе предковъ, основателей и первоучителей раскола, ложнымъ и нечестивымъ, т.-е. осудить расколъ и признать его повиннымъ предъ православною церковію, или отказаться отъ противнаго догматамъ предковъ ученія, изложеннаго въ Окружномъ Посланіи (именно отъ ученія, а не отъ самаго Посланія, какъ письменнаго акта), самимъ сдѣлаться противуокружниками и принести покаяніе предъ ихъ владыками. На первое, что̀ именно слѣдовало бы сдѣлать, Савватій, Бриліантовъ и прочіе, разумѣется, не рѣшатся; скорѣе согласились бы они на послѣднее, если бъ не имѣли справедливаго опасенія, что не всѣ же за ними послѣдуютъ, что есть же и искренніе окружники, и слѣдовательно раздѣленіе въ австрійскомъ раскольническомъ толкѣ и тогда не прекратится. Да, оно не прекратится, какія бы грамоты и сколько бы ихъ ни издавалъ Савватій, ибо вражда и раздоръ таятся въ самомъ расколѣ, какъ его существенная принадлежность.

Въ разсматриваемомъ посланіи Савватія есть упоминаніе объ одномъ любопытномъ событіи, недавно случившемся. Указывая на то, что у противуокружниковъ явился еще новый отдѣлъ — Михаиловцевъ, онъ пишетъ: „Это потому такъ происходитъ, что епископъ Іовъ признаетъ епископа Михаила за бендерскій-миръ съ Іосифовцами еретикомъ, а за принятіе братій нашихъ (?!) лужковцевъ въ свое общество безъ чина, предалъ его анаѳемѣ. (См. письмо еп. Іова къ еп. Михаилу отъ 11 іюня 7404 лѣта)“. О бендерскомъ мирѣ Михаила съ Іосифомъ у насъ было говорено; любопытно собственно это извѣстіе о случившемся въ нынѣшнемъ году принятіи Михаиломъ лужковцевъ безъ чина, за что̀ Іовъ предалъ его анаѳемѣ. Что это за „братія-лужковцы“, которыхъ Савватій не называлъ по имени? Лужковцы, какъ извѣстно, изъ всей бѣглопоповщины особенно близки по своему ученію о православной церкви къ безпоповцамъ,— они истые послѣдователи первыхъ расколоучителей: не странно ли, что бѣглопоповцевъ, да еще такихъ, какъ лужковцы, Савватій называетъ своими братіями? Они

скорѣе братія противуокружниковъ по своимъ понятіямъ о церкви, совершенно противнымъ изложенному въ Окружномъ Посланіи ученію, и потому-то, конечно, Михаилъ принялъ ихъ „безъ чину“, какому, надобно полагать, не премѣнно подвергъ бы окружниковъ. Но не всѣ лужковцы перешли подъ паству Михаила, а лишь нѣсколько человѣкъ, и притомъ лица, имѣющія въ нѣкоторомъ отношеніи историческое значеніе у нынѣшнихъ раскольниковъ, почему и не излишне было Савватію назвать ихъ. Онъ не назвалъ ихъ, вѣроятно, потому, что ихъ присоединеніе къ противуокружникамъ было ударомъ, горькимъ посрамленіемъ для мнимыхъ окружниковъ: назвавъ ихъ, онъ именно посрамилъ бы себя и своихъ дѣйствительныхъ „братій“. Читатели помнятъ о предпринятой по почину Гусева и Мельникова поѣздкѣ раскольнической депутаціи въ Царьградъ для справокъ объ Амвросіи и о крещеніи у грековъ, — помнятъ, что поѣздки эти предприняты были съ цѣлью перевести лужковцевъ, а если можно и всероссійскихъ бѣглопоповцевъ въ австрійское согласіе, и именно подъ паству Анастасія, Савватія и прочихъ окружническихъ владыкъ. Въ депутаціи участвовали и сами лужковцы — Малковъ, Бобровъ, Соловьевъ, о которыхъ не однократно мы упоминали. Послѣ этой поѣздки Ефимъ Мельниковъ съ сыновьями, вспомоществуемый Гусевымъ и своимъ владыкой Анастасіемъ, употребляли всѣ усилія перетянуть къ себѣ лужковцевъ и надѣялись на успѣхъ, веселя этою надеждою и владыку Савватія. И вотъ въ нынѣшнемъ году названные представители лужковцевъ, столь извѣстные въ расколѣ, дѣйствительно переходятъ въ австрійское согласіе; но, увы, не подъ паству Анастасія и Савватія, не въ окружники, а въ противуокружники, подъ паству Михаила, который, живя неподалеку отъ нихъ, на хуторѣ Дроздѣ, успѣлъ лучше Анастасія и Мельникова расположить ихъ къ себѣ и принялъ безъ всякой исправы, какъ людей, по своимъ убѣжденіямъ совершенно единомысленныхъ противуокружникамъ, почему и они сами питали

больше расположенія къ этимъ послѣднимъ. Итакъ переходъ Малкова съ товарищами изъ бѣглопоповства въ австрійщину есть въ сущности пораженіе и посрамленіе окружниковъ; а что отсюда возникло въ средѣ противуокружниковъ новое раздѣленіе, новый толкъ Михаиловцевъ, это не утѣшеніе для Савватія и окружниковъ, — это служитъ только новымъ свидѣтельствомъ непрекращаемаго раздора въ австрійской іерархіи, и никакія грамоты Савватія, сколько и какъ бы сладкорѣчиво ни писалъ ихъ Бриліантовъ, не помогутъ этому злу, потому что оно, повторяемъ, истекаетъ изъ самаго существа раскола.

А между тѣмъ какъ Савватій и его совѣтники и руководители хлопочутъ о примиреніи съ неокружниками, поютъ имъ сладкія рѣчи о любви христіанской, въ ихъ собственной средѣ, въ обществѣ окружниковъ, происходятъ вопіющіе безпорядки, ссоры и раздоры, самоуправство богатыхъ и сильныхъ въ расколѣ людей, при чемъ Савватій не только не заботится о воздвореніи мира и любви, не только не обуздываетъ управляющихъ раскольническими церковными дѣлами богачей и наглецовъ, но и самъ, какъ находящійся въ полномъ у нихъ подчиненіи, потворствуетъ ихъ самоуправству, а на угнетаемыхъ ими собственныхъ своихъ чадъ мещетъ громы своего архипастырскаго гнѣва и едва не проклятій. Наглядное понятіе объ этихъ неурядицахъ въ обществѣ окружниковъ даетъ намъ дѣло липинскихъ старообрядцевъ, изложенное въ трехъ относящихся къ нему документахъ, которые печатаются ниже.

Въ деревнѣ Липки, Сычевскаго уѣзда, Смоленской губ., у старообрядцевъ есть дозволеный правительствомъ, издавна существующій, молитвенный домъ, къ которому причислены и старообрядцы окрестныхъ селеній, составляющіе цѣлое липинское старообрядческое общество. Молитвеннымъ домомъ 26 лѣтъ завѣдывалъ безконтрольно мѣстный воротила-раскольникъ, нѣкій Сорокинъ, предъ коимъ все и всѣ преклонялись, начиная съ Савватія, — онъ по своему произволу прогонялъ поповъ, и Савватій давалъ ему

новыхъ, часовенными деньгами и дѣлами распоряжался, какъ хотѣлъ, никому не давая отчета,— словомъ, дѣлалъ, что̀ ему угодно. Общество долго терпѣло; но потомъ и его терпѣніе стало истощаться, когда Сорокинъ, въ ноябрѣ прошлаго года прогналъ угоднаго имъ попа Іосифа Смирнова, а Савватій прислалъ новаго, нѣкоего Павла, и этотъ новый попъ началъ творить во всемъ волю Сорокина. Общество нѣсколько разъ обращалось къ Савватію съ просьбой, чтобы возратилъ имъ Іосифа, и все понапрасну: „мы остаемся въ обидѣ отъ васъ, — пишутъ они Савватію,— сколько разъ сами ѣздили и просьбы писали, но всѣ дѣла наши не исполняются, а попираются, а Сорокинъ, если пожелаетъ каждую недѣлю поповъ мѣнять, и то ему все можно“. Наконецъ Сорокинъ позволилъ себѣ такое самоуправство, что общество потеряло уже всякое терпѣніе. Онъ распорядился, чтобы въ „поминовенную субботу“ попъ Павелъ служилъ не въ стѣнахъ моленной, а на кладбищѣ, въ облаченіи, на что̀ и этотъ послѣдній охотно согласился въ тѣхъ расчетахъ, чтобы вмѣстѣ съ Сорокинымъ раздѣлить доходъ за панихиды, ничего не внося на моленную. Общество просило попа, чтобы этого не дѣлалъ; но попъ не послушалъ общество, а исполнилъ желаніе Сорокина,— въ облаченіи публично, не въ стѣнахъ моленной, отправилъ службы на кладбищѣ. Это противозаконное дѣйствіе не укрылось отъ полиціи, и возникло дѣло, угрожающее закрытіемъ моленной. Тогда, выведенное изъ терпѣнія, общество объявило попу, что болѣе не нуждается въ немъ и не допуститъ его въ молитвенный домъ. Угроза не подѣйствовала, — попъ и Сорокинъ даже рады, что будутъ служить не въ моленной, а въ своихъ домахъ,— говорятъ: „много полезнѣе и доходнѣе будетъ“! Такъ они и поступаютъ, — тѣхъ, „которые Сорокину противорѣчили“, попъ отлучаетъ отъ церкви, не ходитъ къ нимъ съ требами, такъ что нѣкоторымъ пришлось и умереть безъ покаянія. Находясь въ такомъ печальномъ положеніи, общество снова обратилось къ Савватію съ просьбою — возвратить

имъ прежняго ихъ попа Іосифа, удаленнаго по волѣ Сорокина.

Такова сущность дѣла, какъ оно излагается въ прошеніяхъ Липинскаго общества старообрядцевъ къ Савватію и къ „Братству московскаго старообрядческаго духовнаго общества“, къ которому они также нашли нужнымъ обратиться, должно быть не разсчитывая на благосклонность и справедливость Савватія. И они не ошиблись. Савватій не только не обратилъ вниманія на самоуправства Сорокина, но и прямо сталъ на его сторону; не только не внялъ слезнымъ прошеніямъ своихъ духовныхъ овецъ, но и осыпалъ ихъ укоризнами и бранью. Онъ пишетъ: „Вы, какъ стая хищныхъ и кровожадныхъ волковъ, или звѣрей напали на священника и діакона“... „У васъ врываются во святая святыхъ шайка кровожадныхъ и хищныхъ волковъ и бьютъ тамъ клириковъ, подобно кровожаднымъ жидамъ, убившимъ Захарію между церковію и олтаремъ“... „Вы люди жестокіе и коварные, сожженной совѣсти, не имѣете вѣры ни въ Бога, ни въ святую церковь, ни въ Евангеліе, ни страха Божія“... „Вы невѣры и изверги, способные на всякое преступленіе и отступленіе отъ вѣры, а можетъ быть и отъ Христа“... и т. д. Въ заключеніе Савватій объявляетъ просителямъ, что „не только не находитъ нужнымъ и полезнымъ перевести къ нимъ прежняго попа Іосифа, „но и на будущее время не можетъ принимать отъ нихъ никакихъ прошеній, ни заявленій“, т.-е. отдаетъ ихъ во власть Сорокину.

Не знаемъ, есть ли правда въ словахъ Савватія, что липинскіе старообрядцы напали на попа и дьякона, били ихъ даже въ олтарѣ, или онъ повторяетъ клевету на нихъ, выдуманную Сорокинымъ. Но если владыка — Савватій говоритъ правду, то онъ только дополняетъ картину безпорядковъ и безобразій, господствующихъ въ австрійскомъ расколѣ и изображаемыхъ самими старообрядцами въ ихъ прошеніяхъ. Попы, изъ страха и корысти исполняющіе волю самодура-раскольника, оставляютъ своихъ прихожанъ

даже умирать безъ покаянія и напутствія, прихожане, не довольные такими попами, дозволяютъ себѣ бить ихъ даже въ молитвенномъ домѣ, а надъ тѣми и другими царитъ этотъ гордый, властолюбивый и мелко-тщеславный богачъ-раскольникъ, предъ которымъ преклоняются не только попы, но и сами владыки въ безпрекословномъ подчиненіи: вотъ что̀ творится въ расколѣ, въ австрійской іерархіи, которую иные борзописцы готовы поставить даже въ примѣръ православной! И всѣ эти безобразія прямое послѣдствіе отдѣленія старообрядцевъ отъ истинной церкви Христовой, характеристическая принадлежность раскола, – все это плоды по роду его. Прошлый разъ мнѣ говорили, что заграничный раскольническій газетчикъ, выражая господствующее въ расколѣ мнѣніе, указалъ, какъ на главное обвиненіе противъ православной церкви, на то, что она якобы управляется не духовными пастырями, а свѣтскимъ лицомъ, поставленнымъ отъ Царя сановникомъ, который будто бы и есть ея глава. Относительно православной церкви это обвиненіе явная неправда; а относительно раскола дѣйствительно слѣдуетъ сказать, что въ немъ именуемою старообрядческою церковію правятъ не духовные ея пастыри, а разные купцы, имѣющіе достаточно толстый карманъ и достаточно наглый характеръ, что во главѣ ея стоятъ не Савватіи и Сильвестры, а помыкающіе ими разные Морозовы, Гусевы, Сорокины, въ чемъ по справедливости можно указывать одинъ изъ признаковъ ложности именуемой старообрядческой церкви, одинъ изъ характерныхъ признаковъ раскола. Если, какъ свидѣтельствуютъ сами старообрядцы, даже деревенскій міроѣдъ-Сорокинъ „можетъ каждую недѣлю мѣнять поповъ“, то что же „можетъ“ самъ Арсеній Ивановичъ Морозовъ, предъ которымъ какой-то Сорокинъ совершенное ничтожество? Если изъ угожденія Сорокину владыка-Савватій осыпаетъ бранью и угрозами цѣлое общество старообрядцевъ и не хочетъ слушать никакихъ просьбъ ихъ, то чего онъ не сдѣлаетъ для самого Арсенія Ивановича — главы всѣхъ главъ старообрядческой церкви?...

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) Савватіево примирительное посланіе къ противоокружникамъ.

Аще убо хощемъ духа наслаждатися иже отъ главы другъ друга держимся (бес. на посл. къ Ефес. л. 1692).

Старообрядческаго архіепископа Савватія Московскаго возлюбленнымъ чадомъ о Христѣ, находящимся нынѣ съ нами въ раздѣленіи и состоящимъ подъ паствою епископовъ Іова, Іосифа и проч.

о Господѣ радоватися.

Долгъ пастырства обязываетъ наше смиреніе опять напомянуть вамъ, возлюбленныя чада, что для спасенія человѣческой души необходимо должно соблюсти двѣ главнѣйшія заповѣди Христа Спасителя: любить Бога и ближняго: въ сію обою заповѣдію, глаголетъ Господь, весь законъ и пророцы висятъ (Матѳ. зач. 92).

Но эта святая любовь проявляется въ насъ, конечно, не просто и не случайно, составляетъ же свою любовь въ насъ Богъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ учитель языковъ (къ Римл. зач. 88). А кто пребываетъ въ этой любви, тотъ по ученію наперсника Христова въ Бозѣ пребываетъ и Богъ въ немъ пребываетъ (1-е посл. Іоан. зач. 73).

Какое блаженство открываетъ человѣку любовь! Чтобы достигнуть этой св. любви между нами и вами, наше смиреніе и братія моя два года тому назадъ приглашали вашихъ пастырей къ общему миру, чтобы едиными усты и единѣмъ сердцемъ вкупѣ славить Господа нашего Іисуса Христа. Нашъ призывъ пока не достигъ еще добраго и желаннаго нами братскаго единенія. Такимъ образомъ, напомнивъ вамъ о любви къ Богу и ближнему, наше смиреніе проситъ всѣхъ содѣйствовать общему миру.

Просите и вы пастырей вашихъ войти съ нами въ переговоры, дабы этимъ путемъ достигнуть братскаго мира и положить предѣлъ враждѣ. Хорошо ли враждовать! Хорошо ли дѣлиться! Хорошо ли нѣкоторые изъ васъ называютъ себя Іовцами, а иные Іосифовцами? А при-

помните, какъ жестоко писалъ св. апостолъ Павелъ противъ тѣхъ коринѳянъ, которые именовали себя: Павловъ, Аполлосовъ, Кифинъ! Не запретилъ ли онъ имъ это и не сказалъ ли: вы же Христовы (т.-е. къ Коринѳ. зач. 129)? А между тѣмъ эти именованія въ вашихъ обществахъ не только не убавляются, но, наоборотъ, нѣкоторые считаютъ себя уже Михайловцами.

А это потому такъ происходитъ, что епископъ Іовъ признаетъ епископа Михаила за бендерскій миръ съ Іосифовцами еретикомъ. А за принятіе братій нашихъ „лужковцевъ“ въ свое общество „безъ чина“ предалъ его анаѳемѣ (Смотри письмо еп. Іова къ епископу Михаилу отъ 11 іюня 7404 лѣта).

Гдѣ же здѣсь братская любовь?

А позвольте васъ спросить, за какую ересь вы дѣлитесь между собою? или больше спрошу васъ, за какую вы ересь дѣлитесь съ нами?

Если вы дѣлитесь съ нами за ересь, то пусть пастыри ваши скажутъ намъ, какого еретика мы ересь содержимъ и на какомъ св. соборѣ тотъ еретикъ былъ осужденъ? И скажутъ это пусть не просто и не голословно, но со свидѣтельствомъ священнаго или святоотеческаго Писанія, ибо голословныя обвиненія не пріемлются, потому во св. Евангеліи сказано: „при двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ“ (Матѳ. зач. 75).

Прошло съ тѣхъ поръ, какъ вы чуждаетесь нашего общенія, 34 года, а до сихъ поръ ни вы ни пастыри ваши точно, опредѣленно, со свидѣтельствомъ св. Писанія, не указали за нашею церковію ни одной осужденной св. соборами ереси. А это потому случилось, что наша св. церковь никакой ереси не содержитъ и не проповѣдуетъ. А за ересь ли произошло ваше дѣленіе со св. церковію? нѣтъ и нѣтъ! Враждовать же и раздирать союзъ церкви безъ указанія ереси - жестокій грѣхъ, по ученію св. Іоанна Златоуста: еже въ ересь впасти, и еже церковь раздрати, не меньшее есть зло (11-е прав. на посл. къ Ефес., л. 1695). Такъ стоитъ ли дожидаться этого зла раздора, стоитъ ли поѣдать самихъ себя?[1])

Итакъ, чтобы прикончить (!) безполезный споръ нашъ,

---

[1]) Любопытно это выраженіе: „стоитъ ли“. Г. Бриліантовъ, съ своей купеческой точки зрѣнія, и въ церковныхъ дѣлахъ смотритъ только на ихъ „стоимость“.

наше смиреніе приглашаетъ васъ, и черезъ васъ пастырей вашихъ къ братскому союзу и миру церковному.

При этомъ прошу васъ не злоупотреблять моимъ приглашеніемъ, не извращать значенія его. Наше смиреніе, посылая настоящее посланіе къ вамъ, руководствовалось 93 правиломъ св. Карѳагенскаго собора. Отцы этого собора прекрасный дали примѣръ намъ, какъ и какимъ образомъ возвращать къ союзу церковному отпавшую братію. Не забудьте, возлюбленная чада, что, приглашая васъ и пастырей вашихъ къ церковному миру, наше смиреніе не новую вѣру, не новые догматы и преданія проповѣдуетъ вамъ, но при сохраненіи божественной вѣры, св. догматовъ и преданій церкви и отецъ ея предлагаетъ миръ церковный, завѣщанную любовь Господомъ: да чрезъ эту святую, боголюбезную и спасительную христіянскую любовь и вы были бы съ нами въ Богѣ и Богъ въ насъ.

Да будутъ памятны намъ и вамъ слова св. апостола Павла: „молю же вы, братіе, именемъ Господа нашего Іисуса Христа, писалъ онъ къ коринѳяномъ, да тожде глаголете вы, и да не будетъ въ васъ распри, да будете утверждени въ томъ же разумѣніи и той же мысли“ (зач. 12).

Да будемъ единомысленни!

Смиренный *Савватій* архіепископъ Московскій.

7 августа, 7404 лѣта.

2) Дѣло Липинскихъ старообрядцевъ.

а) Его преосвященству преосвященнѣйшему архіепископу Савватію Московскому

Липинскаго молитвеннаго дома прихожанъ и однодеревенцевъ деревни Липки Малой домохозяевъ

прошеніе.

Преосвященный владыко! Мы измучились бѣдные люди, неоднократно ѣздили къ вамъ съ прошеніемъ и просили васъ, чтобы вы отцу Павлу дали строгое предписаніе подчиняться новымъ хозяевамъ и не отлучаться отъ молитвеннаго дома и давать доходъ церкви. Но онъ, угождая

горделивому человѣку, вашего увѣщанія и нашей просьбы счелъ ничтожнымъ, исполнялъ волю Сорокина, пока онъ ихъ подвелъ подъ такую категорію, заставилъ служить поминовенную субботу на кладбищѣ, не въ стѣнахъ, гдѣ слѣдуетъ, но на публикѣ, въ полномъ облаченіи. Мы весьма ихъ упрашивали служить въ стѣнахъ, но они, уважая Сорокину, чтобы не дать дохода въ молитвенный домъ, забрали и подѣлили между собой. Полиція преслѣдуетъ общество и молитвенный домъ за публичное служеніе въ облаченіи. Но мы себя считаемъ въ этомъ невиновными. Мы ихъ упрашивали служить въ стѣнахъ, поэтому за нихъ мы не отвѣчаемъ; если они слушаютъ Сорокина, онъ ихъ пусть и выручаетъ. Они намъ болѣе не священники. Мы служить ихъ болѣе не допустимъ въ молитвенномъ домѣ. Они ведутъ дѣло, какъ Сорокинъ имъ велитъ и стараются запечатать нашу молельню; а служить въ своихъ домахъ имъ много полезнѣе и доходнѣе будетъ. Почему мы ходатайствуемъ предъ вами возвратить намъ своего страдальца Іосифа священника по совѣсти нашей. Но его у насъ сейчасъ нѣтъ и не былъ съ ноября мѣсяца 1895 года, и онъ ничего не знаетъ. А вы пишете чрезъ Сорокина передать Іосифу, который живетъ въ Кривошеинѣ, но не въ Липкѣ, какъ вамъ Сорокинъ навралъ. Вы пишете священнику Іосифу: если кто васъ самовольно переведетъ безъ вашего благословенія, тѣ дадите ему запрещеніе. Но мы съ своей стороны ходотайствовали предъ вашимъ высокопреосвященствомъ объ возвратѣ Іосифа и сейчасъ просимъ и умоляемъ васъ не оставить просьбы нашей — возвратить намъ нашего односельца священника Іосифа.

Но буде не упросимъ васъ, то не знаемъ, чѣмъ придется рѣшить дѣло: остаться навсегда безъ священниковъ, или перейти въ другую епархію. Сорокинъ вамъ вретъ, что насъ малое число хлопочетъ объ Іосифѣ. Но если бы малое было, то Сорокинъ не былъ бы удаленъ отъ хозяйства молитвеннаго дома, который онъ обиралъ 26 лѣтъ, и не былъ бы попъ Павелъ и діаконъ Ѳома прогнаны за ихъ подчиненіе Сорокину. Мы остаемся въ обидѣ отъ васъ. Сколько разъ сами ѣздили и просьбы писали, а все дѣла наши не исполняются, а попираются. А Сорокинъ если пожелаетъ каждую недѣлю поповъ мѣнять, и то ему все можно. Посему просимъ васъ увѣдомить насъ, можно ли надѣяться намъ, что вышлете нашего страдальца въ свою родину. Если же ни, тогда болѣе не будемъ васъ без-

покоить, а перейдемъ къ другому епископу и передадимъ молитвенный домъ въ распоряженіе его, и намъ за это грѣха не будетъ, и правила св. апостолъ и св. отецъ падутъ не на насъ, но на не исполнившаго просьбу общества. Обществами въ древнія времена были перемѣняемы патріархи. Мы имѣемъ указный молитвенный домъ и болѣе 2 тысячъ прихожанъ, которые нуждаются въ священникѣ и удостовѣряютъ ваше преосвященство, что попъ Павелъ болѣе мѣсяца въ моленной не былъ. Если и пять лѣтъ не выхлопочемъ попа, но Сорокину съ Павломъ не дозволимъ обирать нашу церковь. У нихъ 26 лѣтъ книги для прихода и расхода не было, каковую не желаютъ и имѣть. А мы устроили по правиламъ двухъ попечителей, депутатовъ и церковнаго старосту вести приходо-расходную книгу. Наше общество, попечители и депутаты увѣряютъ вполнѣ васъ, что всѣ согласны возвратить священника Іосифа, въ томъ и подписуемся. (Слѣдуютъ подписи).

29 мая, 1896 года.

б) Братству Московскаго старообрядческаго монастыря

отъ крестьянъ-старообрядцевъ деревни Липки Малой и прочихъ прихожанъ Липинскаго молитвеннаго дома

прошеніе.

Достопочтеннѣйшая о Христѣ братія! Убѣдитесь дѣйствіемъ отца Павла и діакона Ѳомы съ попечителемъ Сорокинымъ и взыдите въ разбирательство, до чего подчинился попъ Павелъ и діаконъ простолюдину, что и священныя правила попрали, нѣкоторыхъ безъ покаянія отправили къ Судіи всѣхъ, слушаясь Сорокина. Деревни Боршевки Марка и деревни Шанихи, Бехтеевской волости, и деревни Волковка Малая, той же волости, отлучалъ отъ церкви и не ходилъ въ дома, которые противорѣчили Сорокину, ни съ какими требами не принималъ; еретиковъ принималъ подъ крестъ и за обѣдней дозволялъ молиться, уважая Сорокина; оставилъ свой храмъ, въ который былъ поставленъ безъ воли епископа, поприказанію Сорокина; презрѣлъ архипастырскую власть, всенародно вычитавши предписаніе служить въ Липинскомъ молитвенномъ домѣ, сказалъ: до тѣхъ поръ не буду сдужить, пока Сорокинъ не будетъ одинъ опять попечителемъ. Владыка же Савватій Павломъ попомъ, знать, не можетъ распорядиться, Сорокина боится,

и новаго не даетъ. А смерть никого не ждетъ; заставляетъ Сорокинъ умирать и ему подчиниться. И можно ли это сдѣлать? — болѣе двухъ тысячъ душъ, которые не согласны его имѣть болѣе попечителемъ за его неправильность и гордость. 26 лѣтъ былъ попечителемъ и приходо-расходной книги не имѣлъ, и во все свое время судомъ держался попечительства. Много разъ его отмѣняли, а онъ наглостію своею одолѣвалъ бѣдное общество, и многіе священники отъ него пострадали, не подчиняясь ему.

Любезная о Христѣ братія! Взойдите въ распоряженіе нашего бѣднаго общества. Насъ богатые попираютъ, и многіе безъ покаянія помираютъ; опредѣлите намъ пастыря не подвластнаго Сорокину. Сорокинъ у насъ не попечитель, и священникъ Павелъ намъ не пастырь; когда мы его четыре раза просили служить въ молитвенномъ домѣ, а не слушать Сорокина, онъ насъ не послушалъ, а также и архіепископа преслушалъ. По сему горестному нашему положенію, оставленъ нашъ указный молитвенный домъ безъ священника. Но мы не допустимъ Сорокина и съ его попомъ, хотя пять лѣтъ не дадите намъ священника: или такъ останемся, или къ другому отправимся за ихъ другъ друга неправильное защищеніе. Но мы ходатайствуемъ предъ вами не оставить нашей просьбы, обратить намъ нашего страдальца священника Іосифа Смирнова, который усланъ безвинно чрезъ Сорокину злобу, который будетъ безотлучно при молитвенномъ домѣ, и намъ удобнѣе, и желательнѣе своего имѣть пастыря. У него содержаніе все свое будетъ. Многіе не ходили на духъ съ тѣхъ поръ, когда онъ былъ усланъ. Всѣ мы душевно умоляемъ васъ, не оставьте нашей просьбы возвратить намъ отца Іосифа. Мы всѣ согласны къ нему, и тогда одинъ Сорокинъ усмирится, но не мы, большія тысящи, будемъ ему кланяться. Въ томъ и подписуемся.

в) Старообрядческаго архіепископа Саввати́я Московскаго

прихожанамъ деревни Малой Липки

извѣщеніе.

Симъ извѣщаю васъ, прошеніе ваше получилъ и содержаніе видѣлъ, а посему и отвѣчаю. Вы желаете имѣть то, чего ни цари, ни князи, ни судьи не имѣютъ; а именно: просите дать строгое приказаніе подчиниться новымъ хо-

зяевамъ, и кому же? священнику и діакону, на которыхъ вы въ родительскую субботу, какъ стая хищныхъ и кровожадныхъ волковъ или звѣрей напали, отъ которыхъ нѣтъ спасенія не только что во дворѣ, или въ домѣ, но даже въ храмѣ Божіемъ и олтарѣ не даютъ пощады, куда не имѣютъ входа даже богобоязливые и благочестивые и вѣрные христіане, и даже ангели со страхомъ предстоятъ и не могутъ зрѣть, крылы закрываются, охраняютъ престолъ и жертвенникъ, а у васъ врываются во святая святыхъ шайка кровожадныхъ и хищныхъ волковъ и бьютъ тамъ клириковъ, подобно кровожаднымъ жидамъ, убившимъ Захарію между церковью и олтаремъ. Номоканонъ, л. 139: Да не обладаетъ священникомъ никто отъ простыхъ людей, точію великая соборная святая церковь обладаетъ и судитъ ихъ по закону священныхъ правилъ, а изъ простыхъ людей, ни царь, ни князь, ни боляринъ, ни всякъ мірской судія да не обладаетъ іереемъ. Сія вся Богови возложена суть и святителемъ, и никтоже ими обладаетъ отъ мірскихъ. (Кормчая древлеписьменная, гл. 118). Царь Мануилъ нѣкогда увидалъ іерея, неподобное творяща, и повелѣ на него царь возложити раны, въ ту же нощь явися ему Спасъ Вседержитель и рече ему: чесо ради восхищаеши святительскій судъ, егоже Азъ ти не предахъ. Тебѣ дано начальство въ человѣцѣхъ еже отъ супостатъ обороняти, святителямъ же повелѣно пещись о духовномъ исправленіи, и сего ради власть имѣютъ духовно вязати и рѣшати. И повелѣ пришедшимъ съ нимъ ангеломъ раны возложити на царя, указывая перстомъ своимъ, якоже на иконѣ видимъ есть. И возбнувъ царь отъ страшнаго онаго видѣнія, и услышавъ на тѣлесѣ своемъ раны тяжки, и вставъ притече ко иконѣ Спасовѣ, и узрѣ руку Спасову, указующу низу, а не тако якоже онъ прежде написалъ. Се же видѣвъ царь Мануилъ, восплакася, сице глаголя: согрѣшихъ, Господи, прости мя, Владыко, и нынѣ каюся о своемъ согрѣшеніи, и молютися, яко отселѣ не имамъ посягнути на таковый судъ.

Еще вы пишите, что если мы не вышлемъ вамъ вашего страдальца, то вы перейдете къ другому епископу и передадите молитвенный домъ въ его распоряженіе: то этимъ уже вы ясно и положительно доказываете, что вы люди жестокіе и коварные, сожженной совѣсти, не имѣете вѣры ни въ Бога, ни во святую церковь, ни во Евангеліе, ни страха Божія. Господь глаголетъ: слушаяй васъ, Мене

слушаетъ, отметаяйся васъ, Мене отметается. А вы требуете, чтобы васъ слушать, и поставили непремѣнное условіе, что если мы по-вашему не сдѣлаемъ, то вы перейдете къ другому епископу, чѣмъ ясно показываете, что вы невѣры и, какъ звѣри, способны, если васъ не уважить, на всякое преступленіе и отступленіе отъ вѣры, а быть можетъ и отъ Христа, то намъ тогда радоваться нужно будетъ, какъ говоритъ Кипріанъ Карѳагенскій, что отъ насъ отступаютъ такіе изверги, какъ гнилые и зараженные члены, смущающіе заразой и гангреной для здороваго тѣла церкви. Еще хвалитесь, что васъ большая стая кровожадныхъ и хищныхъ звѣрей. А если бы, говорите, насъ было мало, то мы не прогнали бы Сорокина и попа Павла и не избили бы діакона Ѳому за ихъ подчиненіе Сорокину и непослушаніе общества. Но и звѣри имѣютъ благоговѣйное подчиненіе своему властелину и не могутъ подходить близко изъ-за страха, чтобы не нарушить покоя своего владыки, и язычники почитаютъ своего жреца и честь воздаютъ ему, а не оскорбленіе. Язычники,не имѣющіе закона, естествомъ законная творятъ· а вы называете себя: неужели мы не люди и не общество?

Поистинѣ можно сказать, что ни то, ни другое, потому что люди, а тѣмъ болѣе общество, поступаютъ благоразумно и основательно. На то писаніе говоритъ: все елико речетъ ти священникъ, сотвори и не уклонися ни налѣво, ни направо отъ глаголемыхъ; человѣкъ бо аще сотворитъ презрѣніе, еже не послушати священника, достоинъ есть смерти (Прол. 10 марта).

Спрашивается, на какомъ же основаніи и въ силу какихъ каноническихъ правилъ вы похитили судъ не только что епископскій, такъ какъ этого и епископъ сдѣлать не можетъ, мало того и соборъ епископовъ этого сдѣлать не можетъ. А посему я на основаніи 6 правила втораго всел. собора, мало того, что не нахожу нужнымъ и полезнымъ перевести вамъ священника Іосифа, но и на будущее время не могу отъ васъ принимать никакихъ прошеній ни заявленій.

Смиренный *Савватій* архіепископъ Московскій.

13-го іюня 1896 года.

11. Разъясненіе мурашкинскаго дѣла. — О великовскихъ раскольникахъ. — Новые примѣры раскольническихъ гоненій на православіе.

Въ нашей „Лѣтописи“ приведенъ былъ (см. гл. 9) изъ раскольнической заграничной газеты разсказъ о произве-

денномъ будто бы православными священниками въ селѣ Мурашкинѣ нападеніи на мирно молившихся старообрядцевъ,— разсказывалось, что будто бы во время всенощной подъ 14 мая, то есть наканунѣ коронаціи, „четыре попа, вооружившись полицейскою властью, понятыми и дубинками, прибѣжали на моленіе старообрядцевъ“, собравшихся „въ одинъ большой домъ“, „начали писать протоколъ, чтобы этихъ мирныхъ, прибѣгающихъ съ молитвою къ Богу людей привлечь къ уголовной отвѣтственности“, но должны были удалиться со стыдомъ, когда имъ была показана телеграмма нижегородскаго губернатора, коею сей послѣдній „разрѣшалъ старообрядцамъ богомоленіе“. Мы тогда же высказали предположеніе, что если и было нѣчто подобное въ Мурашкинѣ, то, конечно, дѣло происходило не такъ, какъ разсказывается въ раскольнической газетѣ, и что по всей вѣроятности мурашкинскіе раскольники, по раскольническому обычаю, задумали воспользоваться такимъ удобнымъ временемъ, какъ дни коронаціи, чтобы незаконно открыть какую-нибудь новую моленную, въ чемъ мѣстное православное духовенство и хотѣло имъ воспрепятствовать. Высказавъ эти предположенія, мы прибавили, что желали бы получить разъясненіе дѣла отъ самого мурашкинскаго духовенства. Но мурашкинское духовенство „Братскаго Слова“ не читаетъ, и объясненія этого мы не дождались бы отъ него, если бы не приняло въ этомъ дѣлѣ участія одно посредствующее лицо, благодаря которому старшій мурашкинскій священникъ наконецъ прислалъ намъ цѣлый, офиціально засвидѣтельствованный, докладъ. Оказалось, что наши предположенія были вполнѣ справедливы,—что мурашкинскіе раскольники давно желали открыть служеніе въ выстроенной ими три-четыре года тому назадъ моленной на усадьбѣ В. Пѣснякова и успѣли выхлопотать у нижегородскаго губернатора разрѣшеніе отправить въ ней службу по случаю предстоявшей коронаціи. По словамъ старшаго мурашкинскаго священника, въ началѣ всенощной подъ 14-е мая вошли къ нему въ

алтарь два прихожанина, объявили, что австрійцы служатъ въ новой моленной, и убѣдительно просили — принять мѣры къ пресѣченію такого противозаконнаго дѣла. Тогда другой священникъ, не участвовавшій въ служеніи, отправился вмѣстѣ съ ними заявить объ этомъ дѣлѣ мѣстному уряднику, а тотъ, взявъ нѣсколькихъ полицейскихъ, пригласилъ заявителей идти съ нимъ изслѣдовать дѣло на мѣстѣ. Достигнувъ новоустроенной моленной, находящейся при домѣ Прѣснякова, въ задней части его сада, обнесеннаго высокимъ заборомъ, не входя въ самую моленную, они остановились въ дверяхъ, откуда и видѣли ясно, что въ моленной идетъ служба. Тогда священникъ удалился совсѣмъ, а урядникъ попросилъ выслать къ нему изъ моленной хозяина дома для объясненій. Когда Прѣсняковъ явился, то урядникъ спросилъ его: по какому праву они открыли служеніе въ новой, не дозволенной правительствомъ моленной? Прѣсняковъ отвѣтилъ, что на то имѣется разрѣшеніе отъ г. губернатора, и пригласилъ урядника въ домъ, гдѣ дѣйствительно показалъ ему присланное отъ губернатора разрѣшеніе старообрядцамъ отслужить въ домѣ В. В. Прѣснякова въ день священнаго коронованія Ихъ Величествъ всенощную и молебенъ. Этимъ все и кончилось. Ни „четырехъ поповъ“, ни „дубинокъ“, ни „протоколовъ“ не было. А между тѣмъ раскольники цѣли своей достигли: получивъ отъ благосклоннаго губернскаго начальства разрѣшеніе отслужить у Прѣснякова только въ день коронаціи и только всенощную и молебенъ, они приняли это за разрѣшеніе открыть моленную и отправлять въ ней во всякое время и всякія службы, не исключая даже литургіи. Вотъ что̀ пишетъ объ этомъ, равно какъ о самомъ построеніи новой моленной, мурашкинскій священникъ: „Въ самомъ Мурашкинѣ раскольниковъ весьма немного, а именно человѣкъ 80 обоего пола; но къ нимъ примыкаютъ окрестные раскольники, какъ къ своимъ руководителямъ, такъ что всѣхъ раскольниковъ австрійской секты въ мурашкинскомъ приходѣ насчиты-

вается сотъ до пяти. Еще въ шестидесятыхъ годахъ бывшій старообрядецъ австрійскаго согласія, потомъ присоединившійся къ церкви, служившій миссіонеромъ во Владимірской епархіи, а въ настоящее время православный священникъ села Кеньшева (въ Княгинин. у.), П. Г. Полуектовъ вывезъ изъ Москвы отъ Антонія Шутова въ Мурашкино походную церковь. Для нея потомъ устроили раскольники постоянное помѣщеніе въ задней половинѣ дома мурашкинскаго обывателя — Недорѣзова. Здѣсь они и отправляли службу. Но тѣснота помѣщенія, а особенно существованіе его въ жиломъ домѣ побудили ихъ устроить для своей церкви особое зданіе. Куплены были готовые обширные срубы въ деревнѣ Тыновѣ и секретнымъ образомъ оттуда перевезены въ Мурашкино на усадьбу Прѣснякова, здѣсь поставлены и отдѣланы: явилось обширное зданіе съ желѣзной шатровой крышей, внутри оштукатуренное, съ потолкомъ въ видѣ продольной арки. Года три-четыре тому назадъ раскольники хотѣли освятить его подъ свою церковь, и на это торжество уже былъ приглашенъ ихъ лжеепископъ Кириллъ нижегородскій, или елесинскій. Но православные, узнавъ объ этой затѣѣ раскольниковъ. дали знать начальству, и тогдашній княгининскій исправникъ запретилъ имъ открывать новую моленную для богослуженія. Съ тѣхъ поръ они и ждали удобнаго случая, которымъ могли бы воспользоваться, чтобы войти въ свою новую моленную. Коронаціонные дни явились удобнымъ къ тому случаемъ. Минуя мѣстное начальство, они испрашиваютъ у г. губернатора разрѣшеніе — помолиться, отслужить утреню и молебенъ, въ домѣ Прѣснякова, при чемъ не упомянули объ устроенной при этомъ домѣ отдѣльной большой моленной; воспользовавшись этимъ разрѣшеніемъ, они вошли въ моленную и уже не выходятъ изъ нея, служатъ въ ней не всенощныя только и молебны, а и обѣдни".

Такъ вотъ что было въ дѣйствительности. Православные хотѣли воспрепятствовать раскольникамъ въ затѣян-

номъ ими противозаконномъ дѣлѣ; но оказалось, что на это противозаконное дѣло они имѣютъ разрѣшеніе отъ начальника губерніи, и свою попытку православные должны были оставить, а раскольники, воспользовавшись въ преувеличенныхъ размѣрахъ даннымъ отъ губернатора дозволеніемъ, доселѣ продолжаютъ свое противозаконное дѣло. Что же сдѣлала изъ этого раскольническая газета? Со словъ своего корреспондента-раскольника она сочиняетъ цѣлую исторію возмутительнаго гоненія на старообрядчество, выдумываетъ „четырехъ поповъ“, „дубины“ и „протоколы“, и пускается въ восхваленія патріотизму раскольниковъ, обвиняя вмѣстѣ съ тѣмъ православное духовенство въ полномъ отсутствіи патріотическихъ чувствъ...

Кстати приведемъ присланное намъ, по случаю той же мурашкинской исторіи, однимъ почтеннымъ человѣкомъ изъ православныхъ, извѣстіе о беззаконіяхъ, чинимыхъ раскольническимъ именуемымъ духовенствомъ, даже ихъ мнимыми епископами, тутъ же по близости Мурашкина. Въ селѣ Великовскомъ живетъ австрійскаго неокружническаго толка именуемый епископъ Макарій. Осенью онъ ѣздилъ съ порученіемъ отъ своихъ въ Стародубье, къ тамошнему собрату своему — Михаилу, для примиренія этого послѣдняго съ третьимъ неокружническимъ епископомъ Іовомъ. Предъ его отъѣздомъ туда одинъ изъ мѣстныхъ противуокружниковъ — Иванъ Косушкинъ просилъ его поспѣшить возвращеніемъ, чтобы повѣнчать его, Косушкина, съ дочерью безпоповца поморской секты — Борисова. Макарій обѣщалъ возвратиться къ 22 октября и велѣлъ Косушкину приготовить все нужное для свадьбы. Косушкинъ приготовился къ назначенному сроку; а Макарій возвратиться не успѣлъ. Ждать его пріѣзда Косушкину не захотѣлось, — онъ пригласилъ какого-то Сергѣя Механцева, должно быть уставщика, чтобы сочеталъ его бракомъ, что этотъ и исполнилъ. Новобрачные начали жить по супружески. Вскорѣ потомъ возвратился Макарій и, ни мало не стѣсняясь, совершилъ вѣнчаніе не жениха и невѣсты, а мужа и жены, — даже вывелъ ихъ на улицу въ

вѣнцахъ, и здѣсь торжественно благословилъ. Любопытно, что онъ, къ крайнему неудовольствію самихъ австріяковъ, не сдѣлалъ даже присоединенія безпоповки къ австрійскому согласію, тогда какъ надъ окружницей, вѣроятно, учинилъ бы таковое. Потомъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, у поморскаго начетчика Кузьмы Механцева скрылась изъ дому дочь, дѣвушка 13 или 14 лѣтъ: она оказалась въ домѣ противуокружника Степана Бугрова, и этотъ послѣдній пригласилъ своего владыку Макарія повѣнчать бѣглянку съ его сыномъ Яковомъ, имѣющимъ отъ роду только 16 лѣтъ. Въ 9-мъ часу вечера, запершп двери моленной, Макарій приступилъ къ вѣнчанію малолѣтковъ. Объ этомъ узналъ братъ бѣглянки и съ нѣсколькими родственниками пришелъ къ моленной и началъ бросать полѣньями въ окна. Макарій укрывался съ женихомъ и невѣстой то за однимъ простѣнкомъ, то за другимъ; но все-таки кончилъ вѣнчаніе. Новобрачныхъ съ предосторожностями провели домой и начали пированье. Вотъ что̀ дѣлаютъ, — вотъ какіе противозаконные браки, воспрещаемые и церковными и гражданскими законами, вѣнчаютъ сами именуемые епископы старообрядцевъ, чувствуя свободу — дѣлать что̀ имъ угодно, производить всякія беззаконія. Раскольническая газета, служащая органомъ передовыхъ старообрядцевъ, не хочетъ обратить вниманія на эти беззаконія, а все требуетъ только еще большей свободы расколу, чтобы его лжеепископы и лжепопы могли безчинствовать и беззаконничать, никого уже и ничего не опасаясь...

А чего достигло бы тогда гоненіе торжествующаго раскола на православіе, можно судить по примѣрамъ такихъ гоненій и нынѣ весьма часто встрѣчаемымъ. Приведемъ здѣсь нѣкоторые изъ нихъ въ назиданіе раскольнической газетѣ, хранящей о нихъ упорное молчаніе.

Вотъ какое вопіющее дѣло совершили раскольники австрійскаго согласія въ Измаилѣ. Изъ присоединившихся къ церкви старообрядцевъ образовалось здѣсь небольшое общество единовѣрцевъ, и въ недавнее время, благодаря

участію правительства, для нихъ построена не большая, но красивая деревянная церковь, которая къ великой радости и православныхъ и единовѣрцевъ освящена была 2 октября преосвященнымъ Аркадіемъ, епископомъ Аккерманскимъ, викаріемъ Кишиневской епархіи. Мѣстные раскольники изъ паствы Анастасія Измаильскаго, съ особенной враждой относящіеся именно къ единовѣрцамъ, и при постройкѣ церкви и особенно при освященіи открыто произносили разныя хулы на нее и угрозы, что ей долго не существовать. И спустя четыре дня по освященіи, 7-го октября, среди бѣлаго дня церковь сгорѣла до тла. Одинъ изъ раскольниковъ бросилъ въ окно подъ колокольней бутылку съ какимъ-то взрывнымъ составомъ,—многіе слышали взрывъ, послѣ чего вспыхнула именно колокольня, отъ которой пожаръ распространился на всю церковь, выкрашенную и снаружи и внутри масляной краской, представлявшую поэтому удобную пищу для огня. Вотъ предъ какими преступленіями не смущается и не стѣсняется злоба раскольниковъ на православную церковь! Совершить это преступленіе въ Измаилѣ было тѣмъ удобнѣе, что преступникъ могъ, по слѣдамъ Мельникова, бѣжать (и дѣйствительно бѣжалъ) за границу, гдѣ всѣ дѣятели „Слова Правды“, конечно, приняли такого ревнителя о древнемъ благочестіи съ распростертыми объятіями.

А въ свидѣтельство того, съ какимъ озлобленіемъ раскольники относятся даже къ своимъ кровнымъ роднымъ, какъ скоро они присоединяются къ православной церкви, приведемъ доставленное намъ письмо одного изъ нихъ къ своей дочери, имѣющей мужа, присоединившагося къ церкви, и, какъ видно, склонной также къ присоединенію. Вотъ что̀ пишетъ этотъ раскольникъ, выражая свойственныя всѣмъ раскольникамъ понятія о православныхъ и чувства къ православнымъ: „Дочь наша милая! Что ты это дѣлаешь? Мы наслышаны отъ людей, что ты молитву берешь у никоніанскаго попа и дѣтей крестишь у хохловъ, отъ Бога проклятыхъ! Ты знаешь, — это ересь отпадшая во

вѣки! Пусть онъ (мужъ) одинъ погибаетъ въ этой ереси, а не вся ваша семья! Ты могла бы не дать ему крестить; онъ не могъ бы насильно взять. Сказала бы ему: я это дитя на двѣ части разорву, да ве дамъ тебѣ у еретиковъ крестить! Ахъ, что ты это вздумала! Нѣтъ тебѣ отъ насъ благословенія это дѣлать отнынѣ и до вѣка. Ты намъ придала такой печали, что мы не можемъ по бѣлому свѣту ходить" и т. д. Легко понять, какой раздоръ вносятъ въ семейную жизнь такіе совѣты и наставленія родителей-старообрядцевъ, столь мирно якобы, по газетнымъ отзывамъ, относящихся къ православной церкви! Но дѣло не ограничивается одними совѣтами и наставленіями, подкрѣпляемыми притомъ проклятіями „отнынѣ и до вѣка". Вотъ что̀ разсказываетъ та самая газета, которая такъ недавно прославляла мирныя отношенія раскола къ церкви и предлагала православнымъ протянуть только руку старообрядцамъ, чтобы достигнуть вожделѣннаго мира въ россійской церкви, — газета, особенно прославляемая раскольниками, которой поэтому не могутъ они не вѣрить, — и разсказываетъ не о какомъ-нибудь захолустномъ раскольникѣ, каковъ писавшій приведенное сейчасъ письмо, а объ столичномъ жителѣ, объ „извѣстномъ петербургскомъ раскольникѣ-милліонерѣ". По сообщенію „Новаго Времени" этотъ милліонеръ-раскольникъ „выгналъ своего сына изъ дому за то, что тотъ перешелъ въ православіе и женился на православной, даже огласилъ его сумасшедшимъ и требовалъ освидѣтельствованія его умственныхъ способностей. Несчастному молодому человѣку пришлось перестрадать все, что̀ въ подобныхъ случаяхъ испытываютъ злонамѣренно обрекаемые на жизнь въ домѣ сумасшедшихъ, особенно обрекаемые милліонерами. Дѣло въ главномъ медицинскомъ управленіи кончилось однако въ его пользу, — его признали здоровымъ. „Но, — продолжаетъ газета, — фанатикъ-отецъ не смирился и, обладая огромными средствами, продолжаетъ преслѣдовать сына, живущаго съ женой въ меблированной комнатѣ". Не лучше поступилъ онъ

и съ дочерью, которая, вопреки его требованію выйти замужъ за невѣжественнаго раскольника, обвѣнчалась въ православной церкви съ любимымъ человѣкомъ, ушедши тайкомъ изъ дому, гдѣ отецъ, не соглашавшійся на бракъ ея съ никоніанином̀ъ, заперъ ее на замокъ въ комнатѣ съ закрашенными окнами. Обвѣнчавшись, она явилась съ мужемъ къ отцу просить прощенія; а тотъ не только не принялъ дочери, но и пригласилъ полицію - взять ее, какъ воровку, будто бы похитившую у него много денегъ и вещей... „Случилось все это, — прибавляетъ газета, — не гдѣ-нибудь въ сибирской тайгѣ, а здѣсь, въ Петербургѣ, случилось на-дняхъ, не въ романѣ, а въ дѣйствительности“.

И примѣры такого ожесточенія раскольниковъ противъ церкви православной не какіе-либо исключительные случаи,—это общее явленіе въ фанатической средѣ раскола, это естественное проявленіе и послѣдствіе свойственныхъ расколу, составляющихъ самое существо его, понятій о церкви и воспитанной этими понятіями вражды ихъ ко всему православному. Требуется отъ насъ усиленная молитва къ Богу не только о просвѣщеніи ума омраченныхъ расколомъ бывшихъ братій нашихъ, но и о смягченіи ихъ сердецъ, ожесточенныхъ такою враждою противъ православной церкви

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Арестъ лжепопа Мельникова и побѣгъ его сыновей. — Письмо бѣглопоповца объ этомъ событіи 1
2. Еще о Мельниковѣ. — Нѣкоторыя новости у неокружниковъ и окружниковъ — Еще подпольная раскольническая книга, неимовѣрно дерзкая 10
3. Въ дополненіе къ извѣстіямъ о Мельниковыхъ. — Новая раскольническая газета. — Неокружники и окружники 22
4. Письмо лжеепископа Силуана о мнимыхъ мошахъ. — Новое появленіе Карловича 33
5. Чѣмъ кончилась исторія Еѳима Мельникова. — О сынѣ его, заграничномъ агитаторѣ. — Новое произведеніе заграничной раскольнической литературы 49
6. Замыслы раскольниковъ австрійскаго согласія. — Вопіющая клевета раскольническаго „Слова Правды“ 61
7. Дополнительныя извѣстія объ эмигрантѣ Мельниковѣ . . . 81
8. Послѣднее слово раскольничеству „Слову Павды“. — Г-да ученые, обвиняемые въ клеветѣ. — Покаянное слово раскольнической газеты 89
9 Еще о неправдахъ раскольническаго „Слова Правды“.— Раскольническая дерзость, не имѣющая примѣра 103
10. Новая попытка окружниковъ къ примиренію съ неокружниками. — Примѣръ господствующаго въ австрійскомъ расколѣ безчинія и безначалія 123
11. Разъясненіе Мурашкинскаго дѣла. — О великовскихъ раскольникахъ. - Новые примѣры раскольническихъ гоненій на православіе 141

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*стр*	*Напечатано*	*должно быть*
61	6 св.	записки	замыслы
59	9	подробности	способности